

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

4

Выпуск (885)

Год основания – 1940

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
МГЛУ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2024

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

4

Issue (885)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2024

1930

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 4 (885)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК

Зам. главного редактора
Е. И. КАРПЕНКО

доктор филологических наук, профессор

кандидат филологических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (НИУ МЭИ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 4 (885)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief

GALINA G. BONDARCHUK

Doctor of Philology, Professor

Deputy Chief Editor

ELENA I. KARPENKO

PhD in Philology

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V. V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IMLI)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU "Higher School of Economics" in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPEI)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osmarina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Institute of the Russian Language)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Уровни диссонантности антиутопии (на материале английского языка) АНДРЕЕВА С. А., СОЛОБУТО Д. С.	9
Бранденбургский ландшафт в аспекте лингвокультурной перспективы автора БЕСПАЛОВА Е. В.	16
Семиотические функции английских наименований одежды в публицистическом тексте (корпусное исследование) БОНДАРЧУК Г. Г.	23
Вариативность в понятийном согласовании как проекция ролевых отношений в клаузе с существительным family БОРЗИЛОВ А. Д.	30
Синтаксис «digital native media» и «legacy media» ВАНЬКО Т. Р.	37
Функциональная семантика поликатегориального комплекса в драматическом диалоге (на материале английской драматургии XIX в.) ЕРОХИНА О. В.	45
Специфика новых английских отпрецедентных имен с позиций концептуального подхода ЗАХАРОВА А. Г.	53
Когнитивные основания классификации глаголов речевой деятельности в китайском языке КРАСИКОВА Е. А.	59
Некоторые энтомологические образы в португальской поэзии: традиция и новаторство КУТЬЕВА М. В., МАХОРТОВА В. А.	66
Особенности применения идеологемы «неравенство» в политическом дискурсе Мишель Бачелет КУШНЕРЕВА Д. А.	75
Отражение символического обряда посвящения в рыцари в старофранцузском «Ordene de chevalerie» (на материале стихотворного и прозаического списков XIII века) МАНУХИНА А. О.	82
Этимология лексики средневекового английского трактата: на пути становления научно-технического инструктивного дискурса МУХИН С. В.	89
Язык Дж. Чосера (синтаксический аспект) ПАВЛОВА Е. Б.	96
<i>Frijolero</i> : формирование метаобраза в языковой картине мира мексиканца ПОПОВА Е. А.	104

СОДЕРЖАНИЕ

Диалектика «норма – аномалия, или другая норма» как обоснование смыслового согласования САЛЬКОВА М. А.	111
Прагматика двойного отрицания в английском языке СМУРОВА О. В.	119
Грамматические идиомы в диахронии (на материале английского языка) СОРОКИНА Т. С.	126
Особенности языковой игры в китайском политическом дискурсе СЯОЦИ Ю.	132
Лингвистические особенности текстов сообщений о ликвидации чрезвычайных ситуаций (на материале немецкого языка) ШМЕЛЕВА О. Н.	139

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Проблематика природы власти в романе Нгуен Суан Кханя «История, произошедшая в одном переулке» МУРАЛОВА Е. О.	147
Историко-политический аспект русской темы в прозе М. Павича НИКОЛИЧ М.	154

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Социокультурная инклюзия в современной России: в поисках национальной модели ДЕМИНА Д. А., ФУРСОВА Д. А.	161
Цвет и фабула в изображении: символизм, эмоциональное воздействие и возможность вербализации СЕВОСТЬЯНОВ Д. А.	168

LINGUISTICS

Levels of Discordance in Dystopia (Based on English Language Material) ANDREEVA S. A., SOLOBUTO D. S.	9
Brandenburg Landscape through the Author's Linguistic and Cultural Perspective BESPALOVA E. V.	16
Semiotic Functions of English Clothing Names in a Journalistic Text (corpus-based study) BONDARCHUK G. G.	23
Notional Agreement Variability as a Reflection of Role Relations in the Family Noun Clause BORZILOV A. D.	30
Syntax of 'digital native media' vs. 'legacy media' VANKO T. R.	37
Functional Semantics of Polycategorical Complex in a Drama Dialogue (a case study of the XIX century English Drama) EROKHINA O. V.	45
Specificity of New English Derivatives from Precedent Names from the Standpoint of Conceptual Approach ZAKHAROVA A. G.	53
Cognitive bases for the classification of speech communication verbs in the Chinese language KRASIKOVA E. A.	59
Entomological Images in Portuguese Poetry: Tradition and Innovation KUTYEVA M. V., MAKHORTOVA V. A.	66
Features of the use of the ideologeme "Inequality" in the Political Discourse of Michelle Bachelet KUSHNEREVA D. A.	75
Reflection of the Symbolic Rite of Knighthood in the Old French "Ordene de chevalerie" (Based on the Material of the Poetry and Prose Lists of the XIII Century) MANUHINA A. O.	82
Etymology in a Medieval English Treatise: Origins of Scientific and Technical Instruction MUKHIN S. V.	89
The syntactic aspect of G. Chaucer's language PAVLOVA E. B.	96
<i>Frijolero</i> : Shaping a Meta-Image in the Mexican Linguistic Worldview POPOVA E. A.	104

CONTENTS

Dialectics “Norm – Anomaly, or Another Norm” as Foundation of Notional Agreement SAL’KOVA M. A.	111
The Pragmatics of Double Negation in the English Language SMUROVA O. V.	119
English Grammatical Idioms in Diachrony SOROKINA T. S.	126
Features of Language Game in Chinese Political Discourse XIAOQI YUAN	132
The Linguistic Features of Texts of Emergency Response Reports (based on the Data of the German Language) SHMELEVA O. N.	139

LITERARY STUDIES

The Question of the Nature of Power in Nguyen Xuan Khanh’s Novel “A Story That Happened in One Alley” MURALOVA E. O.	147
Historical and political aspect of the Russian theme in the prose of M. Pavich NIKOLITCH M.	154

CULTUROLOGY

Sociocultural Inclusion in Modern Russia: in Search for National Model DEMINA D. A., FURSOVA D. A.	161
Color and Fable in the Picture: Symbolism, Emotional Impact and the Possibility of Verbalization SEVOSTYANOV D. A.	168

Уровни диссонансности антиутопии (на материале английского языка)

С. А. Андреева¹, Д. С. Солобуто²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹Sandreeva1@yandex.ru

²diana-f@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об уровнях диссонансности антиутопии. Авторы предлагают три параметра описания диссонансных явлений: степень абстракции, степень выраженности и степень охвата контекста, устанавливая соотношение между параметрами описания и уровнями диссонанса (микроуровень, мезоуровень и макроуровень). Анализ примеров когнитивного диссонанса с опорой на теорию концептуальной интеграции показывает, что в англоязычных антиутопических произведениях присутствует когнитивный диссонанс всех трех уровней.

Ключевые слова: когнитивный диссонанс, диссонансность, уровни когнитивного диссонанса, антиутопия, концептуальная интеграция

Для цитирования: Андреева С. А., Солобуто Д. С. Уровни диссонансности антиутопии (на материале английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 9–15.

Original article

Levels of Discordance in Dystopia (based on English language material)

Svetlana A. Andreeva¹, Diana S. Solobuto²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹Sandreeva1@yandex.ru

²diana-f@mail.ru

Abstract. The article looks into the levels of cognitive dissonance in dystopia. The authors propose three parameters of describing cognitive dissonance: the degree of abstraction, the degree of manifestation and the degree of context inclusion, establishing correlations between the descriptive parameters and the levels of dissonance (micro-, meso- and macro-levels). When analyzing concrete examples of cognitive dissonance the authors rely on the theory of conceptual integration and demonstrate that dystopian fiction contains cognitive dissonance of all the three levels.

Keywords: cognitive dissonance, cognitive discordance, cognitive dissonance levels, dystopia, conceptual integration

For citation: Andreeva, S. A., Solobuto, D. S. (2024). Levels of discordance in dystopia (based on English language material). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4 (885), 9–15.

ВВЕДЕНИЕ

Термин «когнитивный диссонанс» (далее КД) был впервые предложен психологом Лео Фестингером. В своей теории когнитивного диссонанса психолог определил его как существование противоречивых отношений между отдельными элементами в системе знаний; как одновременную оппозицию двух противоположных взаимосвязанных когниций в сознании индивида, которая создает психологическое напряжение, дискомфорт [Tompkins, Lawley, 2009]¹. В результате индивид стремится преодолеть это противоречие, «подгоняя» свои представления под возникшую ситуацию, и в некоторых случаях корректируя свое поведение.

В своем определении когнитивного диссонанса мы частично базируемся на терминологии Фестингера. Мы определяем КД как состояние когнитивного дискомфорта, возникающее в сознании интерпретатора в процессе восприятия текста. Если мы наблюдаем множественные диссонансные явления, реализуемые в конкретном тексте или ряде текстов и демонстрирующие относительную устойчивость и стабильность, то можно говорить о «диссонансности» (discordance) как о характеристике того или иного типа дискурса.

В ходе теоретического обзора публикаций по теме КД было выявлено, что критерии для классификации диссонансных явлений не сформированы. В целях выполнения нашего исследования представляется целесообразным выделить следующие параметры описания диссонансных явлений:

- 1) степень абстракции. Данный параметр связан со степенью отвлеченности рассматриваемого явления, с тем, насколько оно конкретно или абстрактно;

- 2) степень выраженности. Она определяется имплицитностью или эксплицитностью, т. е. тем, подразумевается ли когнитивный диссонанс или имеет определенное лексическое выражение в дискурсе;
- 3) степень охвата контекстом. В соответствии с этим признаком явление может находить свое выражение в виде лексических единиц или синтаксических структур в рамках одного предложения, фрагмента текста или же на уровне всего произведения.

Опираясь на перечисленные параметры, можно выделить следующие уровни реализации диссонансных явлений: 1) микроуровень; 2) мезоуровень; 3) макроуровень.

Корреляция между уровнями реализации диссонансных явлений и параметрами их описания может быть представлена в таблице (см. табл. 1):

Рассмотрим проявления КД на всех трех уровнях на материале антиутопического художественного дискурса.

КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС НА МИКРОУРОВНЕ

На микроуровне КД вербализуется в первую очередь в виде стилистических приемов и синтаксических конструкций. Представляется практичным рассматривать эти лингвистические явления в свете теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье [Fauconnier, 1985], потому что ее схематичность дает возможность наглядно проиллюстрировать их структуру.

Ментальные пространства универсальны для любых языков и культур, а дискурсы – лишь малая часть их проявлений. За процессами восприятия, интерпретации, продуцирования, а также функционирования языка стоят сложные ментальные операции, которые протекают в сознании спонтанно и незаметны для говорящего [Ковальчук, 2011].

¹Эд. и далее перевод наш. – С. А., Д. С.

Таблица 1

РЕАЛИЗАЦИЯ ДИССОНАНСНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Критерии	Диссонанс микроуровня	Диссонанс мезоуровня	Диссонанс макроуровня
1) степень абстракции	низкая	средняя	высокая
2) степень выраженности	эксплицитный	эксплицитный	частично имплицитный
3) степень охвата контекстом	лексические единицы и синтаксические структуры в рамках одного предложения	лексические единицы и синтаксические структуры на уровне фрагмента / фрагментов текста	лексические единицы и синтаксические структуры в рамках всего произведения

В ходе развития концепции о ментальных пространствах возникла и оформилась теория концептуальной интеграции.

В основном исследователи (Н. Ю. Белькова, Л. П. Ковальчук, Э. В. Будаев, И. А. Солодилова, О. Н. Санжарова, Е. Е. Голубкова, Г. Радден (G. Radden) и др.) анализируют с позиций теории концептуальной интеграции метафору и метонимию. Изучение данных приемов с когнитивной точки зрения позволяет раскрыть механизмы «лингвокреативной деятельности» человека [Ирисханова, 2004]. Процесс концептуальной интеграции присущ многим лингвистическим явлениям, включая сложные и производные слова, идиомы, фразеологизмы, некоторые стилистические приемы. Мы полагаем, что применение теории концептуальной интеграции к анализу диссонансных явлений микроуровня позволяет выделить некоторые особенности в структуре возникающего бленда.

Например, если мы рассмотрим с точки зрения теории концептуальной интеграции стилистический прием оксюморон, то мы увидим, что при построении оксюморонных сочетаний используются единицы из противоположных вводных пространств, не имеющих общего пространства.

Обобщенная схема для оксюморона будет выглядеть следующим образом (см. рис. 1):

Общее пространство: нет	
Вводное пространство 1	Вводное пространство 2
Элемент 1 и связанные с ним объекты ментального пространства	Элемент 2 и связанные с ним объекты ментального пространства
Смешанное пространство	

Рис. 1. Обобщенная схема оксюморона

Будут ли некоторые элементы ментальных пространств проецироваться в бленд и каков будет набор этих элементов, зависит от индивидуальных случаев конструирования оксюморона. Поскольку один из компонентов в оксюморонном сочетании является главным, а второй – поддерживающим, главный компонент имеет больший потенциал переноса связанных со своим ментальным пространством семантических единиц в смешанное пространство. Второстепенный же компонент имеет тенденцию менять свое значение, подстраиваясь под основную.

При анализе примеров мы опирались на словарь синонимов английского языка «Collins English Thesaurus»¹ и дефиниции из толкового словаря «Macmillan Dictionary»².

¹URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus>

²URL: <https://www.macmillanenglish.com/ru/dictionary>

Рассмотрим пример КД, возникающего под влиянием стилистического приема оксюморон (см. рис. 2):

He imagined them going into him with **burning coldness** (Orwell G., 1984).

Общее пространство: нет	
Вводное пространство 1	Вводное пространство 2
Burning Being destroyed by fire; very hot	Coldness Having a temperature that is low or lower than normal; feeling very cold
Смешанное пространство: burning coldness	

Рис. 2. Когнитивный диссонанс под влиянием оксюморона

Для дешифровки данного оксюморонного сочетания недостаточно контекста – даже полный фрагмент текста не снимет диссонанс, вызванный декодированием представленного примера. Оксюморон *burning coldness* активизирует фоновые знания интерпретатора и позволяет, опираясь на контекст, постепенно заменить оба компонента в рамках описанной ситуации. Диссонансные единицы *coldness* и *burning* имеют семантическую соотнесенность внутри дискурса произведения; *coldness* соотносится с холодом стального лезвия, *burning* – с характером боли, которую лезвие вызывает, проникая в тело. Таким образом, *burning* вытесняется контекстуально семантически близкими единицами, которые могут использоваться для описания сходного вида боли – *sharp, piercing, acute*; *coldness* замещается тактильным ощущением холода от пронзающих тело лезвий, привлекая в ментальное пространство *coldness of steel*. В результате происходит трансформация значения (см. рис. 3):

Общее пространство: нет	
Вводное пространство 1	Вводное пространство 2
Burning Piercing, stinging, acute	Coldness of steel knives
Смешанное пространство: sharp – контекст + burning coldness + контекст of knives	

Рис. 3. Активация фоновых знаний в ходе образования КД

При этом следует отметить, что далеко не все средства создания образности можно отнести к диссонансным явлениям. Потенциал средств к реализации КД зависит от следующих факторов:

- 1) механизм, лежащий в основе того или иного стилистического приема. Так, приемы в основе которых лежит оппозиция, имеют большой потенциал к реализации КД, чем те, в основе которых лежит механизм сходства;
- 2) частота употребления, новизна. Этот фактор связан с закреплением стилистических приемов в языке и их использовании в повседневной коммуникации, из-за чего прием переходит в разряд «стертых». Если автор употребляет языковую единицу впервые, раскрывая ее значение в уникальном контексте, то восприятие с большей вероятностью будет сопровождаться КД, и, наоборот, укорененная в языке единица обладает довольно низким потенциалом к созданию КД в сознании интерпретатора;
- 3) необходимость апеллировать к фоновым знаниям реципиента и задействовать дополнительный контекст, благодаря чему происходит трансформация семантики в получившемся бленде. Чем труднее явление поддается дешифровке, тем сильнее его диссонансный потенциал;
- 4) осложненность явления включением других стилистических средств или синестезией.

КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС МЕЗОУРОВНЯ

Диссонантность мезоуровня возникает на более крупных отрезках текста, когда ожидания интерпретатора не совпадает с информацией, полученной им при дальнейшем развертывании контекста. В ходе прочтения смысловое наполнение текста может меняться, могут появляться дополнительные оттенки значения, или же обнаруживаться информация, вступающая в противоречие с существующими знаниями читателя о мире, актуальная для вымышленного книжного мира, созданного автором, но не совпадающая с общеизвестными нам фактами или общечеловеческой логикой. Наличие или отсутствие в тексте необходимого для дешифровки контекста целиком зависит от авторских интенций, а языковое выражение – от индивидуального авторского стиля. Диссонансные явления мезоуровня могут включать средства создания образности или осуществляться лишь конвенциональными средствами языка.

КД мезоуровня представляет собой важнейшую характеристику антиутопического дискурса. Затрагивая фоновые знания, связанные с общепринятыми моральными ценностями или реалиями,

и одновременно искажая их, авторы противопоставляют вымышленный «совершенный» мир нашему; задействуя мезоуровень диссонантности при описании эмоций и размышлений персонажей, авторы показывают трансформацию личности героев и их сознательное возвращение к более близким нам ценностям.

В качестве примера можно привести противоречивую логику государства Океании, сконструированного в произведении Дж. Оруэлла:

How can I help seeing what is in front of my eyes? Two and two are four.

Sometimes, Winston. Sometimes they are five. Sometimes they are three. Sometimes they are all of them at once. You must try harder. It is not easy to become sane (Orwell G., 1984).

Сильный КД вызван не только в сознании интерпретатора, со школьной скамьи знакомого с элементарной математикой, но и в сознании Уинстона, хоть и являющегося жителем Океании, однако наделенного аналитическим мышлением. Утверждения О'Брайана, который под пытками старается убедить Уинстона в том, что дважды два – это не всегда четыре, абсолютно алогичны. Тем не менее в этом состоит база *doublethink* – знать, что дважды два может равняться и пяти, и трем, и всему, чему угодно – в зависимости от ситуации. Усиливает диссонансный эффект анафора *sometimes*, предвещающая варианты других «возможных» решений примера, и лексическая единица *sane*, противоречащая двойственной логике так же, как разум противоречит абсурдности.

КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС МАКРОУРОВНЯ

На этом уровне КД связан с реализацией глобальных концептов в антиутопическом произведении. Чтобы проанализировать ключевые концепты, лежащие в основе антиутопий, необходимо остановиться непосредственно на термине «концепта» и связанных с ним понятиях.

Концепты и концептосферы (совокупности концептов) представляют собой неотъемлемую часть концептуальной картины мира (*далее* ККМ). ККМ – это система образов в человеческом сознании, не облеченная в систему знаков. Она формируется в когнитивных структурах и обогащается за счет дополнительных знаний. Вербализируя концепты, говорящий акцентирует внимание на нужных ему смысловых компонентах высказывания.

Полевую модель концепта впервые разработали И. А. Стернин и З. Д. Попова [Попова, Стернин,

2007]. По их мнению, несмотря на тенденцию концептов к развитию, актуализации своих разнообразных сторон, смешению (что представлено и в теории концептуальной интеграции), они обладают определенным содержанием, а именно: состоят из ядра и периферии. Ядро включает в себе некий базовый когнитивный слой и накладывающиеся на него когнитивные слои, характеризующие его развитие и взаимоотношение с другими концептами. В периферию включены наиболее абстрактные признаки концепта, а не наименее важные. При этом исследователи добавляют, что любой концепт может быть интерпретирован по-разному в зависимости от контекста, культурного опыта и индивидуальных знаний интерпретатора.

Согласно нашему исследованию, концепт определяется как некая компрессируемая единица, существующая в ментальных структурах. Эта единица, некий образ, включает в себя абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные аспекты, плюс личностную интерпретацию [Степанов, 2007; Лихачев, 2015]. Автор любого художественного произведения, выстраивая пространство текста, опирается на свою собственную концептуальную систему [Варфоломеева, 2021]. Благодаря потенциальной открытости концептов к интерпретации в художественном дискурсе базовые концепты получают переосмысление с позиции автора или героя произведения. Таким образом, знакомый читателю концепт получает новое наполнение и воспринимается по-другому [Челпанова, Кунина, 2020].

Анализ содержания подобранного для исследования литературного материала, подкрепленный лексическим анализом, позволил выявить два базовых концепта, присутствующих в проанализированных произведениях: концепт «контроль» (Дж. Оруэлл «1984») и концепт «прогресс» (Р. Бредбери «451 градус по Фаренгейту», О. Хаксли «О дивный новый мир»). Мир антиутопии Оруэлла развернут в границах тоталитарного государства, правительству которого подконтрольны не только все протекающие в обществе социальные изменения и процессы, но и повседневная жизнь каждого гражданина в отдельности. Мир антиутопии Бредбери вращается вокруг технических новшеств, приводящих к отказу от интеллектуального развития и преследованию носителей «устаревшего» знания на государственном уровне; вторит этой картине и доведенный до биологического и технологического «совершенства» мир Хаксли, лишенный болезней и бедности.

Выбор авторами англоязычных антиутопических произведений концептов «контроль» и «прогресс», на базе которых разворачиваются сюжеты перечисленных антиутопий, обусловлен в первую очередь стремлением перевернуть утопические

идеалы, показать их с новой неожиданной стороны. Утопия стремится к построению прогрессивного общества, где царит идеальный порядок; антиутопия развивает утопические идеи, раскрывая, какие опасности таит в себе реальное воплощение этих глобальных идей. Кроме того, концепты, лежащие в основе проанализированных антиутопий, имеют свою особенность. Рассматриваемые концепты можно представить как биполярные единицы, поскольку их можно трактовать и в положительном смысле (полюс позитивных изменений), и в отрицательном смысле (полюс угроз).

Положительный полюс концепта «контроль» включает стабильность, уверенность, надежность, неизменность, правильность, нормы; отрицательный полюс, реализованный в антиутопии «1984», – вторжение в личную жизнь, ограничения, подчинение, чрезмерную власть (рис. 4).

- + стабильность, уверенность, надежность
- ограничения, вмешательство в личную жизнь, усиление власти

Рис. 4. Концепт «Контроль» как биполярная единица

Семантическое наполнение концепта «прогресс» у Рэя Бредбери в «451 градус по Фаренгейту» выявляет полное отсутствие настоящих эмоций, сопереживания и умственного развития у обитателей высокотехнологичного мира (рис. 5).

- + улучшение, движение вперед
- обезличенность, праздность, эмоциональная интеллектуальная незрелость

Рис. 5. Концепт «Прогресс» как биполярная единица

В антиутопических произведениях автор намеренно искажает концепты, которые изначально оцениваются позитивно, и концентрирует внимание интерпретатора на отрицательном полюсе конкретного концепта. Происходит это путем задействования соответствующего набора лексических единиц, при котором актуализируется семантически разнородный потенциал определенных концептов.

Обращаясь к типам диссонанса и критериям их выделения, необходимо отметить следующее:

- 1) макроуровень КД связан с высокой степенью абстракции и затрагивает концептуальные знания, а именно: нематериальные представления о различных объектах (концептах), существующих в реальности;

- 2) диссонансные явления макроуровня выражены в контексте произведения частично, через лексемы, связанные с семантическим полем концепта и задействованные автором произведения;
- 3) макроуровень КД реализуется на уровне всего произведения, не ограничиваясь фрагментами текста или синтаксическими структурами;
- 4) диссонансные явления макроуровня связаны с фоновыми знаниями об общих объектах и концептах нашего мира и выражаются конвенциональными средствами языка.

Таким образом, макроуровень диссонанса органически дополняет типологию диссонансных явлений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В англоязычном антиутопическом дискурсе диссонансные явления наблюдаются на всех трех уровнях – микроуровне, мезоуровне и макроуровне. Таким образом, диссонантность является важнейшей характеристикой англоязычного антиутопического дискурса и позволяет говорить о его особой структуре.

Предложенные критерии и система трех уровней когнитивного диссонанса предлагают удобный механизм анализа, классификации и систематизации диссонансных явлений, который может быть экстраполирован на другие типы дискурса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Tompkins P., Lawley J. Cognitive Dissonance and Creative Tension – the same or different? // The developing group. 2009. URL: <https://cleanlanguage.com/cognitive-dissonance-and-creative-tension/>
2. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Oxford: Oxford University Press, 1994.
3. Ковальчук Л. П. Теория концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. Вып. 1. С. 97–101.
4. Ирисханова О. К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2004.
5. Попова З. Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. Воронеж: Истоки, 2007.
6. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянской культуры, 2007.
7. Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. 2-ое изд., перераб. и доп. // сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2015. С. 251.
8. Варфоломеева И. В. Метафора как отражение действия механизмов экспрессивности при создании фикционального мира // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 2 (45). С. 437–447.
9. Челпанова Е. В., Кунина Н. Е. Концепт «State» сквозь призму коммуникативных интенций антиутопического художественного дискурса // Политическая лингвистика. 2020. Вып. 5 (83). С. 157–163.

REFERENCES

1. Tompkins, P. & Lawley, J. (2009). Cognitive Dissonance and Creative Tension – the same or different? The developing group. <https://cleanlanguage.com/cognitive-dissonance-and-creative-tension/>
2. Fauconnier, G. (1994). Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Oxford: Oxford University Press.
3. Kovalchuk, L. P. (2011). Gilles Fauconnier and M. Turner's Theory of Conceptual Integration. *Philology. Theory & Practice*, 1, 97–101. (In Russ.)
4. Iriskhanova, O. K. (2004). O lingvokreativnoj deyatel'nosti cheloveka: otglagol'nye imena = On linguocreative activity of the man: nouns derived from verbs. Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russ.)
5. Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). Semantic-cognitive analysis of the language. Voronezh: Istoki. (In Russ.)
6. Stepanov, Yu. S. (2007). Concepts. The thin film of civilization. Moscow: Languages of the Slavic Culture. (In Russ.)
7. Likhachev, D. S. (2015). Selected works on the Russian and world culture, collected and edited by A. S. Zapesotskiy. 2nd edition. St. Petersburg: Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences. (In Russ.)

8. Varfolomeeva, I. V. (2021). Metaphor as the Action of Expressive Verbal Mechanisms: on the Creation of Imaginary World in an English Fictional Text. *Cognitive studies of language*, 2(45), 437–447. (In Russ.)
9. Chelpanova, E. V., Kunina, N. E. (2020). The Concept “State” Through the Prism of Communicative Intentions of the Dystopian Fiction Discourse. *Political linguistics*, 5(83), 157–163. (In Russ.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Светлана Антоновна

кандидат филологических наук

доцент кафедры стилистики английского языка факультета английского языка

Московского государственного лингвистического университета

Солобуто Диана Сергеевна

старший преподаватель кафедры стилистики английского языка факультета английского языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andreeva Svetlana Antonovna

Ph. D. (Philology), Assistant Professor, Department of English Stylistics,

Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Solobuto Diana Sergeevna

Senior Lecturer, Department of English Stylistics,

Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

25.12.2023
22.01.2024
28.02.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 811.112.2:811.112.24

Бранденбургский ландшафт в аспекте лингвокультурной перспективы автора

Е. В. Беспалова

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королёва, Самара, Россия
ek_vik_bespalova@bk.ru

Аннотация. Образ бранденбургского ландшафта, созданный Г. де Бройном в литературных историографических заметках «В стороне», рассматривается с позиции теории перспективизации; автор выступает как культурно-языковая личность, субъект перспективы первого порядка, организующий согласно модели подчинения субъектов перспективы полифонию дискурсов о ландшафте. Методом контекстуального и стилистического анализа выявляются и описываются лингвистические маркеры лингвокультурной перспективизации, релевантные для субъектов перспективы.

Ключевые слова: лингвокультурная перспектива, ландшафтный дискурс, внешняя перспектива, внутренняя перспектива, субъект перспективы, объект перспективы, лингвистические маркеры

Для цитирования: Беспалова Е. В. Бранденбургский ландшафт в аспекте лингвокультурной перспективы автора // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 16–22.

Original article

Brandenburg Landscape through the Author's Linguistic and Cultural Perspective

Ekaterina V. Bepalova

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev (Samara University), Samara, Russia
ek_vik_bespalova@bk.ru

Abstract. The author's creation of the Brandenburg landscape image in literary historiographical notes is considered from the view point of perspectivization theory; the author acts as a cultural and linguistic personality, a subject of perspective of the first order, organizing, according to the model of subordination of perspective subjects, a polyphony of discourses about the landscape. By the method of contextual and stylistic analysis, linguistic markers of linguistic and cultural perspectivization relevant to the subjects of perspective are identified and described.

Keywords: linguistic and cultural perspective, landscape discourse, external perspective, internal perspective, subject of perspective, object of perspective, linguistic markers

For citation: Bepalova, E. V. (2024). Brandenburg landscape through the author's linguistic and cultural perspective. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(855), 16–22.

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к литературному дискурсу о ландшафте ставит исследователя перед рядом вопросов, связанных с лингвокультурной проблематикой, релевантной в отношении:

- 1) субъектов дискурса – автора и читателя;
- 2) темы дискурса – особенностей восприятия и конструирования в тексте образа культурного и природного ландшафта;
- 3) продукта дискурса, авторского текста в аспекте его жанровой принадлежности;
- 4) особенностей художественного языка конкретного автора.

Автор выступает как культурно-языковая личность – «субъект языка и культуры, обладающий культурно-языковой компетенцией и активно ее проявляющий при интерпретации языковых знаков в пространстве культуры» [Ковшова, Гудков, 2018]. В лингвокультурологии выделяются основные параметры культурно-языковой личности:

- 1) интегральность – объединение личности культурной и личности языковой;
- 2) двойная творческая акциональность – личность как актер культуры и актер языка;
- 3) взаимодействие и взаимообусловленность индивидуального и коллективного в культуротворческих и языкотворческих процессах¹.

Личность автора в рассматриваемом произведении, как нам представляется, совпадает с личностью рассказчика и выполняет следующие функции: «объективирует речь, отличая ее от нехудожественной; определяет тональность (модальность) изложения; обуславливает диапазон видения (масштаб изображения); определяет характер изобразительных средств, шире – строй речи» [Солганик, 2014, с. 111]. Рассматривая автора как культурно-языковую личность, считаем возможным обозначить перспективу его видения как лингвокультурную и рассмотреть создание им образа ландшафта с позиции теории перспективизации, что определяет **актуальность** исследования.

Автор определяет тему дискурса, а с точки зрения теории перспективизации, задает ракурс ее рассмотрения: отбирает круг обсуждаемых вопросов, формирует концептуальный диапазон, попадающий в фокус видения, высвечивает ключевые характеристики объекта рассмотрения [Петрова, 2017]. Тема дискурса способствует обращению к ландшафту как к мегаконцепту немецкой лингвокультуры. В поверхностной структуре текста мегаконцепт немецкого ландшафта представлен с помощью имеющих в языке вербальных средств, формирующих, с одной стороны, часть языковой картины мира,

с другой – связанных со значимыми концептами лингвокультуры.

Обращаясь к продукту дискурса, тексту, отметим лингвокультурную креативность автора, проявленную в сочетании жанровых характеристик историографических заметок о территории немецкой провинции с вкраплениями жанра объяснения в любви, отсылку к которому Г. де Бройн вводит в подзаголовок «Liebeserklärung an eine Landschaft». В анализируемом произведении литературный дискурс историографической прозы, рассматриваемый современными авторами как ретроспективный транслятор культурной памяти [Бондарева, 2017; Бондарева, 2022], сочетающий «картину пережитой реальной действительности» и «фикциональный характер» [Бондарева, 2017, с. 73], пересекается с дискурсом объяснения автора в любви, объектом которой метафорически мыслится ландшафт, а шире – родная страна. Дискурс объяснения в любви, в свою очередь, характеризуется наличием двух субъектных позиций и взаимонаправленностью [Auer, 1988], высокой вариативностью; особой тональностью [Галлямова, 2010]; аффективностью, экспрессивностью, эмоциональностью, определенной выраженностью проявления чувства [Staffeldt, 2011]; культурной детерминированностью, обусловленной историческим развитием любовного языкового кода [Auer, 1988]. Особенности художественного языка Г. де Бройна проявляются в его лингвокреативности как на уровне структуры повествования (на глобальном уровне), так и на уровне локальном, в микроконтекстах отдельных слов и предложений, авторских метафорах и других стилистических и образных средствах.

Целью статьи явилось стремление проследить реализацию лингвокультурной перспективы автора в историографических заметках о бранденбургском ландшафте. Задачи мы определяем следующим образом:

- 1) рассмотреть понятие перспективизации в лингвокультурном аспекте;
- 2) построить модель подчинения субъектов перспективы;
- 3) проанализировать лингвистические маркеры лингвокультурной перспективизации, релевантные для субъектов перспективы и их взаимодействия.

ЛИЧНОСТЬ АВТОРА В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ Г. ДЕ БРОЙНА

Материалом исследования послужили заметки Гюнтера де Бройна (G. de Bruyn) «Abseits»,

¹ Подробный обзор см.: [Зыкова, 2017].

посвященные особенностям, истории и культуре провинциального бранденбургского ландшафта. Метафора объяснения в любви в подзаголовке «Liebeserklärung an eine Landschaft» задает аксиологический вектор восприятия автором объекта описания. Повествование состоит из 23 глав, содержит многочисленные сведения о географии, политической истории, этнографии, истории культуры региона. «Объяснение в любви», понимаемое автором как необходимость разобраться в причинах этого чувства, объединяет все главы. Историко-графический характер записок делает их «носителем культурной памяти», а авторская литературная обработка означает, что «любой достоверный с научной точки зрения материал подвергается неизбежному эстетическому структурированию» [Бондарева, 2017, с. 73]. Личность автора / рассказчика, таким образом, проявляет себя при отборе, структурировании, дополнении, трактовке многочисленных культурно-исторических фактов.

ПЕРСПЕКТИВИЗАЦИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ: КОМПОНЕНТЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Перспективизация рассматривается исследователями «как свойство языкового функционирования» [Ирисханова, 2014, с. 55], построение перспективы – это «когнитивный процесс конструирования образа объекта в дискурсе под определенным углом зрения» [Петрова, 2017, с. 6]. Учитывая лингвокультурный аспект, мы добавляем к составляющим перспективизации лингвокультурный компонент, при осмыслении которого считаем важными следующие параметры:

- 1) идентификацию (фильтр «свой» – «чужой»);
- 2) системность (место в системе лингвокультуры);
- 3) оценку (соотношение с системой ценностей лингвокультуры).

Субъект перспективы – это прежде всего автор / рассказчик как культурно-языковая личность. Он представляет внутреннюю лингвокультурную перспективу, так как, являясь известным в своей стране литератором, встроен в систему лингвокультуры; в плане построения перспективы он активен, так как непосредственно создает структуру текста с его смыслами. Кроме того, автор / рассказчик вводит в повествование множество других субъектов перспективы: активных и пассивных, прямых (им принадлежат цитируемые высказывания) и косвенных (их видение передается автором / рассказчиком), индивидуальных (конкретные прецедентные личности) и коллективных (стереотипный образ туристов, отдыхающих,

крестьян, велосипедистов и т.п.). Выполняя организующую роль, автор управляет другими перспективами. Принцип подчинения вводимых автором перспектив мы показали на рисунке 1.

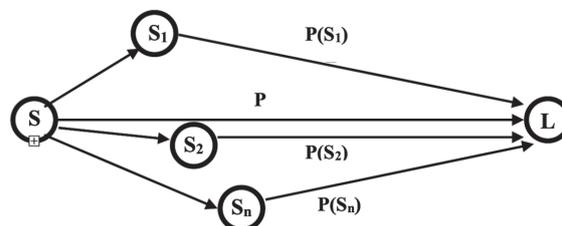

Рис. 1. Субъект и объект перспективы

Автор как субъект лингвокультуры (S) может выстраивать «свою» перспективу (P), создавая «свой» образ объекта (ландшафта) (L), выбирая ракурс и определяя его фокусные характеристики; учитывая главную роль авторской позиции, обозначим его как субъект первого порядка; цитируя высказывания о ландшафте другого субъекта (например, S_1) или передавая воспоминания / точку зрения другого субъекта (например, S_2), автор вводит в повествование иную перспективу – $P(S_1)$ или $P(S_2)$ –, которая может быть либо внутренней (если цитата / воспоминание / мнение принадлежит субъекту немецкой лингвокультуры), либо внешней (если он представляет иную лингвокультуру); все вводимые автором субъектные позиции могут быть обозначены как субъекты второго порядка. Множественность вводимых субъектов обозначим S_n , их перспективы – $P(S_n)$. Каждый субъект обладает своей точкой зрения, «сочетание разных точек зрения, их смена привносит в текст определенный динамизм», формируя «многоголосие» художественного текста [Ноздрина, 2004, с. 151]. Л. А. Ноздрина определяет точку зрения как самую крупную глубинную категорию текста, включающую в себя «хронотоп, категорию координат, категорию дейксиса» и модальность [там же, с. 152]. Анализ многоголосия художественного текста, таким образом, является комплексной задачей, требующей учета лингвистических данных поверхностной структуры текста разных уровней в их связи с взаимодействием основных глубинных категорий.

Под объектом перспективы может пониматься то, на что направлено внимание субъекта: человек, предмет, событие, ситуация. В нашем случае центральным объектом является ландшафт, представляющий когнитивный центр повествования, вокруг которого выстраиваются смысловые блоки, касающиеся истории, литературы, архитектуры, сельского хозяйства, живописи и т. д. Точка обзора в художественном произведении понимается как

место нахождения субъекта в хронотопе [Петрова 2017]. В историографическом повествовании автор вводит субъекты, находящиеся в разных точках времени и пространства. Время может определяться обобщенно (Средние века), конкретно с указанием даты или циклично (изменения ландшафта со сменой времен года); пространство – широко и приблизительно (регион, окрестности) или вполне точно (конкретная деревня или церковь). Автор может отбирать и вводить в текст значимые в аспекте лингвокультуры пространственно-временные координаты, которые несут особые смыслы, например, повлиявшие на изменения ландшафта или на его восприятие людьми в ходе истории.

Обратимся к результатам исследования.

СУБЪЕКТ ПЕРСПЕКТИВЫ В ЛАНДШАФТНОМ ДИСКУРСЕ Г. ДЕ БРОЙНА

Для эксплицитного представления автора / субъекта первого порядка в поверхностной структуре текста Г. де Бройн использует классическую форму самопрезентации, местоимение «Я», личные (1) и притяжательные (2) местоимения, иногда в составе сравнительных конструкций (3):

- (1) Die Gewissheit, die **ich** da plötzlich spürte, war die des Zusammengehörens. Hier war der Ort, der für **mich** bestimmt war.
- (2) Hauptgrund für **meine** Entscheidung aber war die Lage der beiden Häuser.
- (3) Alte Leute wie **ich**...

Автономия присутствует лишь в отдельных главах, в основном в автобиографических эпизодах. Встречается употребление личного местоимения множественного числа *wir*, так называемое «Мы скромности» (*нем.* das «bescheidene» Wir), которое подразумевает «исключительно самого автора или автора и группу его единомышленников» и используется в историографических текстах «как средство интимизации повествования» [Бондарева 2022, с. 19]:

- (4) Der Sinn für die Schönheit von Landschaften ... ist ... auch nicht frei von Tendenzen der Zeit. Denn er hat sich, wie alles, historisch entwickelt, und **wir** sind, ohne uns dessen bewusst zu werden, in ein Stadium dieser Entwicklung hineingeboren, in dem **man** zum Beispiel die märkische Landschaft ... sehr wohl zu schätzen weiß.

В приведенном отрывке *wir* включает скорее не единомышленников автора, а его современников, объединенных историческим временем

и общностью восприятия Бранденбургского ландшафта. С точки зрения автора, понимание красоты ландшафта субъективно лишь отчасти и во многом определяется тенденциями времени. Время концептуализировано как *вместилище*, внутри которого происходит рождение и формирование чувства прекрасного (ср. значение приставки глагола *hineingeboren*).

Гораздо чаще использованы разнообразные приемы самообъективации автора – неопределенно-личное местоимение *man* (5) и моно- и полилексемные объективирующие номинации (*der Liebhaber; der Verfasser dieser Liebeserklärung; die in eine Landschaft Verliebten; Einen Menschen, der dieser Landschaft verfiel*), эксплицирующие его роль по отношению к описываемому ландшафту (6, 7, 8, 9):

- (5) Es blieb also in den meisten Fällen bei den riesigen, sich oft **von einem Dorf bis zum anderen erstreckenden Äckern, auf denen man** in windigen Trockenzeiten **Sandstürme beobachten kann**.
- (6) Die gelben Staubwolken aus Kiefernblüten, die im Frühsommer die Dächer der Häuser und Autos färben, **nimmt der Liebhaber** genauso **als Erwidierungszeichen**...
- (7) In dieser Phase befindet sich **der Verfasser dieser Liebeserklärung**, wenn **er** nach langen, von Krankheit umschatteten Winterwochen Frühlingsbeginn und Genesung mit dem Versuch, **seine Gegend zu schildern**, feiert, wohl wissend, dass **er** mit dieser ausschweifenden **Kleinmalerei** auch ein wenig **sich selbst beschreibt**.
- (8) Wie alle Liebenden, möchten auch **die in eine Landschaft Verliebten** an die Schicksalhaftigkeit ihrer Liebe glauben...
- (9) **Einen Menschen, der dieser Landschaft verfiel**, einen Naturliebhaber zu nennen, wäre also nur die halbe Wahrheit. Denn **neben Seen, Veilchen, Kiefern und Reihern liebt er** auch **die Dörfer, die kleinen Städte, deren Bewohner und deren Geschichte**...

Отметим, что приведенные контексты обнаруживают разную степень индивидуализации: от одного человека – автора заметок (7) – до человека, влюбленного в определенный (6, 9) или любой (8) ландшафт и любого, способного наблюдать особенности местности (5). При этом автор подразумевается в любой из перечисленных групп. Интенсивность восприятия / переживания субъекта также варьирует от простого наблюдения за ландшафтом (5) через способность распознавания знаков «ответной любви» (6) до интенсивного чувства (9), размышлений о нем (8) и, наконец, развернутого и обдуманного

письменного признания (7). Такая структура соответствует, с одной стороны, этапам развития индивидуального чувства (фрейм «любовные взаимоотношения»), с другой – увеличивает количество возможных подразумеваемых субъектов, подталкивая к выводу о том, что (почти) любому человеку доступны со временем глубокие переживания любви к родной земле.

Субъекты перспективы второго порядка, вводимые автором в повествование, довольно многочисленны и могут быть проанализированы с помощью следующих оппозиций и характеристик: индивидуальный / коллективный; широко известный / мало известный / неизвестный; наличие / отсутствие собственного «голоса» (цитат); положительная / отрицательная оценка ландшафта; социальная принадлежность (род занятий, интересы, действия, имеющие отношение к ландшафту).

Первая оппозиция разделяет конкретных людей и коллективные субъекты. Мы остановимся подробнее на исторических личностях, вводимых де Бройном в повествование. Конкретные исторические личности названы по именам, часто с хронопунктурными маркерами (упоминанием времени их жизни), экспликацией рода деятельности, во многих случаях автор цитирует их высказывания относительно бранденбургского ландшафта. Л. М. Бондарева считает, что имена исторических персон составляют субстанциальные признаки историографических текстов, выступая маркерами концепта «прошлое»; благодаря широкой известности они часто не требуют специального комментария автора, так как относятся к общедоступным фоновым знаниям представителей лингвокультуры [Бондарева, 2022]. Так, упоминаемые де Бройном писатели, художники и политические деятели – Goethe, L. Tieck, H. von Kleist, Th. Fontane, Karl Friedrich Schinkel, Caspar David Friedrich, der Soldatenkönig Friedrich Wilhelm I. – широко известны за пределами немецкой лингвокультуры. Имена, менее известные или не известные вовсе, автор вводит в связи с их оценкой бранденбургского ландшафта, вызывавшей как ранее, так и сейчас полемику:

- (10) Noch vor zweihundert Jahren *galt* das dünn besiedelte und wenig fruchtbare Brandenburg weithin *als öde und trostlos* ... wer es *lobte*, musste mit Spott rechnen, wie es *zu Goethes Zeiten* dem dichtenden *Pastor Schmidt von Werneuchen* erging. *Die ländliche Umwelt, die er in seinen Gedichten rühmte*, war nach Ansicht der Rezensenten einer poetischen Verklärung nicht würdig ... *Die Mark*, so fand neben vielen Rezensenten, auch *Goethe, habe der Poesie nichts zu bieten*. Seine *Parodie auf die Schmidtschen Gedichte*, «*Musen*

und Grazien in der Mark» betitelt, richtete ihren Spott ... auf die besungenen Gegenstände, die sandigen Gegenden nämlich, in denen *die Pflanzen angeblich schon in getrocknetem Zustand aufkeimten*...

Время жизни некоего пастора Шмидта, воспевшего в стихах ландшафт Бранденбурга определяется через соотнесение с Гёте (*zu Goethes Zeiten*), благодаря появлению пародии которого он вообще становится известен. Гёте, используя гротеск, насмехается над недостойной, по его мнению, поэтических строк скудной песчаной местностью. В заметках Г. де Бройна таким образом частично воссоздается ландшафтный дискурс времен Гёте: средствами несобственно-прямой речи передается точка зрения Шмидта и содержание пародии.

Интердискурсивность / полемичность обнаруживается и при введении в качестве субъектов перспективы второго порядка известных писателей, например, Т. Фонтане (11), отмечавшего скудность местных земель в связи со скверным характером жителей:

- (11) Als *Theodor Fontane* ... zwei Fahrten in *unsere Gegend* machte und sie dabei ein «*romantisches Land*» *nannte*, meinte er nicht *das kahle Plateau*, sondern *die waldreichen Niederungen* damit... *In den Höhendörfern*, die auf seinem Wege lagen, sah er dagegen nur die *Unfruchtbarkeit der Böden*, auf deren bebauten Flächen er *jeden Halm zählen zu können meinte*, und durch *Begegnungen mit einigen* der armen Leute *ließ er sich zu der Behauptung verleiten*, dass *dürftige Lebensweise auf diesen sandigen Böden Geiz und Misstrauen fördere* und *den Charakter verderbe*. «*Und wo der reine gelbe Sand is, is auch immer der reine gelbe Neid*».

В приведенном контексте субъектом перспективы второго порядка выступает Т. Фонтане, известный писатель, автор многочисленных романов. Он эксплицитно представлен именем собственным и парафразой (*Der Dichter und Chronist märkischer Adelssitze*), приводятся его цитаты, например, характеристика лесистой части местности (*romantisches Land*) и его вывод-сентенция, по структуре напоминающая пословицу (*Und wo der reine gelbe Sand is, is auch immer der reine gelbe Neid*). На несобственно-прямую речь указывает глагол *meinen*. Косвенная речь вводится оборотом *ließ er sich zu der Behauptung verleiten* и передана формами конъюнктива I (*fördere, verderbe*). Все перечисленные средства в комплексе отсылают к иным дискурсам, имевшим и имеющим место в немецкой лингвокультуре:

дискурсу литературных произведений Т. Фонтане, его биографии, рекламному дискурсу земли Бранденбург, использующему имя известного писателя для привлечения туристов, общению писателя с крестьянами.

Другой значимой фигурой и субъектом перспективы второго порядка, вокруг которого выстраивается интердискурсивность, является профессор-землевладелец А. Бир, благодаря которому вместо сосняка вокруг деревеньки Зауэн появился смешанный лес, богатый разнообразием видов деревьев (13). А. Бир пытался донести до современников новаторские идеи лесничества (14), до сих пор еще не до конца претворенные в жизнь (15):

- (12) *Biers an Heraklit orientierte Philosophie der Harmonie durch das Walten von Gegensätzen ... wendete er auch in seiner 1912 in Sauen begonnenen Forstwirtschaft an. Ökologisch nennt man heute seine Methoden*, mit denen er aus den üblichen Kiefernmonokulturen mit ihren armen, durch Streugewinnung noch verschlechterten Böden gesunde, *vielgestaltige Mischwälder schuf*. In den Sauener Wäldern ... kann auch der Laie bei jedem Spaziergang *die Erfolge des damaligen Forstaußenseiters* sehen.
- (13) *Allgemeinverständlich und mit Liebe zur Sache versuchte er* den Waldbesitzern hier *klarzumachen*, dass nicht, wie sie meinten, der schlechte märkische Boden reine Kiefernbestände erfordere, sondern die reinen Kiefernbestände vielmehr den Boden erst schlecht gemacht hätten, so dass es also *darauf ankomme, «an Stelle der öden Kiefernheiden schöne üppige Mischwälder zu schaffen*, in denen die Kiefer ihre Schönheit erst richtig entfalten» könne.
- (14) *Eine Zeitungsmeldung aus diesen Tagen* verspricht hier *wie jedes Jahr* wieder, dass man sich bessern wolle. «Die Brandenburger Forstverwaltung», so lautet aus Potsdam, «will in den nächsten Jahrzehnten 100000 Hektar reinen Kiefernwald zu Mischwäldern mit Laubbäumen umgestalten. Ziel ist, den Anteil der Laub-Nadel-Wälder von derzeit 17 Prozent bis 2045 auf 41 Prozent zu erhöhen». *Mehr als ein halbes Jahrhundert nach seinem Tode wirkt Forstmann August Bier also noch immer als Pionier.*

Субъект перспективы представлен именем собственным в составе полилексемных словосочетаний (*Biers... Philosophie, Forstmann August Bier*), личным местоимением (*er*). Характеризуя деятельность А. Бира, Г. де Бройн дает отсылку к философскому дискурсу, ссылаясь на Гераклита, идеи которого немецкий землевладелец воспринял и применил в лесничестве. Объект перспективы – сосновые и смешанные леса – являются для А. Бира объектом приложения профессиональных усилий в лесах близ Зауэна в начале XX века и объектом дискурса с современниками-лесоводами и владельцами лесных участков, не поддерживавшими должным образом его идеи, что имплицитно передает парафраза (*der damalige Forstaußenseiter*). Отрывки выступления перед современниками даны в виде цитат (14). Г. де Бройн высоко оценивает деятельность А. Бира в номинации *Pionier*. Цитируя современный массмедийный дискурс (15), в котором идеи А. Бира становятся конкретными планами на долгосрочную перспективу до 2045 года, выраженными количественными показателями процентного соотношения площади будущих смешанных (*41 Prozent*) и сосновых (*100000 Hektar*) лесов, автор подчеркивает преемственность задач поколений лесоводов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отметим, что дискурс о ландшафте в заметках Г. де Бройна – это сложное многомерное явление. Лингвокультурная принадлежность автора проявляется в сочетании жанров, в изображении и оценке ландшафта как объекта перспективы, в отборе субъектов перспективы второго порядка. Полисубъектность жанра историографических заметок позволяет автору структурировать полифонию разнообразных точек зрения на объект описания, объединять звучание разных голосов из разных эпох. Это вполне соотносится с главной идеей произведения – представить многоаспектность связей народа со своей землей, укорененность чувства сопричастности, важность сохранения коллективной памяти. Лингвистическими маркерами лингвокультурной перспективизации выступают разнообразные грамматические, лексические, стилистические средства в их комплексном взаимодействии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2018.
2. Зыкова И. В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017.
3. Солганик Г. Я. Категория рассказчика и специфика художественной речи // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2014. № 2. С. 109–119.
4. Петрова Н. Ю. Принципы и стратегии перспективизации в драматическом тексте: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2017.

5. Бондарева Л. М. Историография и литература: союз или симбиоз? // Слово.ру: Балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 2. С. 66–75.
6. Бондарева Л. М. Лингвокогнитивные и лингвопрагматические аспекты историографических текстов // Современная германистика и западноевропейская литература: коллективная монография. Вып. 4. М.: Флинта, 2022. С. 5–26.
7. Auer P. Liebeserklärungen. Oder: Über die Möglichkeiten, einen unmöglichen sprachlichen Handlungstyp zu realisieren // Sprache und Literatur. 61. 1988. S. 11–31.
8. Галлямова Н. Ш. Первичный речевой жанр «объяснение, признание в любви»: лингвокультурологический, функционально-прагматический аспекты // Мир русского слова. № 4. 2010. С. 29–35.
9. Staffeldt S. «Ich liebe dich» sprechakttheoretisch // Äußern und Bedeuten. Festschrift für Eckard Rolf. Tübingen: Stauffenburg. 2011. S. 179–196.
10. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.
11. Ноздрина Л. А. Поэтика грамматических категорий. М.: Тезаурус, 2004.

REFERENCES

1. Kovshova, M. L., Gudkov, D. B. (2018). Dictionary of Linguoculturological Terms. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
2. Zyкова, I. V. (2017). Metazyk lingvokul'turologii: konstanty i varyanty = The Metalanguage of Linguoculturology: constants and variants. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
3. Solganik, G. Y. (2014). The Category of Narrator and the Specificity of Literary Speech. Vestnik of Moscow University. Journalism. 2, 109–119. (In Russ.)
4. Petrova, N. Yu. (2017). Printsipy i strategii perspektivizatsii v dramaticheskom tekste = Principles and strategies of perspectivization in a dramatic text: Senior Doctorate in Philology. Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
5. Bondareva, L. M. (2017). Historiography and literature: An alliance or a symbiosis? Slovo.RU: Baltic accent, 8(2), 66–75. (In Russ.)
6. Bondareva, L. M. (2022). Linguo-Cognitive and Linguo-Pragmatic Aspects of Historiographical Texts. Modern Germanic Philology and West-European Literature. Moscow: Flinta. 4, 5–26. (In Russ.)
7. Auer, P. (1988). Liebeserklärungen. Oder: Über die Möglichkeiten, einen unmöglichen sprachlichen Handlungstyp zu realisieren. Sprache und Literatur. 61, 11–31.
8. Gallyamova, N. Sh. (2010). Original «Declaration of Love» Speech Act: linguacultural, functional-pragmatic Aspects. The World of Russian Word Journal. 4, 29–35. (In Russ.)
9. Staffeldt, S. (2011). «Ich liebe dich» sprechakttheoretisch. Äußern und Bedeuten. Festschrift für Eckard Rolf. Tübingen: Stauffenburg. 179–196.
10. Iriskhanova, O. K. (2014). Igrы fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya = Focus games in language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
11. Nozdrina, L. A. (2004). Poetika grammaticheskikh kategorii = Poetics of grammatical categories. Moscow: Tezaurus. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Беспалова Екатерина Викторовна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры немецкой филологии

Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва (Самарского университета)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bespalova Ekaterina Viktorovna

PHD (Philology), Associate Professor

Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev (Samara University)

Department of German Philology, Associate Professor

Статья поступила в редакцию	20.12.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	18.01.2024	
принята к публикации	28.02.2024	

Семиотические функции английских наименований одежды в публицистическом тексте (корпусное исследование)

Г. Г. Бондарчук

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
bondarchuk.gal@yandex.ru

Аннотация. Настоящее исследование выполнено в русле лингвистической семиотики. В статье изучается одна из базовых категорий английских предметных имен – наименования одежды, в частности, анализируются основные семиотические функции, выполняемые членами данной категории в публицистическом жанре в семиотически маркированных ситуациях. Работа выполнена с использованием лингвистического корпуса новостных текстов CNN, предоставленного лабораторией фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования МГЛУ.

Ключевые слова: лингвистическая семиотика, лексическая категория, наименования одежды, английский язык, корпусное исследование, публицистический текст

Для цитирования: Бондарчук Г. Г. Семиотические функции английских наименований одежды в публицистическом тексте (корпусное исследование) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 23–29.

Original article

Semiotic Functions of English Clothing Names in a Journalistic Text (corpus-based study)

Galina G. Bondarchuk

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
bondarchuk.gal@yandex.ru

Abstract. The present study was carried out within the framework of linguistic semiotics. The article examines one of the basic categories of English subject names – clothing names, in particular, analyzes the main semiotic functions performed by members of this category in the journalistic genre in semiotically marked situations. The work was done using the linguistic corpus of CNN news texts provided by the Laboratory of Fundamental and Applied Problems of Virtual Education at MSLU.

Keywords: linguistic semiotics, lexical category, clothing names, the English language, corpus-based study, journalistic text

For citation: Bondarchuk, G. G. (2024). Semiotic functions of English clothing names in a journalistic text (corpus-based study). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(885), 23–29.

ВВЕДЕНИЕ

В статье поднимается вопрос о том, какие семиотические функции могут выполнять члены категории английских наименований одежды в публицистическом тексте.

Не вызывает сомнения тот факт, что понятийная категория одежды играет большую роль в истории любого общества и культуры, являясь одной из основных предметных категорий человеческого бытия, чрезвычайно важной в культурологическом и социальном отношении. В связи с этим члены лексической категории одежды, наряду с наименованиями жилища и питания, входят в предметно-бытовую лексику английского языка и представляют собой обширный пласт лексических единиц, обозначающих предметы одежды, обуви, головные уборы и т. п., которые являются существенными артефактами человеческой деятельности [Бондарчук, 2011].

Предметом проводимого исследования является категория английских наименований одежды в процессе ее функционирования как особая, социально значимая категория. Объектом исследования являются имена существительные – наименования одежды, широко употребляемые в современном английском языке.

Цель работы – определить основные семиотические функции, которые наименования одежды выполняют в англоязычных текстах публицистического жанра.

Материалом для проведения исследования послужил лингвистический корпус новостных текстов CNN (37864 предложения или 982107 токенов), собранный во второй половине 2023 и начале 2024 года посредством авторского программного обеспечения «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер»¹, который был любезно предоставлен доктором филологических наук А. И. Горожановым. С помощью поисковых запросов в корпусном менеджере, разработанном в лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования ФГБОУ ВО МГЛУ, возглавляемой А. И. Горожановым, были получены контексты употребления (предложения) наиболее частотных наименований одежды из корпуса текстов CNN [Gorozhanov, Guseynova, Stepanova, 2024]. Характер запросов вытекал из специфики базы данных сбалансированного лингвистического корпуса, которая имеет ряд особенностей [Горожанов, Степанова, 2022; Горожанов, 2023].

В ходе исследования нами было проанализировано около 300 предложений, в которых были

¹ Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023683209, Роспатент

использованы такие наименования одежды, как *clothes, clothing, boots, dress, hat, socks, shoes, sandals, shirt, skirt, trousers, T-shirt*, с целью выявления выполняемой ими семиотической функции.

СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ ОДЕЖДЫ

Выполненное нами ранее исследование семиотических аспектов использования наименований одежды, проведенное на материале англоязычных произведений художественной литературы, позволило сделать общий вывод о том, что одна из особенностей языковой категории наименований одежды заключается в том, что ее члены используются не только непосредственно в системе номинаций английского языка, но и в тексте, где многие ситуации являются семиотически маркированными (термин Е. С. Кубряковой, см. подробнее [Кубрякова, 2005]). При этом особенно ярко семиотическая маркированность проявляется при выборе одежды по ее соответствию ситуации ношения и личности человека [Бондарчук, 2011].

Логично было предположить, что в связи с общей тенденцией на возрастание семиотической роли одежды в жизни общества и, как следствие, на усиление индексальной семиотической функции наименований одежды в языке художественной литературы подобные лексические единицы должны выполнять семиотические функции и в других жанрах, в первую очередь в публицистике, цель которой – формирование общественного мнения через достоверную и убедительно поданную информацию.

Как показало исследование, дополнительная семиотическая функция (или вторичная) действительно прослеживается в большинстве случаев при употреблении наименований одежды в публицистическом тексте.

Но прежде чем перейти к рассмотрению того, какие основные семиотические функции могут выполнять в публицистическом тексте наименования одежды, отметим, что, как и в других жанрах, ряд ситуаций являются «семиотически нейтральными», т. е. наименование одежды упоминается автором статьи лишь для того, чтобы назвать данный предмет одежды, в итоге ситуация не несет никакого дополнительного семиотического смысла и поэтому не является семиотически маркированной.

Например, в ноябре 2023 года ленты мировых новостных агентств, в том числе CNN, пестрели сенсационной информацией с аукциона в Фонтенбло

(Франция), где черная фетровая шляпа-двууголка (бикорн) императора Наполеона I Бонапарта (одна из 20, которые все еще существуют) была продана в частную коллекцию почти за два миллиона евро. Приведем некоторые из подобных сообщений CNN, где существительное *hat* используется как название головного убора, не неся при этом никакой дополнительной семиотической информации:

The €1.932 million (\$2.1 million) sale set a record for Napoleon's trademark two-cornered military dress hats. – Продажа за 1,932 миллиона евро (2,1 миллиона долларов) установила рекорд для фирменных военных двууголок Наполеона¹.

One of Napoleon Bonaparte's famous black hats sold for more than \$2 million at an auction in France on Sunday. – Одна из знаменитых черных шляп Наполеона Бонапарта была продана более чем за 2 миллиона долларов на аукционе во Франции в воскресенье.

The hat was part of a collection belonging to French industrialist Jean Louis Noisiez that went on sale on Sunday. – Шляпа была частью коллекции французского промышленника Жана Луи Нуазье, которая выставлена на продажу в воскресенье.

According to its online listing, the hat – which sold for more than double its original estimate – was made by a furrier at the emperor's palace. – Согласно онлайн-объявлению, шляпа, которая была продана более чем в два раза дороже первоначальной цены, была изготовлена скорняком из императорского дворца.

According to the De Baecque auction house, which arranged that sale, Napoleon constantly had 12 hats in service, each of which had a three-year life span. – По данным аукционного дома De Baecque, который организовал эту распродажу, Наполеон постоянно носил 12 шляп, срок службы каждой из которых составлял три года.

According to the Osenat auction house in Fontainebleau, which sold the hat, only about 16 remain, with most now housed in museums because of their historical significance. – По данным аукционного дома *Osenat* в Фонтенбло, который продал шляпу, осталось всего около 16 экземпляров, большинство из которых сейчас находятся в музеях из-за их исторического значения.

Однако в большинстве проанализированных в ходе исследования случаев названия одежды несут дополнительную семиотическую нагрузку, соответствуя одному из основных принципов семиотической маркированности одежды – соответствие ситуации ношения. Это предполагает, что одежда должна соответствовать ситуации ношения (особенно статусу мероприятия), времени и месту ношения. Проиллюстрируем кратко каждый из этих случаев.

Например, в одной из статей, посвященных свадьбе Присциллы и Элвиса Пресли, автор подробно описывает их свадебные наряды, в том числе для того, чтобы продемонстрировать богатство и высокий уровень мероприятия:

There was the surprise Las Vegas wedding in 1967, featuring Priscilla's pearl-embellished white shift dress, complete with a 3-foot-long tulle veil, as well as Elvis' custom black paisley tuxedo. – В 1967 году в Лас-Вегасе состоялась неожиданная свадьба, на которой Присцилла предстала в белом платье с жемчужными украшениями и фатой из тюля длиной 3 фута, а Элвис – в черном сшитом на заказ смокинге с узором пейсли.

Известно, что мировые селебрити тщательно подбирают одежду для посещения того или иного мероприятия, с тем чтобы она соответствовала его типу и статусу. Так, например, поступили и барбадосская актриса и певица Робин Рианна Фенти (которая и сама является дизайнером), и Кейт Беккинсейл:

In 2014 the jewelers partnered with Adam Selman to create the custom-made, completely sheer dress Rihanna wore to the Council of Fashion Designers of America's annual awards ceremony in New York City. – В 2014 году ювелиры в сотрудничестве с Адамом Селманом создали по индивидуальному заказу полностью прозрачное платье, которое Рианна надела на ежегодную церемонию награждения Совета дизайнеров одежды Америки в Нью-Йорке.

Kate Beckinsale wore a bejeweled mini dress over the weekend to celebrate Leonardo DiCaprio's 49th birthday in Los Angeles, and a photograph of the black frock, which featured a colossal blue-gemstone-like accessory belted around her waist, has since made its rounds across the Internet. – Кейт Беккинсейл надела украшенное драгоценными камнями мини-платье на празднование 49-летия Леонардо Ди Каприо в Лос-Анджелесе, и фотография этого черного платья с огромным аксессуаром, похожим на синий драгоценный камень, опоясывающим ее талию, с тех пор облетела весь Интернет.

¹ Здесь и далее перевод наш. – Г. Б.

Как известно, большой популярностью в США пользуются светские мероприятия, проводимые на Хэллоуин, на которые взрослые и дети наряжаются в костюмы популярных героев фильмов ужасов:

Last Halloween, Klum wriggled and writhed into her annual party as a very realistic earthworm, with only her eyes peeking through the sculptural wormsuit itself. – На прошлый Хэллоуин Клум пришла на ежегодную вечеринку в виде очень реалистичного земляного червя, и только ее глаза выглядывали из скульптурного костюма червя.

Women especially will dress up as La Catrina, a tall female skeleton commonly depicted wearing a fancy gown and a lavish hat flaring over her head. – Женщины, скорее всего, будут наряжаться в костюм Ла Катрины – высокий женский скелет, который обычно изображают в причудливом платье и роскошной шляпе, развевающейся над головой.

В некоторых случаях наименования одежды подчеркивают особый характер мероприятия. Например, при описании первого показа одежды от Вивьен Вествуд, который прошел в Лондоне в марте 1981 года. Она представила коллекцию «Пират»:

It can be erotic or subversive – as demonstrated by Westwood's 1981 «Pirate» show, where several male models were sent down the catwalk in billowing open frock coats and petticoat breeches. – Оно может быть эротичным или подрывным, как продемонстрировал показ Вествуд «Пират» 1981 года, когда несколько моделей-мужчин вышли на подиум в распахнутых сюртуках и юбках-бриджах.

Важность соответствия одежды определенным нормам и ситуации ношения чрезвычайно важна и для политиков. При этом в таких случаях одежда имеет огромное значение не только для престижа политика или банкира, но и помогает им в достижении вполне конкретных целей.

Показательным в этом плане является описание костюма президента Трампа, проходящего через череду судебных разбирательств:

Trump in a blue suit, tie and shirt instead of his campaign livery of dark suit, white shirt and improbably long red tie, left no doubt that if tearing down legal and political systems is what it will take to save him, he won't hesitate. – Трамп в синем костюме, галстуке и рубашке вместо своего предвыборного темного костюма, белой рубашки и невероятно длинного красного галстука, не оставил сомнений в том, что если разрушение правовой и политической

систем – это то, что потребуется для его спасения, то он не будет колебаться.

Последняя семиотически маркированная ситуация напоминает о роли наблюдателя в процессе «расшифровки» семиотического смысла, заложенного в определенном отрывке текста. На важность фигуры наблюдателя, т. е. того, кто интерпретирует текст, неоднократно указывала Е. С. Кубрякова, справедливо полагая, что знак является знаком именно потому, что он интерпретируется как знак неким интерпретатором, т. е. имеет некую интерпретанту: «Знака нет, с одной стороны, если нет системы знаков. Знака нет, с другой стороны, если нет его интерпретатора, который интерпретирует знак с помощью семиотического кода, используя определенную интерпретанту знака или создавая на основе кода новую» [Кубрякова, 2004, с. 503–504].

Но, если при чтении художественной литературы роль наблюдателя, который для понимания заложенного в текст реального смысла должен его реконструировать, выступает читатель и делает это при помощи инференции (семантического вывода), то для публицистических статей такая ситуация не совсем приемлема. Как известно, публицистический жанр не только связан с жизнью общества, но и ориентирован на широкую публику. В связи с этим перед автором стоит задача создать текст, который был бы понятен любому читателю. При этом должна быть достигнута основная цель публицистической статьи – формирование общественного мнения с помощью достоверной и убедительно поданной информации. Понятно поэтому, что в роли наблюдателя в публицистической статье практически всегда выступает автор – именно он не только создает семиотически маркированный текст, но и объясняет / комментирует его.

Проиллюстрируем данное положение еще на одном (из множества возможных) примере:

The Red Bull driver, wearing a race suit inspired by Elvis Presley, sang the King of Rock and Roll's famous «Viva Las Vegas» song as crossed the chequered flag first, giving the impression that, in the end, he couldn't help but fall in love with Sin City after a thrilling night race under the bright lights. – Пилот *Red Bull*, одетый в гоночный костюм, вдохновленный Элвисом Пресли, спел знаменитую песню короля рок-н-ролла «Viva Las Vegas», первым пересекая клетчатый флаг, создав впечатление, что, в конце концов, он не мог не влюбиться в Город грехов после захватывающей ночной гонки под яркими огнями.

Важно отметить, что сегодня на первый план выходят вопросы моды, качества одежды,

фирмы-изготовителя или дизайнера, что, в свою очередь, свидетельствует о материальном достатке носителя одежды, его вкусе и т. д. Не случайно в современном английском языке появился целый слой новой лексики «с семиотическим характером» – сложных слов, которые в своей поверхностной структуре в качестве левого компонента имеют название фирмы или дизайнера, например, *Dior dress*, *Versace suit*, *Gucci cardigan* и др.

Как мы отмечали ранее, такие номинации не только служат обозначением определенного предмета одежды, но и обладают концептуальными характеристиками, связанными с использованием данного предмета одежды в семиотической функции как знака принадлежности носящего его человека к той или иной категории людей, различающихся по возрасту, статусу и т. п.

Здесь уместно, на наш взгляд, вспомнить замечание Д. Герертса, сделанное им еще в конце XX века, о всё возрастающей насыщенности английских текстов сложными словами-окказионализмами, которые он называл *ad hoc formations / incidental coinages* и которые включают в свою структуру названия брендов (*brand names*) – *501 jeans*, *Chanel jacket* [Geeraerts, 1994, с. 34]. Но если в то время, по утверждению Д. Герертса, такие наименования были словами с низкой частотностью употребления, то в настоящее время подобные номинации одежды (или синонимичные выражения типа *jacket from / by Chanel*) являются часто употребляемыми в самых разных жанрах, в том числе и в публицистике, о чем свидетельствуют многочисленные примеры:

There were numerous nods to British fashion dignitaries, too: TV presenter Laura Whitmore, singer Sam Smith and model Iris Law arrived in Vivienne Westwood, while Chairman of the British Fashion Council, Caroline Rush, wore an embellished dress coat from Richard Quinn (the designer was a favorite of the late Queen Elizabeth II). – Не обошлось и без реверансов в адрес британских модных деятелей: телеведущая Лора Уитмор, певец Сэм Смит и модель Айрис Лоу прибыли в нарядах от Вивьен Вествуд, а председатель Британского совета моды Кэролайн Раш надела украшенный фрак от Ричарда Куинна (дизайнер был фаворитом покойной королевы Елизаветы II).

Enter Kelvin Kiptum, a 23-year-old Kenyan sporting orange and red-tinted Nikes laced over bright pink socks at the Chicago Marathon. – Кельвин Киптум, 23-летний кенийец, одетый в оранжево-красные кроссовки *Nike*, зашнурованные поверх ярких розовых носков, на Чикагском марафоне.

His high-shine trousers were made by Budapest-based label Nanushka, offset with a navy pinstripe shirt and a preppy pair of tricolor horsebit loafers from streetwear brand Kith. – Его блестящие брюки были изготовлены будапештской компанией *Nanushka*, дополнены темно-синей рубашкой в тонкую полоску и парой трехцветных лоферов с конской пряжкой от бренда уличной одежды *Kith*.

In 1957, Swarovski created a vivid gem inspired by the shimmering iridescence of the northern lights – these stones became the centerpiece to an iconic black Dior cocktail dress that is still in its archives today. – В 1957 году компания *Swarovski* создала яркий драгоценный камень, вдохновленный мерцающими переливами северного сияния. Эти камни стали центральным элементом культового черного коктейльного платья от *Dior*, которое до сих пор находится в его архивах.

It was 2012, and the actress arrived at the 84th Academy Awards in a strapless black velvet dress by Atelier Versace. – Это был 2012 год, и актриса прибыла на 84-ю церемонию вручения премии «Оскар» в черном бархатном платье без бретелек от *Atelier Versace*.

Yes, she won an Oscar for *Silver Linings Playbook* in 2013, but she also tripped over her Dior dress as she ascended the stairs to collect her statue and used her speech to wish someone a happy birthday. – Да, она получила «Оскар» за фильм «*Silver Linings Playbook*» («Мой парень – псих») в 2013 году, но она также запуталась в своем платье от *Dior*, когда поднималась по лестнице за статуэткой, и использовала свою речь, чтобы поздравить кого-то с днем рождения.

Кроме того, в обществе важно одеваться согласно своему профессиональному статусу:

In the five years Brian Cox played vitriolic media mogul Logan Roy in HBO's boardroom drama «*Succession*,» viewers mostly saw him on-screen in a navy business suit and burgundy tie. – За те пять лет, что Брайан Кокс играл язвительного медиамагната Логана Роя в драме сети *HBO* «Наследие», зрители в основном видели его на экране в темно-синем деловом костюме и бордовом галстуке.

И, наконец, нельзя не согласиться с мнением одного из публицистов о том, что одежда может быть использована и как инструмент создания определенных художественных образов, например, в фильмах Ф. Coppola:

Costumes for Coppola – who has built a career capturing the agony and ecstasy of young women navigating sexuality and power amid the throes of first love – are tools which can communicate complicated emotional landscapes. – Костюмы для Копполы, который построил карьеру, запечатлевая агонию и экстаз молодых женщин, пытающихся обрести сексуальность и власть среди мук первой любви, являются инструментами, с помощью которых можно передать сложные эмоциональные переживания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках обсуждения семиотических функций наименований одежды в английском публицистическом жанре можно было бы коснуться и других актуальных вопросов, однако и сказанного, на наш взгляд, достаточно, чтобы сделать общий вывод о том, что в публицистическом жанре современного английского языка наименования одежды выполняют важную вторичную функцию, обозначая семиотически маркированные объекты в семиотически маркированных ситуациях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бондарчук Г. Г. Когнитивно-семиотические основания развития категории предметных имен в английском языке (на материале английских наименований одежды): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011.
2. Gorozhanov A. I., Guseynova I. A., Stepanova D. V. Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 2024. Vol. 15, No. 1. P. 195–210. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-195-210. EDN FKVAOI.
3. Горожанов А. И., Степанова Д. В. Интерпретация художественного произведения: корпусный подход // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 1. С. 203–208. DOI:10.30853/phil20220020. EDN TCZLAF.
4. Горожанов А. И. Создание лингвистического корпуса на основе инструментов обработки естественного языка: планирование программных решений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 5. С. 1616–1620. DOI: 10.30853/phil20230252. EDN BHZCSE.
5. Кубрякова Е. С. О семиотически маркированных объектах и семиотически маркированных ситуациях в языке // Концептуальное пространство языка в языке. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2005. С. 95–101.
6. Кубрякова Е. С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.
7. Geeraerts D., Grondelaers S., Bakema P. The Structure of Lexical Variation, Meaning, Naming and Context // Cognitive Linguistics Research. Vol.5 / Ed. by R. Diirven, R. W. Langacker. Berlin–N. Y.: Mouton de Gruyter, 1994.

REFERENCES

1. Bondarchuk, G. G. (2011). Kognitivno-semioticheskiye osnovaniya razvitiya kategorii predmetnykh imen v angliyskom yazyke (na materiale angliyskikh naimenovaniy odezhdy) = Cognitive-semiotic foundations of the development of the category of subject names in the English language (based on the material of English clothing names): Senior Doctoral Thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
2. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A., Stepanova, D. V. (2024). Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 15(1), 195–210. 10.22363/2313-2299-2024-15-1-195-210.
3. Gorozhanov, A. I., Stepanova, D. V. (2022). Work of Fiction Interpretation: Corpus Approach. Philology. Theory & Practice. Vol. 15. Issue 10. P. 3382–3386. 10.30853/phil20220563. EDN JHBVAVG. (In Russ.)
4. Gorozhanov, A. I. (2023). Buiding a linguistic corpus on natural language processing tools: Planning software solutions. Philology. Theory & Practice, 16(5), 1616–1620. 10.30853/phil20230252. EDN BHZCSE. (In Russ.)
5. Kubryakova, Ye. S. (2005). O semioticheski markirovannykh ob'yektakh i semioticheski markirovannykh situatsiyakh v yazyke = On semiotically marked objects and semiotically marked situations. In The Conceptual Space of Language (pp. 95–101). Tambov: Tambov State University Publisher.
6. Kubryakova, Ye. S. (2004). Yazyk i znaniye = Language and knowledge. Moscow: LRC Publishing House.
7. Geeraerts, D., Grondelaers, S., Bakema, P. (1994). The Structure of Lexical Variation, Meaning, Naming and Context. In Diirven, R., Langacker, R. W. (Eds.), Cognitive Linguistics Research (vol. 5). Berlin–N. Y.: Mouton de Gruyter.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бондарчук Галина Григорьевна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bondarchuk Galina Grigoryevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of English Lexicology
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	20.12.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	19.01.2024	
принята к публикации	28.02.2024	

Научная статья
УДК 811.111'81'367.7

Вариативность в понятийном согласовании как проекция ролевых отношений в клаузе с существительным *family*

А. Д. Борзилов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
adborz@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются причины, характер и закономерности варьирования числовых форм предикатов при именных субъектах со значением композиционности. Объектом исследования выступают предложения с клаузами на основе прототипического группового существительного *family*, чьи семантические отношения с глагольным компонентом обсуждаются в терминах падежной грамматики. Выводы делаются на основе количественного и качественного анализа контекстов употребления лексики *family* из Британского национального корпуса.

Ключевые слова: понятийное согласование, число, композиционность, роль, подлежащее, сказуемое, корпус

Для цитирования: Борзилов А. Д. Вариативность в понятийном согласовании как проекция ролевых отношений в клаузе с существительным *family* // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 30–36.

Original article

Notional Agreement Variability as a Reflection of Role Relations in the Family Noun Clause

Aleksandr D. Borzilov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
adborz@mail.ru

Abstract. The article examines the reasons for, the character and the patterns of variability of the number forms of predicate verbs with subject nouns having the semantics of compositionality. The sentences with clauses on the basis of the prototypical group noun *family*, whose semantic relations with the verb component are discussed in terms of case grammar, have been chosen as the object of the study. The conclusions are made on the basis of the quantitative and qualitative analysis of the lexeme's contextual use examples from the British National Corpus.

Keywords: notional agreement, number, compositionality, role, subject, predicate, corpus

For citation: Borzilov, A. D. (2024). Notional agreement variability as a reflection of role relations in the *family* noun clause. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(885), 30–36.

ВВЕДЕНИЕ

Статья является частью исследования смыслового, или понятийного, согласования в грамматике английского языка как *предметной сфере* работы. **Объектом** изучения стал частный случай согласования обозначенного типа – клауза (субъектно-предикатная основа), где постоянным компонентом выступает подлежащее, представленное одним из существительных композиционной семантики, коррелирующее с глагольным компонентом-сказуемым, по отношению к которому подлежащее является обязательным актантом. Для настоящей работы в качестве обязательного подлежащего выбрано существительное *family*, регулярно представленное в грамматиках английского языка. **Цель** статьи – уточнить характер содержательного взаимодействия двух уровней английского языка, лексического и грамматического, и вычленить, что определяет итоговый облик грамматической конструкции согласования по смыслу с присущими ей семантико-синтаксическими особенностями. На сегодняшний день проведенный теоретический анализ имеющихся подходов к согласованию позволил выделить отдельные недостатки популярных трактовок отмеченного лингвистического феномена и выявить необходимость детализации понимания указанного языкового явления.

Одним из первых исследователей, наметивших расширение анализа качественной специфики понятийного согласования, стал отечественный филолог-германист В. Я. Плоткин, указавший, что «согласование особым образом проявляет себя в присутствии *групповых* (композиционных) существительных, имеющих значения человеческих общностей, и является выражением избирательных сочетательных отношений между групповыми именами нарицательными в синтаксической роли подлежащих и глаголами-сказуемыми в продолжение всего простого предложения-клаузы как единой структуры языка» (цит. по: [Кобрина и др., 2007, с. 27]). Дальнейшая расширительная трактовка согласования, на наш взгляд, является требованием актуальной антропоцентрической когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистической деятельности, которая выводит объяснение характеристик языковых единиц не просто на уровень материальной речи, где языковые единицы проявляют свои структурно-системные возможности, но и апеллирует к когнитивной сфере человека – восприятию и познанию, которые выступают триггером и контролером функциональной успешности языкового знака. Более конкретно, если согласование по смыслу предусматривает не столько поверхностное формально грамматическое, сколько глубинное понятийное, значительного

внимания требует не следствие такого согласования, а когнитивные, интерпретационные отношения между субъектом и предикатом мысли, формируемые коммуникантами в ситуации общения. Смыслообусловленное взаимное приспособление подлежащего и сказуемого больше, чем взаимное соответствие грамматических признаков членов клаузы. В грамматиках традиционно отмечается последнее, т. е. подобие категориальных форм числа субъектных и предикатных компонентов.

Выбор предложений с подлежащим, выраженным существительным *family*, носит направленный характер. Обращает на себя внимание тот факт, что практически вся лингвистическая литература, где представлена информация о смысловом согласовании, включает это слово в список возможных примеров, иллюстрирующих обсуждаемый лингвистический феномен (например, В. Л. Каушанская, Р. Л. Ковнер, О. Н. Кожевников (1973); Н. А. Кобрина, Н. Н. Болдырев, А. А. Худяков (1999); И. П. Крылова, Е. М. Гордон. (2003); Л. С. Бархударов (1966), Р. Куирк (1985); Alexander L. (1988, 1966); Р. А. Клоуз (1979, 1990), М. Hewings (2013); М. Swan (2016) и др.), что имеет свое объяснение. В терминах социальных наук *family* обозначает исторически первичный, базовый способ существования человека как представителя социума. Существенно при этом, что в социологии и антропологии семья рассматривается одновременно и как малая социальная группа, и как важный социальный институт. В качестве малой группы она удовлетворяет личные потребности людей, в качестве института – социально значимые потребности общества: «семья может рассматриваться как культурно-антропологическое и социальное явление, удовлетворяющее личные по форме, но общественные по сути потребности, выступать как микро- и макросистема жизни человека и государства. В культурно-антропологическом смысле современная семья – это личное взаимодействие индивидов, состоящих в одном из трех видов отношений: кровного родства, своячества и соседства» [Мушко, 2008, с. 51]. Подобное понимание семьи, транслируемое в языковую деятельность человека, позволяет приписывать слову разные квалификативные и количественные признаки: с его помощью можно вести речь о единичном объекте высокого уровня абстракции (в смысле социального института, общественной макросистемы) и множестве объектов, объединенных разными типами отношений. Используя далее терминологию когнитивной психологии, можно заключить, что *family* в качестве демонстрации принципов понятийного согласования получает статус прототипа. Став высокочастотным языковым знаком, оно зафиксировало «абстрактный образ, воплощающий множество сходных форм

одного и того же объекта или шаблона, наиболее репрезентативный пример понятия, фиксирующий его типичные свойства»¹ [Neumann, 1977, с. 250], так что слово *family* покрывает возможность представления о значимой социальной группе как единстве и множестве. В качестве словоформы *family* реализует свои содержательные свойства во взаимодействии с допускающим его сказуемым и вовлекает остальные компоненты высказывания в построение предложения и его интерпретацию. Итогом такого взаимодействия становится возникновение грамматической конструкции, имеющей сквозную и поуровневую мотивацию.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

Материалом для проведения анализа послужили примеры сочетаний группового (композиционно-го) субъекта *family* с предикатами, имеющими маркеры единственного или множественного числа.

В то время как для анализа всего спектра функциональных свойств и особенностей смыслового согласования рабочей методологией избраны положения Теории грамматики конструкций [Рахилина, 2010], в рамках данной работы в качестве локальной вспомогательной методологии предлагается качественный и количественный корпусный анализ. Возможности корпусной лингвистики, на сегодняшний день располагающей значительным количеством сведений о языке, речи и дискурсе, собранных в виде разнообразных корпусов, позволяют ей быть эффективным методологическим инструментом лингвистических исследований. Корпусы современного английского языка выступают источником семантического «профиля» группового существительного, представленного в пространстве мыслительного процесса либо единством – образом коллективным / собирательным, либо множеством – образом, характеризующим кластер отдельно расположенных однотипных сущностей. На данном этапе грамматическим форматом проведения анализа является предложение. Методом разграничения смысла единства от смысла множества является количественный и качественный семантический анализ контекстов употребления слова-подлежащего *family* из Британского национального корпуса². С помощью поискового запроса регулярных выражений оппозиции по отдельным словоформам *family is|has|was|are|have|were* и параметров *family _v?z* для форм Present Simple Singular с суффиксом *-s* VS *family _vv0* для форм Present Simple Plural без грамматического маркера выявляется частотность

¹Зд. и далее перевод наш. – А. Б.

²<https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 11.11.2023).

формализации единственного или множественного числа, а также обнаруживаются семантические признаки предиката, влияющие на выбор либо единичности, либо множественности в значении подлежащего. Семантическое описание клаузы проводится с привлечением терминологических и понятийных решений падежно-ролевой грамматики, уточняющей роль существительного *family* как обязательного семантического и синтаксического глагольного актанта.

РЕЗУЛЬТАТЫ

1. В Британском национальном корпусе искомые структуры обнаружены в таких текстах, как личные письма, школьные сочинения, реклама, религиозные тексты, неакадемические естественные и социальные науки, периодические печатные издания, новостные выпуски, академическое политическое и юридическое образование, инструкции в порядке убывания частотности. Общее число единиц составило 44 тыс. на миллион употреблений, что позволяет заключить, что имя существительное *family* является одним из востребованных имен существительных со значением композиционности. Высокая частотность подтверждает значение *family* как одного из содержательных лидеров среди существительных композиционной семантики, что обеспечивает его включение в списки композиционных существительных подавляющего большинства авторитетных грамматических изданий.

2. Данные поисковых запросов позволили составить список сказуемых, типично образующих комбинации с групповым (композиционным) подлежащим *family*, и разделить этот перечень на семантические группы, отразив также форму числа глагольного компонента (табл. 1, 2) и частоту употребления клаузы.

3. По данным Британского национального корпуса в вышеперечисленных типах дискурса существительное *family* употребляется с глагольными компонентами в форме единственного или множественного числа в соотношении приблизительно 1:1,5. Это означает, что представление о семье как множестве индивидуальностей превалирует над идеей семьи как обезличенной социальной единицы в вышеупомянутых текстах. Следовательно, вышеуказанные тексты не склонны к абстрагированной, значимой только для глобальных интересов социума в целом трактовке семьи как ячейки общества.

4. Семантически существительное-субъект *family*, несущее характеристики объединенности, единства, интеграции, целостности, грамматически реализует себя как источник единственного числа

Таблица 1

FAMILY + ПРЕДИКАТ В ЕДИНСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

Семантическая группа сказуемого (примеры глагольных лексем)	Примеры употребления
1) глаголы – действия, направленные на активное изменение и преобразование мира (<i>to do, to make, to work</i>)	<i>The Royal FAMILY DOES a lot of sterling work for charity (BNC. 11.11.2023).</i>
2) экзистенциальные и локативные глагольные структуры, т. е., определяющие местоположение, указывающие на место в пространстве и относящие к определенному времени (<i>there be / live / to be there / to be in...</i>)	<i>I'm not gonna mention names again because the FAMILY'S still AROUND (BNC. 11.11.2023).</i>
3) оценочные структуры с преобладанием эмоционального компонента (<i>to be larks / to be lovely / to be one's life</i>)	<i>My FAMILY IS THE MOST IMPORTANT THING in the world to me (BNC. 11.11.2023).</i> (эмоциональное оценивание)
4) глаголы обозначения принадлежности, владения, обладания (<i>to have, to belong, to possess</i>)	<i>Every FAMILY HAS the right to their home (BNC. 11.11.2023).</i>

Таблица 2

FAMILY + ПРЕДИКАТ ВО МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

Семантическая группа сказуемого (примеры глагольных лексем)	Примеры употребления
1) глаголы – процессы и действия, обозначающие физические и физиологические аспекты жизнедеятельности, различающиеся по степени волевого участия (<i>to eat, to touch; to sneeze, to cough</i>)	<i>All the FAMILY WERE TOUCHING their pet before going on a month's holiday (BNC. 11.11.2023).</i>
2) глаголы и глагольные структуры, обозначающие нервно-психические, психоэмоциональные и эмоциональные процессы (<i>to enjoy, to rejoice, to be eager / tired</i>)	<i>The FAMILY WERE EAGER to hear the latest news. Wasm's FAMILY ARE ANXIOUS for him to call home (BNC. 11.11.2023).</i>
3) экзистенциальные и локативные структуры, т. е., определяющие местоположение, указывающие на место в пространстве и относящие к определенному времени (<i>there be / live / to be there, etc. / to be in ...</i>)	<i>There WERE a FAMILY there. I got involved because his FAMILY LIVE some way away (BNC. 11.11.2023).</i>
4) оценочные структуры с преобладанием рационального компонента (<i>to be aware / to be concerned / to be able to judge</i>)	<i>As far as the FAMILY ARE AWARE, the only place monkeys are gone (BNC. 11.11.2023).</i> (рациональное оценивание)
5) глаголы речепорождения / речепроизводства (<i>to say / to tell / to speak / to pronounce / to utter / to articulate</i>)	<i>Just do it while you can. That's what my FAMILY SAY (BNC. 11.11.2023).</i>

в комбинации со следующими глагольными лексемами или глагольными группами (см. табл. 1):

5. Существительное-подлежащее *family*, которое проявляет признаки дезинтеграции, дискретности и делимости и семантику выраженной одушевленности, грамматически реализует себя как источник множественного числа в сочетаниях со следующими глагольными предикатами (см. табл. 2).

ОБСУЖДЕНИЕ

Итак, *family* является лексемой с семантикой композиционности. Становясь субъектом мысли и далее подлежащим предложения, она может употребляться с различными по содержанию глаголами-предикатами, причем последние будут иметь форму либо единственного, либо множественного

числа. Глагол должен, с одной стороны, допускать и семантически поддерживать какую-либо из обозначенных выше содержательных характеристик подлежащего *family*, с другой стороны, выбор формы глагола-сказуемого зависит от значения собирательности / коллективности, выражающей идею единства / объединения (*Family is*), противоположного значению множественности / индивидуальности, выражающей идею дезинтеграции группы (*Family are*).

Падежно-ролевая грамматика, избранная одним из инструментов работы, представляет собой возможный метод описания смысловых характеристик предложения как системы семантических и синтаксических валентностей, или иначе, понятийных связей глагола с «ролями», диктуемыми значением этого глагола и исполняемыми именными составляющими в составе описываемой глаголом ситуации. В центре описания теории находится установление падежных отношений, их классификация и номенклатура. Развитие падежной грамматики связано в первую очередь с именем Ч. Филлмора, предложившего в 1968 году теорию глубинных падежей [Fillmore, 1968].

Анализируя ролевую структуру отдельных глаголов и глагольных групп по материалам корпуса, обнаруживаем, что клауза [подлежащее *family* + сказуемое в единственном числе] актуализирует взаимное приспособление следующих смыслов:

- 1) [*family*: каузативный агент + предикат ед. ч.: глагол, обозначающий действие, направленное на активное изменение и преобразование мира] с семантикой общего дела, положительный результат которого нейтрализует значимость раздельной деятельности в коллективе, поскольку требует приложения единообразных совместных усилий и осуществления единовременного труда (*to do, to make, to work*);
- 2) [*family*: номинатив + предикат ед. ч.: глагол как часть экзистенциальной и локативной структуры], где группа предстает обезличенным единым целым неделимым организмом, целиком занимающим одну общую позицию в пространственном и / или временном плане (*there be / live / to be there / to be in ...*);
- 3) [*family*: квалификатив + предикат ед. ч.: глагол как часть оценочной структуры с преобладанием эмоционального компонента], где целостная группа, внутри которой складываются взаимоотношения по принципу один за всех, и все за одного, является фокусом внимания, будучи предметом оценки, в которой отражается статус

и роль семьи для конкретного члена (*to be larks / to be lovely / to be one's life*);

- 4) [*family*: бенефициарий + предикат ед. ч.: глагол обозначения принадлежности, владения, обладания], где цельная группа, внутри которой установлены взаимные контакты по правилу «все как один», является владельцем материальных и духовных благ либо претендует на обладание ими (*to have, to belong, to possess*).

Изучая структуру ролей других глаголов и глагольных групп по корпусным материалам, находим, что грамматическая основа [субъект *family* + предикат во множественном числе] актуализирует взаимное приспособление следующих смыслов:

- 1) [*family*: каузативный агент + предикат мн. ч.: глагол, обозначающий физические и физиологические акты / процессы жизнедеятельности], где действия участников осознанны и при этом носят исключительно индивидуальный характер, по своей природе не допуская их группового исполнения (например, *to eat, to touch*);
- 2) [*family*: номинатив + предикат мн. ч.: глагол, обозначающий физические и физиологические акты / процессы жизнедеятельности], где действия участников индивидуальны, но не могут ими контролироваться (*to sneeze, to cough*);
- 3) [*family*: экспериенсер + предикат мн. ч.: глагол, обозначающий нервно-психические, психоэмоциональные и эмотивные процессы и состояния], где соответствующие состояния варьируют по степени вовлеченности, интенсивности, представленности в структуре личности, определяются темпераментом и т. д. (например, *to enjoy, to rejoice, to be eager / tired*);
- 4) [*family*: номинатив + предикат мн. ч.: глагольное выражение, описывающее местонахождение в пространстве и отношение к определенному времени], что отражает индивидуально-дискретное, автономное физическое существование каждого человека, на которое не влияет его положение в составе группы или вне ее (например, в предложениях с *экзистенциальными it / there*; с локативными глаголами *to live, to stay*);
- 5) [*family*: квалификатив + предикат мн. ч.: глагольное выражение, представленное рационально-оценочными структурами], выражающими, по своей сути, индивидуально направленное оценивание на предмет физических, нравственных,

морально-этических и / или ментальных состояний (например, *to be night owls, to be dignified, to be everything*);

- 6) [*family*: каузативный агенс + предикат мн. ч.: глагол речепорождения / речепроизводства], в этом случае множественность глагола исключает для участников ситуации говорение хором, т. е. локуция приписывается каждому отдельному лицу в составе группы с учетом возможной индивидуальной манеры произнесения слов, построения предложений и т. д. (например, *to say / to tell / to speak / to pronounce / to utter / to articulate*).

Разнообразие ролевой нагрузки существительного *family* и некоторая смысловая эклектичность в реальных контекстах связаны со сложностью отделения содержательной доминанты в пределах клаузы. Изучение примеров показало, что для профилирования доминирующего компонента смысла работает остальной контекст предложения, в частности, присутствие кореферентных подлежащему местоимений.

Рассмотрим предложение ***All his family were there to sympathize with him*** (BNC. 11.11.2023). Здесь *family* выполняет несколько семантических ролей – номинатива, экспериенцера и каузирующего агенса, а форма множественного числа глагола *to be* в концентрированном виде фиксирует несколько аспектов передаваемого смысла и направляет интерпретацию всего предложения. Для слова *family* сформированы условия реализации содержательной опции «декомпозиция группы, осуществление личностного взаимодействия между отдельными членами коллектива».

На дискретность, акциональную автономию членов группы указывает местоимение *all*, находящееся в препозиции к существительному, а также локативный предикат *be there*, где глагол *to be* использован во множественном числе, поскольку каждый из присутствующих занимает собственную позицию в пространстве в указанном контексте прошедшего времени. Кроме того, идея эмоциональной поддержки передается через рематически размещенный инфинитив цели *to sympathize*, относящийся к группе глаголов нервно-психических, психоэмоциональных, эмотивных, оценочных и чувственных характеристик, уточняющий вид деятельности, выполняемой людьми, собравшимися на одной территории. Именно множественное число личной формы глагола гармонирует с описываемой ситуацией, поскольку люди испытывают чувство сострадания по-разному, в зависимости от их характера, темперамента и способностей; о том, что это чувство переживается людьми, мы узнаем также из их речевого поведения, которое делает сострадание «активным».

Проанализируем для сравнения предложение:

Her **family is** famous for its opera singers (BNC. 11.11.2023).

Здесь семантический квалификатив *family* решает иную содержательную задачу. В данном контексте с высокой долей вероятности преобладает взгляд на семью как на полезный и контекстуально, в ракурсе музыкальной культуры и искусства, ценный источник ресурсов для общества; по сути, семья осмысливается как своего рода социально значимое «производство». Отсюда глагол *to be* с предикативом *famous* семантически выражают идею интеграции (объединения, концентрации) людей, которых связывает кровнородственная близость, вокруг отличительного признака, характерного для единства всех членов группы в целом, наследственной передачи оперных голосов. Предикат *be famous for* носит рационально-оценочный характер и эвфемистически передает выводное знание, связанное с глаголом *to produce*, что входит в обязательный общественный функционал семейных групп. Притяжательное местоимение *its*, кореферентное слову *family*, завершает осмысление группы как неделимой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Связывая данные настоящей статьи и проводимого исследования, в целом подчиненного понятийным установкам и терминологическому ряду Теории грамматики конструкций, отметим следующее. Если клаузу изучаемого типа можно считать репрезентантом понятийного согласования, то функциональность и вариативность репрезентанта на всех уровнях существования, от ментального до поверхностно-языкового, мотивированы его «конструкционностью». Данный термин лингвокогнитивистики позволяет сделать акцент на абстрагирующей деятельности мышления по отношению к устройству языковой системы, а также на подчиненности репрезентанта способам организации содержания и его оформления в конкретном языке.

В статье А. Д. Борзилова и М. А. Сальковой представлен анализ композиционных имен в английском языке в их взаимосвязи с общими морфолого-синтаксическими закономерностями построения англоязычной клаузы, мотивирующими варьирование на уровне категориального значения словоформ [Борзилов, Салькова, 2023]. В настоящей работе на примере анализа предложений с прототипическим композиционным существительным *family* показано, что

- 1) когнитивная мотивация репрезентанта смыслового согласования происходит из специфики концепта «family»

- и социальной детерминированности бинарной ментальной модели, допускающей доминирование либо обобщенно-групповой, либо индивидуально-личностной версии;
- 2) вариативность репрезентантов смыслового согласования мотивирована семантически и отражает различия в ролевой структуре ситуаций, описываемых соответствующими высказываниями.
- Углубление исследования в заданном направлении предполагает внимание к формам и способам мышления, позволяющим совместить многоаспектность восприятия действительности с компактностью языковых форм ее описания. Предполагается обращение к явлениям когнитивной метафоры и метонимии, а также характеристика прагматической мотивированности репрезентанта понятийного согласования, связанная с параметрами дискурса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кобрин Н. А., Болдырев Н. Н., Худяков А. А. Теоретическая грамматика современного английского языка: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2007.
2. Мушко Н. В. Культурно-антропологические компоненты семьи и семейных отношений // Вестник Поволжской академии государственной службы имени П. А. Столыпина. 2008. Вып. 2 (15). С. 51–56.
3. Neumann P. G. Visual prototype formation with discontinuous representation of dimensions of variability // *Memory & Cognition*. 1997. Vol. 5. № 2. P. 187–197.
4. Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010.
5. Fillmore, C. J. The case for case // *Universals in linguistic theory* / E. Bach, & R. T. Harms (Eds.). New York, NY: Holt, Rinehart, and Winston, 1968. P. 1–88.
6. Борзилов А. Д., Салькова М. А. Смысловое согласование в английском языке и семантика композиционности подлежащего // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 22–29.

REFERENCES

1. Kobrina, N. A., Boldirev, N. N., Khudyakov, A. A. (2007). A theoretical grammar of modern English: A teaching manual. Moscow: Visshaya shkola. (In Russ.)
2. Mushko, N. V. (2008). Cultural and Anthropological Components of Family and Family Relations. The Bulletin of the Volga Region Academy for Civil Service Named after P. A. Stolypin, 2(15), 51–56.
3. Neumann, P. G. (1977). Visual prototype formation with discontinuous representation of dimensions of variability. *Memory & Cognition*, 5(2), 187–197.
4. Rakhilina, E. V. (2010). Construction linguistics. Moscow: Azbukovnic.
5. Fillmore, C. J. (1968). The case for case. In Bach, E., Harms, R. T. (Eds.), *Universals in linguistic theory* (pp. 1–88). New York, NY: Holt, Rinehart, and Winston.
6. Borzilov, A. D., Salkova, M. A. (2023). Notional Agreement in Modern English and Semantics of Compositionality of the Subject. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3(871), 22–29. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Борзилов Александр Дмитриевич

аспирант кафедры грамматики и истории английского языка
факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Borzilov Aleksandr Dmitrievich

Post-graduate student of the Chair of the Grammar and the History of the English language
the Department of the English language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	20.12.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	19.01.2024	approved after reviewing
принята к публикации	28.02.2024	accepted for publication

Синтаксис «digital native media» и «legacy media»

Т. Р. Ванько

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
bestgrammar@yandex.ru

Аннотация. В современном цифровом пространстве сосуществуют два вида цифровых медиа: онлайн-версии традиционных печатных изданий (digital legacy media) и исконно цифровые медиа (digital native media). В статье исследуются лингвистические, в частности синтаксические, параметры их контентов с целью установления сходства и различия используемых ими средств реализации основной задачи – информирования и манипулирования общественным сознанием.

Ключевые слова: онлайн-версии традиционных печатных изданий, исконно цифровые медиа, синтаксические характеристики, простые предложения, сложноподчиненные предложения, сложносочиненные предложения

Для цитирования: Ванько Т. Р. Синтаксис «digital native media» и «legacy media» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 37–44.

Original article

Syntax of 'Digital Native Media' vs. 'Legacy Media'

Tatiana R. Vanko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
bestgrammar@yandex.ru

Abstract. In today's digital space, two types of media coexist: online versions of traditional print media and digital native media. Both similarities and differences in their content, commercial potential, target audience, and development strategies are considered. Of particular interest is the study of their linguistic, particularly syntactic parameters to establish the similarities and differences of the means used to implement the main task of informing and manipulating public opinion.

Keywords: digital native media, digital legacy media, syntactic parameters, simple sentences, complex sentences, compound sentences

For citation: Vanko, T.R. (2024). Syntax of 'digital native media' vs. 'legacy media'. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(885), 37–44.

ВВЕДЕНИЕ

Новые цифровые медиа превратились из простого технологического чуда в социальную платформу, оказывающую огромное влияние на политические и социальные процессы нашей жизни [Ye, 2017]. Происходящее связано с быстрыми изменениями в медиатехнологиях (появление игровых приставок, домашних компьютеров, Интернета, сотовых телефонов, планшетов) и медиaprостранство, где новые медиа являются важной составляющей социума, средством политического участия в его жизни. Это обусловлено такими свойствами интернет-коммуникации, как: способность к манипулированию, сетевой характер, возможность участия, когда потребитель медиа сам становится производителем и распространителем медиаконтента на глобальных платформах, а также сжатость информации и беспристрастность.

DIGITAL NATIVE MEDIA И DIGITAL LEGACY MEDIA В ЛИНГВИСТИКЕ

Важность происходящих в современных цифровых медиапроцессов объясняет огромное количество исследований, переходящих от политологического подхода к социологической перспективе в обществе и в СМИ, со всё большим вниманием к вопросам этики и объективности в цифровой журналистике [Theories of journalism in a digital age, 2017]. В целом рассмотрение цифровых медиа осуществляется по нескольким направлениям: изучение исторического и рыночного аспекта, инновационного процесса, изменений в журналистской практике, проблем журналистской деятельности и роли пользовательского контента [Mitchelstein, Boczkowski, 2009].

Р. Салаверриа в своем обзоре, посвященном юбилею цифровых СМИ, выделяет следующие аспекты их анализа в настоящий момент: становление понятия цифровой журналистики, ее исторические перспективы, модели цифровой журналистики, онлайн-медиа и платформы, язык цифровой журналистики, экономические аспекты цифровых медиа, вопросы создания и потребления цифрового журналистского продукта, методология цифровой журналистики [Salaverria, 2019].

30 лет, прошедшие с момента появления первых новостных онлайн-медиа, характеризуются не только переходом традиционных печатных информационных изданий на цифровой формат, но и возникновением и бурным ростом собственно цифровых медиа, или первичных онлайн-медиа, не имеющих печатных аналогов. Р. Салаверриа отмечает огромное разнообразие онлайн-медиа: наряду

с онлайн-версиями традиционных печатных изданий существует новый вид медиа, свойственный только Сети. Первоначально онлайн-медиа базировались на модели традиционных печатных СМИ, так как воспроизводили в Интернете контент, изначально предназначенный для других платформ (газет, радио и телевидения), однако с течением времени они становились все более независимыми по форме и содержанию, что привело к созданию оригинального контента для Интернета. Появление блогов было революционным прорывом, позволившим включить голос пользовательской аудитории в профессиональную журналистскую коммуникацию, дополнить профессиональный контент онлайн-медиа контентом, создаваемым потребителями [Salaverria, 2019].

Р. Салаверриа указывает, что изучение языка цифровых медиа фокусируются на функционировании в них гипертекста, мультимедиа и интерактивности [там же]. Гипертекст, отраженный в гипертекстовых ссылках цифровых СМИ, дает пользователям активный доступ к информации и является одной из основных характеристик языка цифровой журналистики, где линейное чтение текстов заменяется нелинейным поиском. Изучение мультимедиа (в частности онлайн-видео) в цифровой журналистике описывает типы мультимедийных пакетов и их влияния на потребление информации. Исследование интерактивности цифровой журналистики занимается анализом интерактивных ресурсов новостных веб-сайтов, а также их влиянием на интерпретацию информации пользователями. Очевидно, что описание языка онлайн-медиа сосредоточено на информационном контенте, способах его классификации и инновационной подачи в Интернете, благодаря развитию мультимедийных ресурсов и новых гипертекстовых и интерактивных форматов, что привело к обновлению жанров и форматов цифровой журналистики (журналистика длинных форм, медленная журналистика, иммерсивная журналистика и новостные игры).

Сравнительному изучению контента *digital native media* и *legacy media* посвящена работа К. Риодан [Riordan, 2014]. На примере традиционных изданий «The Guardian», «New York Times» и BBC и трех цифровых изданий «Quartz», «BuzzFeed» и «Vice News» она анализирует соответствие двух разновидностей онлайн-медиа стандартам точности, независимости и беспристрастности. К. Риодан полагает, что онлайн-версии традиционных печатных изданий могут научиться у исконно цифровых медиа новому подходу к стандартам, иначе они потеряют молодую аудиторию, и, наоборот, исконно цифровые медиа должны следовать некоторым стандартам традиционной журналистики. Автор

указывает на появление новой третьей формы журналистики, сочетающей в себе черты обеих разновидностей цифровых медиа. Такая гибридная форма, например у изданий «Quartz», «Vox» и «ProPublica», требует более упорядоченного, современного набора редакционных стандартов, сочетающих честность с тоном и манерой подачи похожей на «веб» [Riodan, 2014].

А. Вара-Мигель, принимая во внимание отличие *digital native media* от *legacy media* с точки зрения бизнес-моделей, стратегий дистрибуции, корпоративной организации и редакционных приоритетов, говорит о появлении двух типов онлайн-аудиторий традиционных и цифровых медиабрендов, различающихся по четырем аспектам: демографическому и социально-экономическому (пол, возраст, доход и уровень образования); интересу к новостям; оплате онлайн-новостей; доверию к СМИ [Vara-Miguel, 2020]. Полученные им статистические данные доказывают, что на рынке онлайн-новостей лидируют онлайн-версии традиционных печатных изданий, так как сайты крупных медиабрендов более популярны, чем исконно цифровые медиа. Читатели онлайн-версий традиционных печатных изданий это, как правило, мужчины с более высоким уровнем доходов и образования, с большим интересом к чтению новостей и готовые платить за них больше, чем пользователи исконно цифровых медиа. Читатели онлайн-версий традиционных печатных изданий больше доверяют новостям, демонстрируют более высокую вовлеченность и склонность к лояльности своим брендам, чем читатели исконно цифровых медиа. Последние возникли как бесплатная альтернатива традиционным изданиям, которые воспринимались как ненадежные в основном молодыми людьми, и, по мнению автора, в настоящее время занимают прочное место в медиаландшафте [Vara-Miguel, 2020].

Анализируя ресурсную зависимость *legacy media* и *digital native media*, С. Диел полагает, что последние вытеснят традиционные новостные онлайн-СМИ [Diel, 2017]. Пока же контент-анализ показывает, что оба вида онлайн-медиа сосуществуют и зависят от одного и того же ресурса – новостей. Однако онлайн-версии традиционных печатных изданий, связанные с традиционными газетами, публикуют достоверные оригинальные новости, в то время как исконно цифровые медиа, такие как «BuzzFeed», базируются на неоригинальном новостном материале неясного происхождения, чаще всего это переработанный контент, созданный традиционными изданиями. В настоящий момент наблюдается сближение двух видов онлайн-медиа. Исконно цифровые медиа прилагают усилия для улучшения публикуемого контента. Они

начали внедрять стандарты традиционных медиа, приглашать на работу известных профессиональных журналистов с целью создания оригинального контента. Онлайн-версии традиционных печатных изданий тоже адаптируются к условиям существования на новых платформах, а для привлечения новой аудитории используют развлекательную тактику, характерную для исконно цифровых медиа, сохраняя при этом стандарты традиционных медиа [Diel, 2017].

Еще одно направление исследований онлайн-медиа сосредоточено на изучении нарративных форм или способах коммуникации, т. е. на языковых характеристиках цифровой журналистики. Профессор Л. Манович указывает, что, если вначале онлайн-медиа использовали язык, жанры и форматы традиционных печатных СМИ, то со временем начали проявляться особенности и своеобразие онлайн-СМИ, которые указывали на постепенный отход от языка традиционных медиа [Manovich, 2002].

Современные зарубежные исследования уделяют наибольшее внимание изучению коммерческого потенциала *digital native media* и *legacy media* [Nichols, Shabbir, Nielsen, 2016], на сравнении их бизнес-моделей, стратегий дистрибуции, корпоративной структуры, редакционных приоритетов и целевой аудитории с точки зрения демографического и социально-экономического профиля (пол, возраст, доход и уровень образования), интереса к новостям, варианта оплаты онлайн-новостей, а также степени доверия к СМИ [Vázquez-Herrero, Negreira-Rey, López-García, 2023].

Отечественная лингвистика трактует Интернет как коммуникативное социально-культурное пространство, коммуникативную среду, в которой возникают новые парадигмы взаимоотношений в условиях разнообразных технических средств и контекстов доступных пользователям [Горошко, 2013]. Исследования языка онлайн-коммуникации русскоязычным научным сообществом ведутся в лингвокультурологическом и социолингвистическом направлениях [Горошко, 2013]. Интернет коммуникация повлекла за собой изменения обслуживающего ее языка на всех уровнях: от морфологического и лексического (например, нетрадиционные способы словообразования, интернет-неологизмы, калькирования, заимствования из английского языка и перенос их в родной язык и пр.), до прагматического (появление норм и правил сетевого этикета), социолингвистического (влияние социальных характеристик пользователей или языкового ареала), лингвокультурологического (создание лингвокультурных виртуальных типажей, образов и личностей) и графического (объединение

различных графических систем (например, латиницы и кириллицы, использование других пунктуационных правил, создание квазиграфических систем).

По мнению Е. И. Горошко, процесс конвергенции в языке онлайн-медиа выражается в сближении письменной и устной форм речи, вербальной и невербальной, а также синхронных и асинхронных форм коммуникации, монологической и диалогической форм речи [Горошко, 2013].

Т. Г. Добросклонская, одна из основоположников отечественной медиалингвистики, предлагает интегрированный подход к анализу языка новых медиа [Добросклонская, 2020]. Такой мультидисциплинарный подход использует целый ряд разнообразных методов: лингвистические методы описывающие параметры онлайн-текста на различных уровнях (от лексики до синтаксиса); заимствованный из социологии метод контент-анализа; метод дискурс-анализа, изучающий взаимоотношения между языковым и экстралингвистическим аспектами текста; метод когнитивного анализа соотношения между реальностью и ее медиарепрезентацией; методы критической лингвистики политико-идеологической составляющей медиатекста; метод лингвокультурологического анализа культурных смыслов и национально-культурной специфики медиатекста; медиалингвистический метод, описывающий функционирование текста в медиасреде (способ создания и воспроизведения, канал распространения, функционально-жанровый тип, тематическую доминанту).

Несмотря на констатацию важности анализа лингвистических характеристик онлайн-медиадискурса, его синтаксические параметры затрагиваются лишь в некоторых работах. Так Л. В. Дубина, анализируя тенденции развития русского языка в условиях Интернета, отмечает не только его изменения, но и их неравномерность на разных уровнях [Дубина, 2013].

П. П. Глазко касается синтаксических аспектов онлайн-дискурса, сопоставляя синтаксические экспрессивные средства реализации авторской интенции в англо- и русскоязычных жанрах блога и колонки. Автор объясняет различие ассортимента синтактико-стилистических средств в англоязычных блогах и колонках степенью персонализации этих двух жанров. Блог является жанром персонализированным, его экспрессивность определяется самим автором, а не политикой издания, в то время как жанр колонки более институционален, так как функционирует в рамках СМИ (в том числе в интернет-версиях) [Глазко, 2022].

Проведенный анализ синтаксических параметров исконно цифровых медиа (*digital native media*) свидетельствует о равной частотности

использования этими СМИ простых и сложноподчиненных предложений и об обилии цитирования в их текстах. При этом не проводилось сопоставление синтаксических характеристик исконно цифровых медиа и онлайн-версий традиционных печатных изданий для установления их сходства или различия [Ванько, 2022].

Однако в настоящий момент, когда общепризнанным является сосуществование двух видов современных цифровых медиа, возрастает интерес к их сопоставительному анализу. Они сравниваются с точки зрения контента [Riordan, 2014; Negredo, at. el., 2023], целевой пользовательской аудитории и способах воздействия на нее [Varamiguel, 2020; Negredo, at. el., 2023], источников финансирования и прибыльности [Nichols, Shabbir, Nielsen, 2016; Diel, 2017], потенциала для размещения рекламы [Nichols, Shabbir, Nielsen, 2016; Negredo, at. el., 2023].

Очевидно, что сравнение синтаксиса исконно цифровых онлайн-медиа и онлайн-версий традиционных печатных изданий не проводилось. Целью нашего анализа являлось сравнительное описание синтаксических структур, характерных для двух типов онлайн-медиа, с целью определения их сходства и различия и установления общих тенденций развития синтаксиса цифровых медиа.

АНАЛИЗ СИНТАКСИСА DIGITAL NATIVE MEDIA И DIGITAL LEGACY MEDIA

Для сравнительного анализа были отобраны публикации на тему «Экология» второго по посещаемости среди digital native media американского новостного информационного сайта «BuzzFeed» из рубрики «BuzzFeed.News» от 14 ноября 2023 года. Объем отобранных из «BuzzFeed» публикаций составил от 612 слов до 4 123 слов. Все они иллюстрируются фото количеством от 2 (в коротких публикациях объемом 612–744 слова) до 9 (в публикациях объемом 4 123 слова).

Источником языкового материала из digital legacy media послужили публикации на тему «Экология» из онлайн-изданий «The Guardian» и «The Independent» от 14 ноября 2023 года. Объем рассмотренных публикаций варьируется от 981 до 6 140 слов. Все они содержат от 1 до 5 фото, иллюстрирующих содержание статьи.

Важно отметить, что количество используемых исконно цифровыми медиа- и онлайн-версиями традиционных печатных изданий фотоматериалов свидетельствует о схожих тенденциях в обоих типах онлайн-медиа. Иллюстративные фото облегчают восприятие информации и служат подтверждением ее достоверности и надежности.

Сопоставление коммуникативных типов предложений также выявило сходство между текстами двух типов цифровых медиа. В подавляющем большинстве (98 % материала) это повествовательные предложения, информирующие читателя о происходящих событиях. Зарегистрированные в нашем материале вопросительные предложения (2 % материала) содержались в цитатах, инкорпорированных в текст публикаций исконно цифровых медиа для повышения степени достоверности сообщаемого, а также для создания эффекта «отстраненности» автора и усиления атмосферы объективности.

Перейдем к сравнению структурных типов предложений в анализируемых новостных сообщениях исконно цифрового издания «BuzzFeed» и онлайн-версий традиционных печатных изданий «The Independent» и «The Guardian». Наши данные свидетельствуют о похожих тенденциях к использованию простых предложений в публикациях обоих типов онлайн-медиа (47 % и 44 % соответственно). Это указывает на сближение их стилей повествования. Чаще используются простые предложения легкие как для зрительного, так и для когнитивного восприятия. Они придают повествованию более динамичный характер. Например:

After three years of rest, the Blackfeet business council voted unanimously to begin releasing wild bison there.¹

Упрощение языка – это одна из стратегий, используемых legacy media для завоевания более широкой возрастной и социальной аудитории [Vara-Miguel, 2020]. Изначально ориентированные на более возрастного и более образованного потребителя онлайн-версии традиционных печатных изданий имитируют стиль подачи материала характерный для исконно цифровых медиа, предназначенные для молодой потребительской аудитории.

Следует отметить тенденцию в анализируемых публикациях обоих типов цифровых медиа использовать простые предложения, осложненные причастными оборотами с целью сообщения большего количества деталей с сохранением простой структуры предложения.

Several children ran up to the animal, oohing and aahing, while running their fingers through the thick tufts of fur around his neck.²

¹Planas R. How the Blackfeet brought buffalo back to the land. Aug 5, 2023 https://www.huffpost.com/entry/how-the-blackfeet-brought-buffalo-back_n_64ca7a7ce4b03ad2b89c49a5

²Planas R. How the Blackfeet brought buffalo back to the land. Aug 5, 2023 https://www.huffpost.com/entry/how-the-blackfeet-brought-buffalo-back_n_64ca7a7ce4b03ad2b89c49a5

Сложноподчиненные предложения следуют вторыми по частотности использования в публикациях исконно цифровых медиа и онлайн-версий традиционных печатных изданий (39 % и 38 % соответственно). В текстах обоих типов онлайн-медиа встречаются различные типы придаточных, среди которых наиболее частотными являются придаточные определительные (36 % всего корпуса придаточных в digital native media и 34 % в digital legacy media), дополнительные (32 % и 30 % соответственно), придаточные времени (11 % и 12 % соответственно). Остальные типы придаточных: уступки, предикативные, подлежащие, причины, цели, условия в равной степени низкочастотны в нашем материале (каждый тип составил от 3 % до 1,5 % употреблений в обоих типах анализируемых публикаций). Итак, наиболее распространенным видом сложноподчиненных предложений являются структуры с придаточными определительными, вводимые союзами *that, which, what* или бессоюзно. Например:

The research, accompanied by satellite imagery, found areas that used to experience frequent droughts are now more prone to frequent flooding, while other regions historically prone to flooding now endure more frequent droughts.³

По результатам нашего анализа сложноподчиненные предложения с придаточными дополнительными демонстрируют равную частотность в текстах digital native media и digital legacy media, а также занимают второе место. Дополнительные придаточные вводятся союзами *that, whether*, союзными словами *how, where* или бессоюзно. Например:

The charity warned that failure to act on climate adaptation at Cop28 could lead to entrenched poverty, displacement, disease and potentially even conflict in the worst affected areas.⁴

Часто придаточные дополнительные служат для передачи прямой речи в виде косвенной. Оформляя косвенную речь, сложноподчиненные предложения с придаточными дополнительными создают эффект опоры на первоисточник и наряду с прямым цитированием позволяют достичь убедительного уровня достоверности публикации. Например:

³Laville S. Extreme drought in northern Italy mirrors climate in Ethiopia. Nov. 14, 2023. <https://www.theguardian.com/environment/2023/nov/14/extreme-drought-in-northern-italy-mirrors-climate-in-ethiopia>

⁴Laville S. Extreme drought in northern Italy mirrors climate in Ethiopia. Nov. 14, 2023. <https://www.theguardian.com/environment/2023/nov/14/extreme-drought-in-northern-italy-mirrors-climate-in-ethiopia>

Tim Wainwright, the chief executive of WaterAid, said the climate crisis was a water crisis across the world.¹

Являющиеся третьими по частотности использования в обоих типах медиа сложноподчиненные предложения с придаточными времени вводятся союзами *when, while, as, after*, среди которых союз *when* встречается чаще всего. Например:

When he and Aune approached the tribe's elders with the idea, they found wholehearted support.²

Реже всего в текстах digital native media и digital legacy media используются сложносочиненные предложения (7 % и 6,8 % соответственно) с союзами *and, but* или с бессоюзной связью, а также сложные предложения смешанной структуры с наличием подчинительной и сочинительной связи (8 % и 9 % соответственно). Таким образом, здесь также можно говорить о сходстве анализируемых медиа. Ниже приведем пример сложносочиненного предложения с придаточными дополнительным и обстоятельственным причины из публикации портала «BuzzFeed»:

The bird's name in Spanish means "skinny," and it seemed he was in danger of living up to his name in the early days of his escape because he hadn't been seen eating.³

Еще одной схожей тенденцией в синтаксисе исконно цифровых медиа и онлайн-версий традиционных печатных изданий является прямое

¹Laville S. Extreme drought in northern Italy mirrors climate in Ethiopia. Nov. 14, 2023. <https://www.theguardian.com/environment/2023/nov/14/extreme-drought-in-northern-italy-mirrors-climate-in-ethiopia>

²Planas R. How the Blackfeet brought buffalo back to the land. Aug 5, 2023 https://www.huffpost.com/entry/how-the-blackfeet-brought-buffalo-back_n_64ca7a7ce4b03ad2b89c49a5

³Calvan B. Flaco the escaped zoo owl can remain in the wilds of NYC. Feb. 19, 2023. https://www.huffpost.com/entry/ap-us-escaped-owl-central-park_n_63f298e1e4b0a1ee1494a308

цитирование в публикациях. В отдельных случаях прямая речь составляет до 25 % всего текста в digital native media и 28 % в digital legacy media. Цитаты из речи или выступлений участников событий рассматриваются как подтверждение объективности и достоверности. Прием прямого цитирования позволяет автору статьи уклониться от комментариев, при этом подборка цитат способствует выработке определенной оценочной позиции у потребителя. Прямое цитирование служит инструментом создания атмосферы объективности сообщаемой информации и вовлечения читателя в описываемую ситуацию. Эти данные свидетельствуют о предпринимаемых средствами *digital native media* усилиях по улучшению контента, в частности, по повышению его достоверности, точности и надежности [Riordan, 2014; Nichols, Shabbir, Nielsen, 2016; Diel, 2017; Vara-Miguel, 2020].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переход современных информационных медиа в цифровой формат привел к сосуществованию в онлайн-пространстве двух типов цифровых медиа digital native media и digital legacy media, результатом которого стало их взаимодействие и взаимовлияние друг на друга не только в вопросах качества публикуемого контента, но и в вопросах применяемых бизнес-стратегий. Сопоставительный анализ их синтаксических структур подтверждает тенденции к сближению синтаксиса *digital native media* и digital legacy media. Исконно цифровые медиа перенимают нормы и правила у традиционной новостной журналистики, используя характерный для них широкий ассортимент синтаксических структур. Одновременно с этим наблюдается обратная тенденция к упрощению синтаксиса онлайн-версий традиционных печатных изданий с целью привлечения более молодой и социально дифференцированной пользовательской аудитории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ye H. New questions emerge amidst rapid changes: Terry Flew, *New Media* (4th ed.). Global Media and China, 2017. 2 (3-4). P. 353–356.
2. Theories of journalism in a digital age / S. Steensen et al. Routledge, 2017. DOI: 10.4324/9781315544205.
3. Mitchelstein E., Boczkowski P. Between tradition and change: a review of recent research on online news production // *Journalism*, 10(5), 2009. P. 562–586.
4. Salaverria R. Digital journalism: 25 years of research. Review article // *El profesional de la formación*, 2019. V. 28, № 1. DOI: 10.3145/epi.2019.ene.01.
5. Riordan K. Accuracy, Independence, and Impartiality: How legacy media and digital natives approach standards in the digital age. University of Oxford, 2014.

6. Vara-Miguel A. Cross-National Similarities and Differences between Legacy and Digital-Born News Media Audiences // *Media and Communication*, 2020. Vol. 8 (2). P. 16–27
7. Diel S. New Media, Legacy Media and Misperceptions Regarding Sourcing // *KOME: An International Journal of Pure Communication Inquiry*, 5 (1). 2017. P. 104–120.
8. Manovich L. *The Language of New Media*. Cambridge: The MIT Press, 2002.
9. Nichols T., Shabbir N., Nielsen R. K. *Digital-born news media in Europe*. Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism, 2016.
10. Vázquez-Herrero, Negreira-Rey, López-García. Research on digital native media: an emerging topic in the field of digital communication // *Profesional de la información*. 2023. V. 32. № 2. P. 1–13. URL: <https://revista.profesionaldelainformacion.com/index.php/EPI/article/view/87288/63336>
11. Горошко Е. И. Возникновение лингвистики новых медиа и перспективы развития этого направления // Гипертекст как объект лингвистического исследования: материалы III Международной научно-практической конференции. Самара: ПГСГА, 2013. С. 27–41.
12. Добросклонская Т. Г. *Медиалингвистика: теория, методы, направления*. М.: КДУ, Добросвет, 2020.
13. Дубина Л. В. Тенденции развития русского языка в условиях интернет-коммуникации // *Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin)*. 2013. Вып. 2 (130). С. 177–181.
14. Глазко П. П. Функционально-прагматические особенности синтаксических приемов в жанрах медийного пространства США и Беларуси // *Вестник Московского Университета*. 2022. Сер. 10 (1). Журналистика. С. 136–151.
15. Ванько Т. П. Синтаксис 'digital native media' // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2022. Вып. 3 (858). С. 16–23.
16. Negrodo S. et al. Quantifying digital-native and legacy, national and local news websites in Spain, their topic scope and platforms // *Anàlisi: Quaderns de Comunicació i Cultura*. 2023. Vol. 68. P. 81–96.

REFERENCES

1. Ye H. (2017). New questions emerge amidst rapid changes: Terry Flew, *New Media*. 4th ed. *Global Media and China*, 2(3-4), 353–356.
2. Steensen, S. et al (2017). *Theories of journalism in a digital age*. Routledge, DOI: 10.4324/9781315544205.
3. Mitchelstein, E.; Boczkowski, P. (2009). Between tradition and change: a review of recent research on online news production. *Journalism*, 10(5), 562–586.
4. Salaverria, R. (2019). Digital journalism: 25 years of research. Review article. *El profesional de la formación*, 28(1). 10.3145/epi.2019.ene.01.
5. Riordan, K. (2014) *Accuracy, Independence, and Impartiality: How legacy media and digital natives approach standards in the digital age*. University of Oxford.
6. Vara-Miguel, A. (2020). Cross-National Similarities and Differences between Legacy and Digital-Born News Media Audiences. *Media and Communication*, 8(2), 16–27.
7. Diel, S. (2017). New Media, Legacy Media and Misperceptions Regarding Sourcing. *KOME: An International Journal of Pure Communication Inquiry*, 5(1), 104–120.
8. Manovich, L. (2002). *The Language of New Media*. Cambridge: The MIT Press.
9. Nichols, T., Shabbir, N., Nielsen, R. K. (2016). *Digital-born news media in Europe*. Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism.
10. Vázquez-Herrero, Negreira-Rey, López-García. (2023). "Research on digital native media: an emerging topic in the field of digital communication". *Profesional de la información*, V. 32, № 2.
11. Goroshko, E. I. (2013). Voznikovenie lingvistiki novykh media i perspektivy razvitiya etogo napravleniya =The Emergence of New Media Linguistics and the Prospects for the Development of this Field. Hypertext as an Object of Linguistic Research (pp. 27–41): Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. Samara: PGSGA. (In Russ.)
12. Dobrosklonskaya, T. G. (2020). *Media Linguistics: Theory, Methods, Directions*. Moscow: KDU, Dobrosvet. (In Russ.)
13. Dubina, L. V. (2013). Trends of development of the Russian language in the context of Internet-communication. *Vestnik of Tomsk State Pedagogical University (TSPU Bulletin)*, 2(130), 177–181. (In Russ.)

14. Glazko, P. P. (2022). Functional and pragmatic characteristics of syntactic devices in the genres of American and Belarusian media space. *Vestnik of Moscow State University. Journalism*, 10(1), 136–151. (In Russ.)
15. Van'ko, T. R. (2022). 'Digital native media' syntax. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 3(858), 16–23. (In Russ.)
16. Negrodo, S.; Sanchez-Garcia, P.; Amoendo-Casais, A.; Martinez-Costa, M. P., Salaverria, R. (2023). Quantifying digital-native and legacy, national and local news websites in Spain, their topic scope and platforms. *Anàlisi: Quaderns de Comunicació i Cultura*, 68, 81–96.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ванько Татьяна Ростиславовна

кандидат филологических наук

доцент кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vanko Tatiana Rostislavovna

PhD (Philology)

Associate Professor, Department of Grammar and History of English

Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.12.2023
19.01.2024
28.02.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Функциональная семантика поликатегориального комплекса в драматическом диалоге (на материале английской драматургии XIX в.)

О. В. Ерохина

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
olgaverokhina@gmail.com*

Аннотация. В статье на материале пьес английских драматургов XIX века обсуждается использование функциональной семантики глагольных форм как средства реализации поликатегориального комплекса, включающего в себя темпоральность, аспектуальность и таксис, при создании драматического диалога. Делается вывод о возможной взаимосвязи между авторским выбором глагольных форм и коммуникативным типом диалогического модуля, что через соответствующее литературное направление отражает языковую картину мира английского общества исследуемой эпохи.

Ключевые слова: диалогический модуль, коммуникативный тип, поликатегориальный комплекс, функциональная семантика, языковая картина мира

Для цитирования: Ерохина О. В. Функциональная семантика поликатегориального комплекса в драматическом диалоге (на материале английской драматургии XIX века) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 45–52.

Original article

Functional Semantics of Polycategorical Complex in a Drama Dialogue (a case study of the XIX century English Drama)

Olga V. Erokhina

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
olgaverokhina@gmail.com*

Abstract. The article is a case-study of the XIX century English drama. It is aimed at discussing the verb functional semantics as means of forming a polycategorical (Tense-Aspect-Taxis) complex in a drama dialogue. The resulting evidence is a plausible association of the playwright's choice of verb forms (for a polycategorical complex) and the communicative type of a dialogic module, which possibly reflects the language worldview of the English society of the time via respective literary trends in the English drama.

Keywords: dialogic module, communicative type, polycategorical complex, functional semantics, language worldview

For citation: Erokhina, O. V. (2024). Functional semantics of polycategorical complex in a drama dialogue (a case study of the XIX century English drama). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(885), 45–52.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение особенностей диалогического общения вызывает широкий интерес как у литературоведов, так и у лингвистов, но ограничивается в основном такими вопросами, как определение коммуникативного типа реплик и анализ языковых средств ведения диалогического общения. При этом анализ категориальной грамматической семантики данного типа диалога не проводился в современной исследовательской практике. Диалог представляет собой особый тип дискурсивной деятельности, специфика которого заключается в том, что коммуникативное взаимодействие между его участниками является репрезентацией определенной референциальной ситуации, единство которой подтверждает, что коммуниканты понимают содержание речи и коммуникативные интенции друг друга. Среди особенностей диалога можно выделить ситуативность общения, спонтанность речи участников, эмоциональность / эмотивность, эксплицитность и / имплицитность выражения мнения говорящего, а также невыраженность некоторых логических связей [Mustajoki, 2012]. Для нас особый интерес представляет тот факт, что характерные черты этого типа дискурса реализуются не только через лексическое наполнение высказывания, но и через его грамматическую семантику и структуру.

Диалог, наравне с другими типами дискурса, относится к информационному континууму, который обеспечивается, в частности, его темпоральным (временным) единством [Givon, 1983]. В рамках нашего исследования анализ диалогического взаимодействия проводится с учетом разделения диалога на отдельные смысловые фрагменты, обладающие относительной независимостью и набором отличительных параметров, диалогические модули (*далее* ДМ). Таким образом, метод сегментации текста, разработанный В. Л. Соколовой, позволяет «учитывать не только набор лингвистических факторов (например, коммуникативного единства фрагментов), так и экстралингвистических особенностей» [Соколова, 2008, с. 31]. ДМ включает в себя коммуникативное задание, которое обуславливает место и значение диалогического фрагмента в общем диалогическом пространстве текста, базовый концепт (коммуникативный тип), концептуальные операторы, которые являются подтипами ДМ. Отдельный элемент ДМ наделен содержательной ценностью, что позволяет, в частности, исследовать набор используемых автором грамматических форм и способов их реализации.

В рамках данного исследования анализируются особенности формирования категориальных ситуаций в ДМ, совокупность которых формирует

темпорально-аспектуально-таксисный комплекс (*далее* ТАТ-комплекс). Согласно А. В. Бондарко, категориальная ситуация классифицируется как «типичная содержательная структура, которая входит в семантическую базу ситуации и реализует определенную категорию» [Бондарко, 2002, с.10]. Таким образом, высказывание представляет собой реализацию конкретной семантической категории, а именно: темпоральности, аспектуальности, таксиса.

Функциональная семантика глагольных форм, реализующих ТАТ-комплекс, определяется исходя из постулатов функциональной грамматики А. В. Бондарко [Бондарко, 2001]. При этом под семантической функцией (*далее* СФ) глагольных форм понимается способ представления действия в связи с конкретной целью употребления. Материалом для анализа послужили пять пьес английских драматургов, имеющих разную хронологию в рамках XIX века.

Целью статьи стала попытка определить возможности функциональной семантики глагольных форм, формирующих ТАТ-комплекс драматического диалога, в установлении связи между коммуникативным типом ДМ и индивидуально-авторским выбором глагольных форм в процессе реализации художественно-эстетических установок, отраженных в драматургии XIX века.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ (ОБСУЖДЕНИЕ)

В анализируемых пьесах английских драматургов рассматриваемого периода была произведена сегментация диалога на ДМ и оценка их количественных характеристик и коммуникативных типов, а также выявлена грамматическая реализация их стержневых ТАТ-комплексов. Рассмотрим результаты анализа.

1. Объем диалогического текста анализируемых пьес в среднем составляет $\approx 72,5$ тыс. печатных знаков (с некоторыми флуктуациями в пьесах Э. Бульвер-Литтона и У. С. Гилберта).
2. На протяжении исследуемого периода обнаруживается тенденция к уменьшению общего количества ДМ (например, от 104 до 72 при том же объеме текста ≈ 85 тыс. печатных знаков). Результаты представлены на рисунке 1.
3. Соотношение базовых и смешанных коммуникативных типов ДМ сохраняется с некоторыми колебаниями на протяжении исследуемого периода.
4. Наиболее частотными типами базовых ДМ в большинстве случаев являются «сообщение информации» и «побуждение

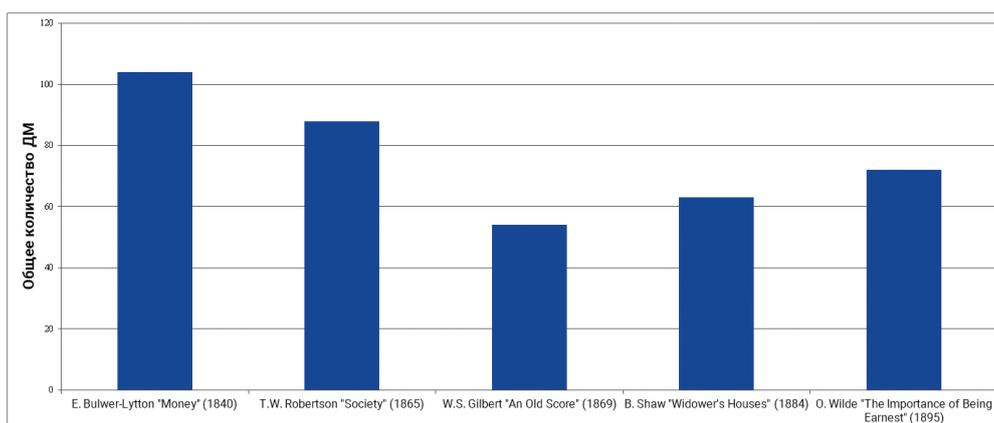

Рис. 1. Соотношение количества ДМ по пьесам (в хронологическом порядке)

- к действию». Отличие составляет пьеса Т. У. Робертсона «Общество», в которой среди наиболее частотных ДМ находим «выражение эмоций и чувств».
5. Наборы наиболее частотных смешанных типов ДМ практически не изменяются на протяжении века: в разных сочетаниях встречаются: «сообщение информации + выражение эмоций», «сообщение информации + побуждение к действию» и «выражение эмоций + побуждение к действию».
  6. Наиболее заметными концептуальными операторами в ДМ «сообщение информации» являются «экспликация» с очевидным преобладанием над другими подтипами, а в ДМ «побуждение к действию» – «прямая просьба» и «согласование действия с собеседником», которые с разной частотностью действуют на протяжении всего периода.
  7. ТАТ-комплекс создается в основном недлительными неперфектными формами настоящего, прошедшего и будущего времени. При этом наблюдается превалирование форм настоящего и прошедшего времен (65 % и 30 % соответственно) с существенным отставанием форм будущего времени. Таким образом, стержневой семантической категорией ТАТ-комплекса драматического диалога на нашем материале является категория темпоральности (больше 90 % форм). Аспектные характеристики действия в диалоге выражаются формами Present и Past Continuous, таксисные характеристики – формами Present и Past Perfect (их частотность варьируется в зависимости от авторских предпочтений драматургов). Сложные формы Perfect Continuous встречаются редко.
  8. Интерес представляет соотношение форм настоящего и прошедшего времени разной аспектуально-таксисной принадлежности: оно изменяется от 3,6 : 1 в пьесе Бульвер-Литтона до 5,6 : 1 у Уайлда (с некоторой тенденцией к сближению у Гилберта – 2,2:1), что позволяет предположить проявление индивидуальных особенностей художественного метода авторов при выборе глагольных форм.
- Характерная для XIX века смена литературных направлений в английской драматургии отмечена некоторыми «опорными моментами» в динамике процесса: компромиссная (как жанрово, так и социально) для переходного периода мелодрама Э. Бульвер-Литтона; начальный период подготовки «новой драмы» (1865–1891) (пьесы Т. У. Робертсона и У. С. Гилберта) и период становления и расцвета «новой драмы» (пьесы Б. Шоу и О. Уайлда) [Меркулова, 2013].
- Драматургия Э. Бульвер-Литтона занимает срединное положение между развлекательными жанрами и «новой драмой». Его мелодрама вполне подходила к «проповеди добрых чувств», при этом Э. Бульвер-Литтон в своем творчестве следует актуальным для того времени требованиям к национальному театру, а именно, идее обращения драматического фокуса к жизни обыкновенного человека, перипетиям частного лица в его ежедневном существовании. Отсюда, в пьесе «Деньги» превалирующая функциональная семантика регулярно повторяющегося действия и постоянной характеристики объекта в настоящем (формы Present Common). Она реализует категориальную ситуацию в коммуникативных типах наиболее частотных диалогических модулей – базового ДМ «сообщение информации» и смешанного ДМ «выражение чувств и эмоций + побуждение к действию». Последний в большей мере, чем остальные, содержит указание на выстраиваемые

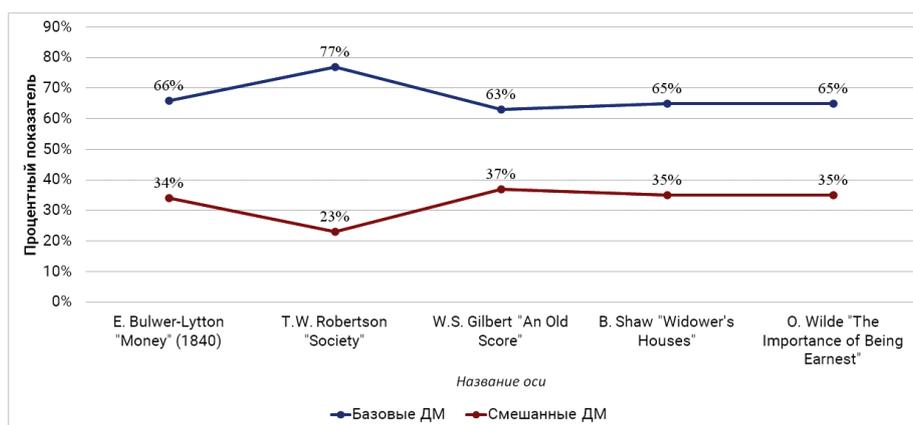

Рис. 2. Сопоставление базовых и смешанных типов ДМ в пьесах

автором противопоставления богатства и бедности, притворства и искренности, прошлого и настоящего. При этом прошлое имеет в пьесе не слишком четкие очертания (функциональная семантика действия в прошлом без точного указания на момент или период), но явлено только через упоминание героя о своей прежней жизни (форма Past Common играет значительно меньшую роль в создании ТАТ-комплекса диалога, чем форма Present Common).

Blount. I've won eight points and the bets – I never lose – I never play in the Deadly Smooth set! (E. G. Bulwer-Lytton. Money).

Sir J. never grudged anything to make a show – never stuffed your head with histories and homilies (E. G. Bulwer-Lytton. Money).

По мнению литературоведов, стоит выделить роль Т. У. Робертсона в становлении «новой драмы», которая связана с социальными реформами, фабианским обществом и философией театра норвежского драматурга Генрика Ибсена. Ключевыми опорными моментами этого направления являются отказ от постановки развлекательных пьес в пользу раскрытия социально-психологических тем, болезненных и злободневных проблем того поколения, что позволяет достоверно изобразить действительность и социальную роль современного человека в соответствующих условиях [Меркулова, 2013].

К нововведениям Т. У. Робертсона можно отнести следование природе, правдивости, «Englishness» тона и композиции, типичность диалога и характеров, пристальное внимание к воспроизведению деталей (иногда с элементами натурализма). Драматургия Робертсона положила начало «драме чашки и блюдца», целью которой становится описание семейно-бытовых вопросов в изящной стилистике реплик, обсуждаемых в спокойной

атмосфере гостинной за чаепитием [там же]. В этой связи индивидуально-авторским решением в пьесе «Общество» является выбор как коммуникативных типов диалога, так и функциональной семантики используемых грамматических форм. Так, наиболее частотными базовыми коммуникативными типами диалогических модулей являются «побуждение к действию» и «выражение эмоций и чувств» (которые представлены и в наиболее частотном смешанном типе ДМ). При этом определяющая для ТАТ-комплекса диалога функциональная семантика повторяющегося действия и постоянной характеристики деятеля в настоящем и длительно-го действия в момент речи выражается формами Present Common и Present Continuous, а действие в будущем без точного указания на время представлено формами Future Common.

Tom. I mean that Sidney pays for her education, board, and all that. Oh, he's a splendid fellow – a heart of gold! (T. W. Robertson. Society).

Sidney. In place of the clock, a mass of houses – factories, and palaces tumbling one over the other; and then the prospectus! At a time when thrones are tottering, dynasties are dissolving – while the old world is displacing to make room for the new" (T. W. Robertson. Society).

Sidney. I'll fight him with the very thousand that I won of him. Besides, what need has a Daryl of money at Springmead? (T. W. Robertson. Society).

У. С. Гилберт считается учеником Т. У. Робертсона в создании драматургических произведений и предшественником Б. Шоу и О. Уайлда. Хотя по жанру его пьесу «Старый счет» (или «Старая партитура») причисляют к комедиям, сам драматург настаивал на серьезности затронутых в ней тем и называл ее

комической драмой («comedy – drama»). Постановщик этой пьесы писал: «Это было слишком похоже на реальную жизнь и слишком нетрадиционно. <...> Диалог не был театром»¹ [цит. по: Crowther, 2011]. Персонажи Гилберта полнокровны и реалистичны, «проживание» настоящего не слишком далеко от прошлого и «смотрит» в будущее. Главный коммуникативный тип базовых ДМ в пьесе «Старый счет» – сообщение разного рода информации и, частично, «побуждение к действию». Гилберт как драматург скорее рационален, чем эмоционален: он не верит в искусственный *happy end* и легкое эмоциональное удовлетворение от такого счастливого конца. Отсюда, «выражение эмоций и чувств» лишь смешано в ДМ с «сообщением информации» и «побуждением к действию». Это определяет и индивидуально-авторский выбор видовременных форм и их функциональной семантики: СФ «длительное действие в настоящем (с глаголами состояния)» и СФ «регулярно повторяющееся действие в настоящем, прошедшем и будущем» (формы Present, Past и Future Common).

Col. James Casby, I want to speak to you on a matter of business (W. S. Gilbert. *An Old Score*).

Casby. My little Ethel! Do you know, I often wonder how it is that we happen to be thrown together as we are! (W. S. Gilbert. *An Old Score*).

Ethel. He will be happier with her than he could have been with me; perhaps I shall be happier as I am than as Harold Calthorpe's neglected wife. The blow is heavy, but I will bear it bravely (W. S. Gilbert. *An Old Score*).

Функционально оправдано использование форм Present Continuous для представления «действия в будущем в соответствии с принятым деятелем решением», а также немногочисленные, но важные для характеристики персонажей употребления Present Continuous в СФ «действие, представленное как длительное, для выражения его временного характера»:

Ethel. But don't you see the boy is going to prison – Mr. Casby, don't you see that they are taking him away? (W. S. Gilbert. *An Old Score*).

Parkle. I must have the money by Wednesday. I'm not treating you hardly (W. S. Gilbert. *An Old Score*).

Борьба Б. Шоу за «новую драму» сначала носила лишь теоретический характер, и первая его пьеса («Дома вдовца») увидела свет рампы только

в 1892 году. Во многом следуя ибсеновским принципам реформирования драмы, драматург ставил задачу создать интеллектуальную среду для развития театра посредством освещения актуальных проблем современности в ходе непрекращающихся дискуссий между персонажами [Меркулова, 2006].

Б. Шоу использует «новую модель ретроспекции, впоследствии названную “шовианской”. Для Шоу настоящее – это объективная реальность драмы, будущее “сущностно” (истинное бытие). Прошлое – настоящее драматург обозревает “из будущего” (“идеального” настоящего) с целью изменения среды» [Меркулова, 2006, с. 227]. Мы видим, что для исследования наибольшей ценностью являются такие «характерные изобразительно-выразительные средства приема ретроспекции, как простые противопоставления (здесь – там, теперь – тогда) и противопоставления времени и видов глагола (*наст. сов. – прош. несов.*) [там же, с. 65]. Применительно к английскому языку речь может идти о глагольных формах разной категориальной принадлежности. В пьесе «Дома вдовца» обе новаторские идеи Б. Шоу (дискуссионность диалогов и новая модель приема ретроспекции) реализуются, в частности, в выборе коммуникативных типов ДМ и глагольных форм, образующих ТАТ-комплекс. Это прежде всего преобладание коммуникативных типов ДМ (как базовых, так и смешанных) со значением сообщения разного рода информации («побуждение к действию» менее важно для драматурга) и абсолютное преобладание всех аспектно-таксисных глагольных форм настоящего (Present Common, Present Continuous, Present Perfect и Present Perfect Continuous). Функциональная семантика этих форм варьируется от однократного длительного действия в момент речи и до него, до действия, завершеного к моменту речи.

Cokane. She looks forward to floating your wife in society in London. (G. B. Shaw. *Widowers' Houses*)

Sartorius. You are trifling with me, sir. (G. B. Shaw. *Widowers' Houses*)

Sartorius. This is the third time this year that you have brought me a bill of over a pound for repairs. I have warned you repeatedly against dealing with these tenement houses as if they were mansions in a West-End square. I have had occasion to warn you too against discussing my affairs with strangers. You have chosen to disregard my wishes (G. B. Shaw. *Widowers' Houses*).

Sartorius. The truth is I have long desired to know him personally (G. B. Shaw. *Widowers' Houses*).

¹Перевод наш. – О. Е.

Cokane. You *have been carrying* on a clandestine correspondence (*G. B. Shaw. Widowers' Houses*).

При этом форма Present Continuous может передавать семантику будущего действия, которое произойдет по решению действующего лица.

Blanche. Are you coming, Dr Trench? (*G. B. Shaw. Widowers' Houses*).

Прошлое, как и будущее, присутствуют в пьесе преимущественно в функциональной семантике однократного действия без точного указания на время и регулярно повторяющегося действия (формы Past Common и Future Common).

Sartorius. I always *thought* so. Have you come to make restitution? (*G. B. Shaw. Widowers' Houses*).

Blanche. You shall not ever. I *will take care of* that! (*G. B. Shaw. Widowers' Houses*).

Пьеса О. Уайлда «Как важно быть серьезным» также принадлежит «новой драме», но в ней глупина содержания сочетается с блеском остроумия английского автора. Главное достоинство произведения заключалось в интеллектуальных, парадоксально-остроумных диалогах.

Литературная критика относила эту пьесу как к сатире, так и к драме. К. Чуковский писал, что Уайлд «смеялся надо всеми – холодно, мимоходом, без страсти, – потому что слишком уж тверды и неприступны были твердыни крепости, чтобы нападать на них. <...> Он никогда не изображал, как любят, как борются, как живут, нет, его интересовало только, что думают о борьбе, о любви, о жизни его герои, – эта мысль от мыслей его» [Чуковский, 2001, с. 490]. Уайлд так же, как и Шоу, использует ретроспекцию, но «ибсеновской» модели. Здесь основная функция ретроспекции – это мотивация состояния персонажа. При всей стремительности действия главное у Уайлда заключено в интеллектуальных диалогах, местами афористичных. Отсюда, явное преобладание форм настоящего времени с разнообразной функциональной семантикой. Например, часто встречающиеся употребления Present Common в СФ «регулярно повторяющиеся действия в настоящем» и СФ «длительное действие в момент речи (с глаголами состояния)», а также редкие для того времени СФ Present Continuous «длительное действие для передачи временного характера действия» и СФ Present Perfect «длительное действие, которое началось до момента речи и продолжается в момент речи (с глаголами состояния)»:

Algernon. I *don't play* accurately but I *play* with wonderful expression. I *keep* science for Life (*O. Wilde. The Importance of Being Earnest*).

Cecily. Do look happy! You *look* as if you had toothache, and I have got such a surprise for you. Who *do you think* is in the dining-room? Your brother! (*O. Wilde. The Importance of Being Earnest*).

Cecily. I believe the aristocracy *are suffering* very much from it just at present (*O. Wilde. The Importance of Being Earnest*).

Gwendolen. I am glad to say that I *have never seen* a spade. It is obvious that our social spheres *have been* widely different (*O. Wilde. The Importance of Being Earnest*).

Нельзя не отметить представленную в пьесе «развитую» функциональную семантику форм Past Perfect, особенно, СФ «действие, длящееся до момента в прошлом и продолжающееся в этот момент»:

Lady Bracknell. I'm sorry if we are a little late, Algernon, but I was obliged to call on dear Lady Harbury. I *hadn't been* there since her poor husband's death (*O. Wilde. The Importance of Being Earnest*).

Кроме того, стоит отметить использование сложной формы Present Perfect Continuous с функциональной семантикой длительного действия, начавшегося до момента речи и продолжающегося в момент речи или вплотную до него.

Jack. Do you mean to say you have had my cigarette case all this time? I wish to goodness you had let me know. I *have been writing* frantic letters to Scotland Yard about it (*O. Wilde. The Importance of Being Earnest*).

Сравнение с другими авторами показывает, что такой выбор глагольных форм и их функциональной семантики носит выраженный индивидуально-авторский характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав в рамках текущего исследования некоторые особенности функциональной семантики таких категорий, как темпоральность, аспектуальность и таксис, в диалогическом общении на примере нескольких пьес английских драматургов XIX века, нам удалось сделать некоторые выводы. Во-первых, функциональная семантика глагольных форм является важным инструментом формирования ТАТ-комплекса драматического

диалога, так как она позволяет установить связь между коммуникативными типами ДМ и авторским выбором глагольных форм. Более того, функциональная семантика помогает определить индивидуально-авторскую картину мира, которая через конкретное художественно-эстетическое направление драматургии отражает языковую картину мира англичан в определенную историческую

эпоху. Таким образом, появляется возможность использовать наполнение поликатегориального комплекса для проведения анализа и установления возможной зависимости выбора грамматических средств создания драматического диалога и их функциональной семантики от установок литературного направления и авторских особенностей драматургической техники.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Mustajoki A. A speaker-oriented multidimensional approach to risks and causes of miscommunication // *Language and Science Journal*. 2012, January. URL: http://www.researchgate.net/publication/263239925_A_speaker-oriented_multidimensional_approach_to_risks_and_causes_of_miscommunication/link/5770bb3308ae0b3a3b7b96f4/pdf
2. Givon T. *Topic Continuity in Discourse: An Introduction* // *Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study*. Amsterdam; Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 1983. P. 1–42.
3. Соколова В. Л. Коммуникативная структура англоязычного художественного диалога: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
4. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики (на материале русского языка). М.: Языки славянской культуры, 2002.
5. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М.: УРСС, 2001.
6. Меркулова М. Г. Английская «Новая драма» конца XIX – начала XX века: становление национальной модели драматургии // *Филология и культура*. 2013. Вып. 2 (32). С. 157–160.
7. Crowther A. *Gilbert of Gilbert and Sullivan: His Life and Character*. Gloucestershire: History Press, 2011. URL: <https://lib.zlibraries.com/text/d4ky2e6o9kr1/gilbert-of-gilbert-sullivan-his-life-and-character/15>
8. Меркулова М. Г. Ретроспекция в английской «новой драме»: истоки, типология, функционирование: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.
9. Чуковский К. И. *Собрание сочинений: в 15 т.* М.: Терра – Книжный клуб, 2001. Т. 11.

REFERENCES

1. Mustajoki, A. (2012, January). A speaker-oriented multidimensional approach to risks and causes of miscommunication. *Language and Science Journal*. http://www.researchgate.net/publication/263239925_A_speaker-oriented_multidimensional_approach_to_risks_and_causes_of_miscommunication/link/5770bb3308ae0b3a3b7b96f4/pdf
2. Givon, T. (1983). *Topic Continuity in Discourse: An Introduction*. In *Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study* (pp. 1–42). Amsterdam; Philadelphia. John Benjamins Publishing Company.
3. Sokolova, V. L. (2008). *Kommunikativnaya struktura angloyazychnogo hudozhestvennogo dialoga = Communicative structure of English literary dialogue*. PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
4. Bondarko, A. V. (2002). *Teoriya znacheniya v sisteme funkcional'noj grammatiki: Na materiale russkogo yazyka. = The theory of meaning in the system of functional grammar (founded on the materials of the Russian language)*. Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow: Languages of Slavic Cultures. (In Russ.)
5. Bondarko, A. V. (2001). *Principy funkcional'noj grammatiki i voprosy aspektologii. = The principles of functional grammar and aspectology*. Moscow: URSS. (In Russ.)
6. Merkulova, M. G. (2013). English 'new drama' of the end of the 19th – the beginning of the 20th century: the national drama model formation. *Philology and culture*, 2(32), 157–160. (In Russ.)
7. Crowther A. (2011). *Gilbert of Gilbert and Sullivan: His Life and Character*. Gloucestershire. History Press. <https://lib.zlibraries.com/text/d4ky2e6o9kr1/gilbert-of-gilbert-sullivan-his-life-and-character/15>
8. Merkulova, M. G. (2006). *Retrospekciya v anglijskoj "novoj drame": istoki, tipologiya, funkcionirovanie: = Retrospection in the English new drama: origin, types and functions*. PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
9. Chukovskij, K. I. (2001). *Sobranie sochinenij = Collection of works: in 15 vols. (vol. 11)*. Moscow: Terra–Knizhnyj klub. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ерохина Ольга Викторовна

аспирант кафедры грамматики и истории английского языка
факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Erokhina Olga Viktorovna

Postgraduate Student
Department of Grammar and History of English
Faculty of the English Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.12.2023
22.01.2024
28.02.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81.37

Специфика новых английских отпрецедентных имен с позиций концептуального подхода

А. Г. Захарова

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
un_bello_gesto@mail.ru*

Аннотация: В статье анализируются семантические процессы в новых отпрецедентных именах в английском языке. Производные от прецедентных имен являются новым средством категоризации, познания и описания окружающей действительности, что проявляется в семантическом и структурном многообразии этих лексических единиц. Семантика отпрецедентных имен строится на основе концептуальных механизмов. Подчеркивается, что значение прецедентного имени в результате процессов деривации претерпевает значительные изменения.

Ключевые слова: отпрецедентное имя, дериват, концептуальные механизмы, семантика, концептуальная оппозиция, субституция

Для цитирования: Захарова А. Г. Специфика новых английских отпрецедентных имен с позиций концептуального подхода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 53–58.

Original article

Specificity of New English Derivatives from Precedent Names from the Standpoint of Conceptual Approach

Anastasiya G. Zakharova

*MGIMO University, Moscow, Russia
un_bello_gesto@mail.ru*

Abstract. The article studies semantic processes in new English derivatives from precedent names. These lexical units are a new means of categorizing, understanding and describing reality, which is manifested in their semantic and structural diversity. It is argued that the semantics of derivatives from precedent names can be built upon certain conceptual mechanisms. It is emphasized that the meaning of a precedent name undergoes considerable changes as a result of different derivation processes.

Keywords: derivative from a precedent name, derivative, conceptual mechanisms, semantics, conceptual opposition, substitution

For citation: Zakharova, A. G. (2024) Specificity of new English derivatives from precedent names from the standpoint of conceptual approach. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(885), 53–58.

ВВЕДЕНИЕ

В статье рассматриваются семантические процессы в новых английских производных словах, образованных от прецедентных имен. Актуальность данного исследования обусловлена растущим интересом к производным от прецедентных имен, культурно наполненным, насыщенным знакам, а также необходимостью описания когнитивных механизмов, лежащих в основе семантики новых отпрецедентных имен. Популяризация массовой культуры привела к появлению большого числа дериватов в английском языке, которые, будучи абсолютно уникальными лексическими единицами, обеспечивают связь с общекультурным наследием и историей. Они позволяют закрепить определенные жизненные вехи и богатый опыт поколений в языке, к тому же создают новые модели для большего обогащения языка в дальнейшем. Производные от прецедентных имен – это новые единицы, которые креативным образом описывают мир и имплицитно указывают на те или иные события. В статье мы хотели бы остановиться подробнее на характеристиках прецедентных имен для того чтобы попытаться обосновать изменения в их семантике с когнитивной точки зрения, вскрывая глубинные механизмы семантической деривации.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ»

По словам Е. А. Нахимовой, «прецедентные имена – это важная составляющая национальной картины мира, способствующая стереотипизации и оценке действительности в народном сознании, формированию и развитию национальной картины мира, приобщению к национальной культуре и национальным традициям в рамках глобальной цивилизации и с учетом общечеловеческих ценностей» [Нахимова, 2007, с. 5].

Мы замечаем, что носители языка зачастую прибегают к использованию прецедентных имен в речи, поскольку эти лексические единицы являются необычными, яркими субститутами более привычных выражений, увеличивают степень воздействия слова на реципиента. Вместе с тем прецедентные имена придают тексту «многоголосие», полифоничность, в связи с чем иногда возникают трудности в понимании этих текстов и переводе этих имен на русский язык. У прецедентных имен много и других особенностей. Так, по словам Д. И. Ермолович, «отражение признаков референта закрепляется в значении на уровне языка, когда смысловая структура имени обогащена дескриптивным компонентом в рамках самой широкой коммуникативной сферы – всего

языкового коллектива» [Ермолович, 2005, с. 74]. К тому же при дешифровке прецедентных и отпрецедентных имен необходимо опираться на фоновые знания. Можем добавить, что фоновые знания всегда обеспечивают правильный вектор интерпретации семантики прецедентных имен.

По мнению В. М. Воловой, к прецедентным именам относятся все «социально-говорящие» имена всех видов, к которым одинаково относятся в данной лингвокультурной общности [Волова, 2016]. А. В. Терещенко пишет, что если прецедентное имя сродни имени собственному или же потеряло характеристики антропонима (как в случаях с лексемами Mark Twain, Henry James и словом sandwich), то при переводе оно не нуждается в подробном освещении, потому что это имя понятно разным носителям языков [Терещенко, 2016].

В своей монографии Е. А. Нахимова постулирует, что «использование имени собственного в специфических коммуникативных смыслах издавна привлекало внимание исследователей, но подходы к познанию этого феномена и даже само его обозначение в рамках различных научных парадигм существенно различаются. Существуют различные направления в исследовании прецедентных феноменов – грамматическое, структурно-семантическое, стилистическое, риторическое, психолингвистическое, социолингвистическое, ономастическое, лингвокультурологическое, когнитивно-дискурсивное и др. В зависимости от принадлежности исследователя к тому или иному научному направлению в исследовании прецедентности для обозначения подобного словоупотребления используются различные термины:

- интертекстема (интертекст, проявление интертекстуальности);
- прецедентный феномен (прецедентное имя, прецедентный культурный знак);
- историческая (социальная, политическая) или литературная (театральная) метафора;
- текстовая реминисценция;
- логоэпистема;
- элемент вертикального контекста;
- антономазия и аллюзия как разновидности риторических тропов и фигур;
- имя собственное, использованное в значении имени нарицательного (перешедшее в имя нарицательное)» [Нахимова, 2007, с. 8–9].

«Разумеется, названные термины не вполне совпадают (хотя и пересекаются) по содержанию, поскольку отражают разные взгляды на принадлежности соответствующих феноменов к ментальной, языковой, культурной или понятийной сферам, на отношения между этими сферами и на границы соответствующего объединения» [там же, с. 9]. По тому, насколько различны подходы к исследованию

природы прецедентных имен, можно сделать вывод о том, что эта тема близка очень большому количеству исследователей и что эти единицы номинации сегодня представляют собой актуальный объект изучения. Это заметно еще и по тому, что это единицы, «отражающие опыт носителей одной культуры, составляющие ядро концептуальной картины мира, а также являющиеся обязательными для всех членов одного лингвокультурного сообщества» [Косиченко, 2006, с. 11], поэтому исследователи выделяют их в особую категорию сложных, лингвоментальных единиц. Удивительная конвергенция лингвистического и концептуального уровней способствует всё большему распространению этих единиц в речи и их узнаваемости. Прецедентные имена особым образом запечатлевают явления действительности, поскольку несут в себе не только информацию об объекте, но и культурный заряд и суждение об этом объекте. Порой требуется много времени, чтобы расшифровать значение всей единицы, весь закодированный в ней объем информации. Трудности, в частности, вызывает дешифровка характеристик прецедентного персонажа, стоящих за тем или иным именем, ведь, как известно, прецедентное имя – это «своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени...» [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева, 1997, с. 83].

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Отпрецедентные номинации обладают высоким номинативным потенциалом в современном английском языке благодаря совмещению и интеграции в своей структуре словообразовательного или фразообразовательного форманта, с одной стороны, и наличию культурно-обусловленного компонента, выраженного посредством прецедентного имени, с другой» [Захарова 2020, с. 4]. Кроме того, «номинации, созданные на основе прецедентных имен, демонстрируют гибкость семантики, предрасположенность к полисемии, характеризуются информативностью и экспрессивностью, что обусловлено разнообразным репертуаром слотов во фрейме прецедентного имени и повсеместным действием когнитивных механизмов (де)фокусирования» [там же, с. 4–5]. Выборка лексических единиц для статьи осуществлялась в современных корпусах английского языка и на медиасайтах. Такой выбор источников материала обусловлен разнообразием исследовательского материала в вышеупомянутых ресурсах. Отметим, что материал разнообразен со смысловой и структурной точек зрения. В структурном плане

анализируются различные части речи; дериваты образованы от разных прецедентных имен. Выбор определялся частотностью появления новых отпрецедентных единиц в разных контекстах.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОВЕДЕННОГО АНАЛИЗА

Интересными для анализа представляются дериваты от прецедентного героя Гринча. Напомним, что Гринч – главный герой детской книги «Как Гринч украл Рождество» и нескольких фильмов на ее основе. В произведении этот герой предстает как злобный и коварный персонаж, который портит всем предрождественское настроение. Он переодевается в Санта-Клауса и похищает рождественские украшения и подготовленные подарки. Гринч радуется оттого, что портит праздник людям. В статье под названием «From the Archives: Grinching of the Globe began in 1998» Merrie Monteagudo из журнала «The San Diego Union-Tribune» (2022) рассказывается о мюзикле «Как Гринч украл Рождество», который стал пользоваться огромным успехом у публики, у детей, живущих в Сан-Диего, и их родителей. В данном заголовке значение деривата *grinching* претерпевает значительные коннотативные изменения: Гринч завоевывает мир и сердца людей. Данное слово обрастает положительной окраской, и заголовок привлекает к себе внимание читателей журнала. В данном примере полностью элиминируется негативный образ персонажа. Вместе с тем дериват скрывает в себе процесс, указывая на то, что завоевание сердец людей шло постепенно. Иными словами, эта лексема концептуализируется как некое событие и открывает широкое поле для интерпретации.

Любопытна семантика у деривата *grinching* и в другом контексте. В статье «Muscatine Community Y grinching for good cause» Margaret Hurlbert повествуется о том, как сообщество «Маскатайн» придумало новый способ собрать деньги с целью поддержания подростковых программ и заодно поделиться радостью с окружающими. Когда кто-то в округе заказывает «гринчинг», то представители сообщества «Маскатайн» идут домой, во двор к заказчику, ставят указатель и вокруг негосыпают на землю пластиковые яйца, набитыми печеньями и конфетами. На следующий день они забирают указатель, собирают опустошенные яйца с тем, чтобы использовать их уже для другого заказчика. Авторы статьи призывают читателей *to grinch the loved ones*, т. е. обрадовать в каком-то смысле слова своих любимых людей, но тут же упоминают, что «гринчинг» стоит 20 долларов. В данном случае семантика деривата *grinching* строится на концептуальной оппозиции. И в предыдущем, и в этом

случае элиминируется признак отрицательности героя: аксиологический маркер меняется на положительный. По сюжету книги и фильма Гринч был злым персонажем, который похищал подарки у людей и портил всем пред рождественское настроение, а в данном примере, наоборот, производное профилирует прямо противоположные черты – приносить радость людям, раздавать подарки.

Еще один яркий пример *sheening* мы находим в базе неологизмов the Rice University Neologisms Database¹. Согласно дефиниции, это слово обозначает акт какой-то чрезмерной реакции или ярости со стороны деятеля, который не употребляющего алкоголь. Однако актер Чарли Шин, от имени которого образовано отпрецедентное имя, как известно, злоупотреблял алкоголем. В концептуальном плане происходит генерализация значения с дефокусировкой факта опьянения актера, поведение которого послужило прототипом для обобщения. Причем любой акт невменяемости или отсутствия самоконтроля можно назвать *sheening*, согласно the Rice University Neologisms Database.

Не менее интересны примеры дериватов, образованных от имени мультиперсонажа Скуби-Ду. По сценарию фильма, мальчик по имени Шэгги заводит дружбу с псом по кличке Скуби-Ду. С другими школьниками – Дафни, Вельмы и Фредди они создают частное детективное агентство, которое помогает местным властям бороться с преступниками. Герои опрашивают подозреваемых, ищут улики, а также разгадывают городские тайны. Мы встречаем конверсив *scoobied* в следующем контексте:

- So...what are you doing right now? – KC asked.
- Going home.
- The roar of dueling motorcycle engines rattled past them.
- Let me give you a ride. KC stepped toward her scooter. Angie laughed to herself.
- What? – KC asked. – Too cool?
- More like too heavy. Scooters have weight limits. Even a Ruckus with a custom build.
- So, you Scoobied my ride, – KC said (*E. Charlton-Trujillo. Fat Angie: Homecoming*).

- Итак...что ты делаешь сейчас? – спросила Кейси.
- Иду домой.
- Рев дуэльных мотоциклетных двигателей прогремел мимо них.
- Позволь мне подвезти тебя. Кейси шагнула к своему самокату.
- Энджи усмехнулась.
- Что? – Спросила Кейси. – Слишком круто?

– Скорее слишком тяжело. У самокатов есть ограничения по весу. Даже у Ракуса с пользовательской сборкой.

– Ну, ты сорвала мою поездку, – сказала Кейси².

В данном контексте фразу *you scoobied my ride* можно перевести как *ты сорвала мою поездку*. В концептуальном плане происходит разрыв с инвариантом восприятия Скуби-Ду, со стереотипными характеристиками этого персонажа, происходит субституция (замена) одного, привычного глагола (*foiled*) на другой, более креативный. Конверсив обрастает уникальным значением, которое угадывается только в контексте. Благодаря апелляции к герою мультфильма глагол *scoobied* звучит нетривиально ярко. Вместе с тем происходит усечение прецедентного имени, что придает лаконичность суждению.

В словаре «Urban dictionary» мы находим другой дериват от имени персонажа Скуби-Ду – *Scoobydoovian*. Предлагается следующая дефиниция – *seeming extraordinary or paranormal but having a commonplace explanation*³ (кажущийся экстраординарным или паранормальным, но имеющий банальное объяснение). В концептуальном плане также происходит субституция длинного определения на другое ввиду того, что отпрецедентное имя звучит более емко и кратко. Как и в предыдущем случае здесь происходит разрыв связи с архетипом, в отпрецедентном имени не наследуются никакие канонические черты Скуби-Ду.

Похожий случай замены наблюдается во фразовом глаголе *smurf away* в комиксах о смурфах.

- Those stupid sorcerers let you go?
- No, I smurfed away from them. Your Grand Master won't get me (*N. Peyo. Smurfette in charge and other stories*).

- Эти глупые колдуны отпустили тебя?
- Нет, я убежал от них. Твой Великий Магистр меня не достанет.

В данном контексте описан еще один случай субституции (замены) отпрецедентным именем более привычного слова. Сместем предположить, что это был глагол *run away*. Употребление отпрецедентного глагола типично для речи смурфов, поскольку герои часто заменяли обычные слова на производные с корнем *smurf*. В свою очередь, для нас этот пример показателен еще и тем, что дериватами от прецедентных имен могут быть и фразовые глаголы.

Не менее интересен следующий пример:

²Зд. и далее перевод наш. – А. З.

³URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Scoobydoovian>

¹URL: <https://neologisms.rice.edu/word/browse>

Rapunzeling down forty-three feet underneath the plump round orb, a gondola unfolded and came to life. The balloon itself? It becomes a heat source, and it disturbs the air, lectured Kerzhanovich (*Gallentine*, 2021). – Спустившись вниз с объемистого шара на 43 фута, гондола раскрылась и ожила. Сам воздушный шар? Он становится источником тепла и возмущает воздух, – читал лекцию Кержанович.

Отпрецедентное имя обеспечивает необычное прочтение данного предложения, поскольку вносит яркие оттенки в общую смысловую палитру. Напомним, юную принцессу Рапунцель с необычайно длинными волосами (21 метр) в детстве похитила коварная женщина – матушка Готель и спрятала девушку в высокой башне, где Рапунцель жила до 18 лет. Но однажды в ее башне находит убежище разбойник Флин Райдер, в которого принцесса влюбляется. Флин помогает Рапунцель выбраться из башни и также влюбляется в нее. Вместе они попадают в разные приключения. Семантика причастия *rapunzeling* строится на фокусировании и метафоризации латентной (не основной) черты Рапунцель в фильме – спускать волосы с башни.

В корпусе COCA мы также находим отпрецедентные имена, интересные одновременно как со словообразовательной стороны, так и со стороны концептуального анализа. К примеру, бленд *Pinocchio-aissance* в следующем контексте сразу приковывает к себе внимание читателей:

it's a big year for fans of the world's most famous Italian puppet, Pinocchio. In fact, you might say we're in the midst of a Pinocchio-aissance by the internet's standards. Disney+ just released a live-action/CGI remake of the 1940 Walt Disney classic (*COCA*). – Это большой год для поклонников самой известной в мире итальянской куклы, Пинокио. На самом деле, по меркам Интернета, можно сказать, что мы находимся в центре возрождения Пинокио. Disney+ только что выпустил игровой / компьютерный ремейк классического мультфильма Уолта Диснея 1940 года.

Непродуктивный суффиксоид *-aissance* обретает новое звучание в контаминанте. С ним, также как и с суффиксоидом *-holic*, может образовываться неограниченное количество новых слов. Можно предположить, что *Pinocchio-aissance* – это окказионализм, но необычная словообразовательная структура этого отпрецедентного имени открывает новые горизонты для пополнения словарного арсенала английского языка. Неактивный суффиксоид *-aissance* может стать активным и образовать

новый словообразовательный паттерн. Благодаря инкорпорированию лексем *Renaissance* и *Pinocchio* мы получаем комплексное значение: сказка снова в моде, режиссеры сняли ее ремейк. Происходит отсылка ко всей сказке про Пинокио, имя героя в данном случае – это метонимическая проекция на весь сюжет.

Другой дериват от прецедентного имени *Pinocchio* мы находим в корпусе *News on the Web*:

Pinocchio-worthy (that is, false or misleading) statements (*NOW Corpus*). – Заявления, достойные Пинокио (т. е. ложные или вводящие в заблуждение).

В данном примере фокус на идиосинкратичной черте героя Пинокио: лгать не стесняясь (но так, что это очевидно, так как растет его нос). Таким образом заявления человека, про которого идет речь, ложные; он лжет не стесняясь и так, что это очевидно всем.

Дериват *smurfizer* из корпуса *News on the Web* демонстрирует интересные семантические свойства. Согласно корпусу, *смурфайзер* – это огнемёт, которым пользуются люди, играющие в игру про смурфов. Вместо уничтожения пламенем сорняков растений пламенем этот огнемёт возвращает их в нормальное состояние, распыляя целебную жидкость там, где это требуется. Любопытно, что происходит замена плотным по смыслу словом (отпрецедентным именем) обширного объяснения. Важно, что в отпрецедентное имя не проецируются никакие черты смурфов, происходит дефокусирование всех идиосинкратичных характеристик героев, кроме второстепенной черты «создание смурфайзера Хэнди Смурфом».

Еще одно производное происходит от имени героев смурфов – *smurftastic*. Это производное образовалось путем гибридизации (*smurf + fantastic*). Эта лексема характеризует смурфов или что-то относящееся к смурфам с положительной стороны. Можем утверждать, что в данном примере слово *fantastic* «вытягивает» положительные черты смурфов. Именно в бленде *smurftastic* выдвигаются положительные характеристики смурфов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье были проанализированы некоторые семантические особенности новых отпрецедентных имен в английском языке. Все дериваты экономные по форме, но очень емкие и плотные по смыслу. Семантика дериватов от прецедентных имен может строиться на основе концептуальной оппозиции, метафоризации, дефокусирования прототипических характеристик героя. Также

может происходить субституция одного слова на другое, более яркое, и разрыв с архетипом. Отметим, что контекст направляет вектор дешифровки значения производных от прецедентных имен. Все выявленные концептуальные механизмы

свидетельствуют о разнообразии деривационной семантики отпрецедентных имен, о многоликости и многоаспектности этих сложных единиц номинации, которые и дальше требуют детального изучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2007.
2. Ермолович Д. И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. М.: Р. Валент, 2005.
3. Волова В. М. Прецедентные имена собственные и их специфика в газетно-публицистическом тексте как составной части массмедиального дискурса // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. № 1. 2016. С.82–87.
4. Терещенко А. В. Прецедентные имена в современном русском и английском языках: статус, семантика, особенности функционирования // Вестник Томского государственного педагогического университета: сборник статей. 2016. Вып. 11 (176). С. 76–84.
5. Косиченко Е. Ф. Прецедентное имя как средство выражения субъективной оценки: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
6. Захаренко И. В. [и др.] Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М.: Филология, 1997. Вып. 1. С. 82–104.
7. Захарова А. Г. Лингвокогнитивное моделирование семантики производных слов, образованных от прецедентных имен (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2020.

REFERENCES

1. Nakhimova, E. A. (2007). *Pretsedentnye imena v massovoi kommunikatsii* = Precedent names in mass communication. Yekaterinburg: UrSPU. (In Russ.)
2. Ermolovich, D. I. (2005) *Imena sobstvennye: teoriya i praktika mezh'yazykovoï peredachi* = Proper names: theory and practice of interlanguage transmission. Moscow: R. Valent. (In Russ.)
3. Volova, V. M. (2016). Proper names and their specifics in the newspaper text as component of mass-medial discourse. *The Bulletin of Vyatka State University for the Humanities*, 1, 82–87. (In Russ.)
4. Tereshchenko, A. V. (2016). Precedent names in modern Russian and English languages: status, semantics, functioning peculiarities. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 11(176), 76–84. (In Russ.)
5. Kosichenko, E. F. (2006). *Pretsedentnoe imya kak sredstvo vyrazheniya sub'ektivnoi otsenki* = A precedent name as a means of expressing a subjective assessment: abstract of Doctorate in Philology. Moscow State Linguistic University. (In Russ.)
6. Zakharenko, I. V., Krasnykh, V. V., Gudkov, D. B., Bagayeva, D. V. (1997). A precedent name and a precedent utterance as symbols of precedent phenomena. *Language, consciousness, communication*, 1, 82–104. Moscow: Philology. (In Russ.)
7. Zakharova, A. G. (2020). *Lingvokognitivnoe modelirovanie semantiki proizvodnykh slov, obrazovannykh ot pretsedentnykh imen (na materiale angliiskogo yazyka)* = Linguocognitive modelling of the semantics of derivatives from precedent names (on the basis of the English language): abstract of Doctorate in Philology. Moscow State Linguistic University. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Захарова Анастасия Григорьевна

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка №1
Московского государственного института международных отношений (университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zakharova Anastasiya Grigorievna

PhD (Philology), Lecturer at English language Department №1
Moscow State Institute of International Relations of the Foreign Ministry of Russia

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.12.2023
22.01.2024
28.02.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Когнитивные основания классификации глаголов речевой деятельности в китайском языке

Е. А. Красикова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
krasikova.liza@mail.ru*

Аннотация. Целью статьи является исследование лексико-семантического класса глаголов речевой деятельности в китайском языке. Классификация китайских глаголов речевой коммуникации в контексте рассмотрения их когнитивных аспектов основана на комплексном анализе иероглифического знака: его графической формы, семантической структуры лексемы и ее концептуальной внутренней формы. В ходе анализа установлен набор концептов, формирующих данное смысловое пространство.

Ключевые слова: китайский язык, глаголы речевой деятельности, концепт, категоризация, классификация, иероглифический знак, семантическая структура лексемы.

Для цитирования: Красикова Е. А. Когнитивные основания классификации глаголов речевой деятельности в китайском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 59–65.

Original article

Cognitive Bases for the Classification of Speech Communication Verbs in the Chinese Language

Elizaveta A. Krasikova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
krasikova.liza@mail.ru*

Abstract. The aim of the article is to study the lexical-semantic class of verbs of speech activity in Chinese. The classification of Chinese verbs of speech communication in the context of their cognitive aspects proposed in this article, is based on a comprehensive analysis of the Chinese character: its graphic form, the semantic structure of the lexeme and its conceptual internal form. The analysis establishes a set of concepts that form this semantic space.

Keywords: Chinese language, speech communication verbs, concept, categorization, classification, Chinese character, the semantic structure of the lexeme

For citation: Krasikova, E. A. (2023). Cognitive bases for the classification of speech communication verbs in the Chinese language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(885), 59–65.

ВВЕДЕНИЕ

Глаголы говорения активно изучаются и неоднократно исследовались в различных языках, поскольку они описывают устную коммуникацию с точки зрения картины мира определенного социума, вводят прямую речь, указывая на разные типы речевых актов, и, следовательно, позволяют понять, как репрезентируются в языке все виды речевой деятельности. Цель данной статьи – выявить концептуальные основания, обеспечивающие категоризацию лексико-семантического класса (далее ЛСК) китайских глаголов речевой коммуникации. Данный пласт лексики был выбран в качестве объекта исследования, поскольку, по нашему мнению, именно в семантике глаголов говорения отражаются те когнитивные принципы, по которым в языке фиксируется знание и понимание того, как происходит коммуникативный обмен между говорящими.

МАТЕРИАЛ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Глаголы речевой деятельности (или говорения) относятся к частотной лексике в любом языке, в том числе и в китайском, а их связь с психической деятельностью человека позволяет им занимать важное место в лексической системе языка. Речевая деятельность, являясь элементом когнитивного процесса, в настоящем исследовании, вслед за Кубряковой Е. С., понимается как способ «передачи и получения информации, закодированной языковыми средствами» [Кубрякова, 1996 с. 166]. По нашему мнению, именно глаголы речевой деятельности также отражают мыслительную деятельность человека, его тип восприятия и мышления. Ранее данные лексемы уже подвергались исследованию на материале различных языков, однако в первую очередь рассматривались семантические, функциональные, исторические аспекты данного ЛСК (см., например, работа В. И. Кодухова, М. М. Бахтина Д. Н. Чумаков, А. И. Новиковой и др.)

При определении границ данного ЛСК вышеперечисленные авторы руководствовались различными методами лингвистического анализа, профилируя грамматические и семантические признаки глагола, а также предлагали субъективные критерии, положенные в основу классификации, что в определенной мере приводило к размытости границ исследуемого ЛСК.

Глаголы говорения исследовались ранее и китайскими лингвистами: Люй Вэньхуа (吕文华) и Лу Цзяньци (鲁健骥, 1993), Дэн Эньмин (邓恩明, 1996); Чжанянь (张雁, 2019).

Среди китайских авторов нет единого определения термина для данного класса лексем. Ван Ин (王莹) предлагает термин «глаголы речи» 言语动词 [王莹, 2005], Чжун Шоумань (钟守满) исследует «глаголы речевого акта» 言语行为动词 [钟守满, 2008]. Чжан Янь (张雁) в статье «Исследование глаголов речевых актов и преподавание китайского языка как иностранного / 言语行为动词研究和对外汉语教学» рассматривает глаголы речевой деятельности / 言语行为动词 в их взаимоотношении с речевыми актами в контексте преподавания китайского языка как иностранного для англоязычных студентов. По мнению автора, глаголы речевой деятельности «являются указателями для овладения речевыми актами» [张雁, 2019, с. 88].

В качестве основания для классификации глаголов говорения Чжан Янь берет их иллокутивную силу и таким образом выделяет три вида: иллокутивные глаголы (行事动词), локутивные глаголы (说话动词), звукоподражательные глаголы (拟音动词). Согласно данной классификации наиболее обширной группой являются иллокутивные глаголы, поскольку подразделяются на следующие подвиды:

- 1) асертивные глаголы 断定类 (表示 – *выражать*, 告诉 – *сообщать*, 介绍 – *знакомить*, представлять, 说明 – *объяснять*, 通知 – *информировать*, уведомлять);
- 2) директивные глаголы 指令类 (叫 – *звать*, кричать, 要求 – *требовать*, просить, 建议 – *вносить предложение*, рекомендовать);
- 3) комиссивные глаголы 承诺类 (保证 – *ручаться*, гарантировать, 答应 – *откликаться*, соглашаться, обещать);
- 4) экспрессивные глаголы 表情类 (感谢 – *благодарить*, 同意 – *соглашаться*, 安慰 – *успокаивать*, 笑话 – *смеяться*);
- 5) рогативные глаголы 疑问类 (问 – *спрашивать*).

К локутивным глаголам относятся такие, как 讲 – *рассказывать*, 说 – *говорить*, 讨论 – *обсуждать*, 发言 – *высказывать мнение*, 谈 – *беседовать*. Примерами звукоподражательных глаголов могут служить следующие: 嘀咕 – *шептаться*, шушукать-ся, 叽咕 – *злобно шипеть*.

Все вышесказанное Чжан Янь представляет в виде таблицы 1.

В отечественной синологии также предпринимались попытки исследования семантических отношений между глаголами речевой деятельности современного китайского языка, но только с точки зрения структурной семантики [Ваталева, 2016].

Однако, несмотря на исследования, посвященные анализу типологии глаголов, в частности глаголов говорения, этот пласт лексики остается малоизученным во многих языках, в том числе

и в китайском. Анализ показывает, что для продвижения преподавания китайских глаголов иностранным студентам необходимо обратить внимание на кросс-культурные сопоставительные исследования и лингвистический анализ, в особенности на межъязыковые сопоставительные семантико-этимологические исследования лексики.

Оригинальный подход к изучению классификационных оснований английских глаголов речевой деятельности предлагает Н. В. Елисеева, полагая, что «эффективным средством при решении классификационных задач и проведения последовательной систематизации глаголов говорения является изучение когнитивных аспектов их семантики и функционирования» [Елисеева, 1996, с. 9]. Опираясь на идеи Е. Г. Беляевской о том, что все значения лексемы формируют некую когнитивную общность [Беляевская, 1992], автор на материале 580 английских глагольных лексем, обозначающих акт речевой коммуникации, проводит их классификацию на основании различных концептуальных конфигураций с учетом всех значений, формирующих семантическую структуру каждой отдельной лексической единицы. В результате анализа Елисеевой были выделены 5 концептуальных областей, по которым могут быть распределены глаголы говорения в английском языке:

- 1) передача информации (*to tell, to deliver, to convey, to address, to detail, to refer*);
- 2) обмен информацией (*to colloque, to negotiate, to dispute, to discuss, to confer, to debate*);
- 3) речевое воздействие (*to order, to command, to direct, to prescribe, to instruct, to demand, to bounce, to coax, to persuade*);

4) выражение межличностных отношений (*to praise, to criticize, to approve, to joke, to blame*);

5) характеристика речи (*to tinkle, to chatter, to murmur, to breathe, to whisper, to tittle, to gasp*).

По нашему мнению, принцип, предложенный Н. В. Елисеевой, может быть применен и на материале глагольных лексем китайского языка, что и было осуществлено в рамках предпринятого нами исследования.

Глаголы в китайском языке уже становились объектом исследования в рамках когнитивной парадигмы, например А. А. Шахаева исследовала типологические черты семантики китайских глаголов направления движения 回, 上, 下, 开, 过, 起 [Шахаева, 2014] на основании подходов и методов когнитивной лингвистики. Аналогичный подход Шахаева реализует при анализе китайских глаголов с общим значением «смеяться» [Шахаева, 2022].

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

Как показало проведенное исследование, в китайском языке такие «чистые группы», которые соответствовали бы английской классификации, не выделяются. Это вызвано несколькими причинами. Во-первых, исследуя семантическую структуру китайской лексемы, следует учитывать графическую форму знака, за которой стоят определенные структуры знания о мире. В связи с этим, в китайском языке отмечается когнитивный синкретизм, т. е. в основе каждой глагольной группы могут лежать сразу несколько концептов.

Таблица 1

КЛАССИФИКАЦИЯ КИТАЙСКИХ ГЛАГОЛОВ РЕЧЕВЫХ АКТОВ 汉语 SAV 的分类¹

大 类	次 类	举 例
行事动词 (Illocutionary Verb)	断定类 (assertive)	表示 告诉 介绍 说明 通知// 报道 告 解答 指出 转告 报告 承认 解释 强调 提倡 宣布 证明 总结 说 ₃
	指令类 (directive)	叫 要求// 吩咐 建议 劝 约 指示 传 催 禁止 求 请求 邀请 招呼 ₂
	承诺类 (commissive)	//保证 答应 ₃
	表情类 (expressive)	问好 表扬 反对 感谢 谢谢 批评 同意 // 答应 ₂ , 肯定 问候 笑话 安慰 称赞 教训 骂 批判 批准 赞成 招呼 ₁ , 祝贺 说 ₂
	疑问类 (rogative)	请问 问//
说话动词 (Locutionary Verb)		会话 回答 讲 说 ₁ , 谈 讨论// 表达 补充 吵 答 答应 ₁ , 道 顶 对话 发言 复述 会谈 讲话 聊 聊天儿 描写 商量 谈话 谈判 议论 争 争论 座谈
拟音动词 (Phonically Descriptive Verb)		嘀咕 咕哝 叽咕 嘘

¹张雁. 言语行为动词研究和对外汉语教学. 国际汉语教育. 2019. 4 (2): 87–99. Чжан Янь. Исследование глаголов речевых актов и преподавание китайского языка как иностранного // Международное обучение китайскому языку. 2019. Вып. 4(2). С. 87–99.

На первом этапе анализа нами был сформирован набор графических элементов иероглифа (логограммы), или семантических морфограмм [Готлиб, 2007], входящих в графическую форму иероглифического знака в китайском языке. В данном исследовании мы будем пользоваться термином морфограмма, под которым, вслед за Готлибом О.М., мы понимаем «наименьшую значимую часть логограммы» [там же, с. 24]. В основу гипотезы нашего исследования легло предположение о том, что те графические элементы, которые обозначают соматизмы, должны служить базовым графическим маркером в иероглифических знаках глаголов речевой деятельности, поэтому для анализа нами были отобраны следующие морфограммы: 口 «рот», 讠 «речь», 舌 «язык», 欠 «недоставать, зевать, открывать рот», 才 «рука», 辶 «быстро идти». Отобранный материал китайских глаголов речевой деятельности составили только одноморфемные единицы, в графическую форму которых входят вышеуказанные элементы. Данные лексемы, представляя собой одноморфемный иероглифический знак, являются центральными единицами для формирования более широкой группы глаголов речевой деятельности, которые могут состоять из двух и более иероглифических знаков. Вступая в связь с другими иероглифическими знаками, они могут формировать новые лексические единицы. Например: 说 – *говорить*, 说明 – *объяснить*, 说道 – *вымолвить*, 说开 – *разъяснить*.

В нашем исследовательском материале наиболее обширную группу глаголов составили лексемы, в графической форме которых зафиксирован элемент *рот* 口. Как показал анализ, данная графема высвечивает такую концептуальную составляющую, как «параметризация звуковой оболочки речи», т. е. профилируются такие признаки интенсивности речи, как «тихий / громкий звук», «высокий / нижний регистр» и т. д. Например:

喊 [hǎn] – громко кричать, выкрикивать
 叽 [jī] – щебетать
 吵 [chǎo] – галдеть, скандалить
 吹 [chuī] – выговаривать
 吼 [hǒu] – рычать, реветь, гневно кричать
 呓 [yì] – разговаривать (бредить) во сне
 吟 [yín] – распевать, декламировать (стихи)
 呵 [hē] – кричать; восклицать; издавать крик (громкий звук ртом), расчищать окриком дорогу (знатному лицу)
 呱 [guā] – ква! кря! (*звукотражательное кванью, кряканью, птичьему гоготанью и т. п.*); квакать, крякать, гоготать

В ходе анализа было выявлено, что морфограмма 口 *рот* может содержать в себе не только идею части организма живого существа, но и

метафорически передавать идею отверстия или сосуда, таким образом параметризуя не только звуковую оболочку речи, но и профилируя цель, для которой производится высказывание.

В связи с этим отдельного внимания заслуживает идеограмма 告 [gào]. Как показал проведенный анализ графической формы иероглифического знака, данная лексема представляет собой логограмму (в терминологии Готлиба) с графической конфигурацией «верх – низ». В верхней части иероглифического знака расположен детерминатив 牛 – «корова, бык» в нижней части расположен детерминатив 口 *рот*. Обращение к данным лексикографическим источникам обнаруживает, что происхождение данного иероглифа разъясняется следующим образом: 动词, 用牛羊牺牲祭祀, 祝祷求福 – *приносить в жертву рогатый скот, молиться, просить свыше благословения*. Согласно словарю 象形字典, в данном случае детерминатив 口 *рот* имеет значение 祝祷 – «молиться»¹, хотя некоторые исследователи полагают, что здесь этот графический элемент обозначает контейнер, в который собиралась ритуальная кровь рогатого скота.

В современном китайском языке в словарных статьях зафиксированы следующие значения рассматриваемого глагола: 1) сообщать, уведомлять, информировать 2) обвинять, заявлять на кого-либо 3) провозглашать, извещать 4) просить, упрасивать, ходатайствовать². Таким образом, во внутренней концептуальной форме знака содержится идея апелляции к высшим силам с целью защиты или конкретной просьбы, что отражается в словарных значениях.

Следующая группа глаголов говорения объединена детерминативом 讠 «речь», который профилирует сразу несколько когнитивных моделей: «обмен информацией для какой-либо цели», «речевое воздействие», «межличностные отношения»:

论 [lùn] – *говорить, толковать, излагать; обсуждать, дискутировать; пускаться в рассуждения;*
 讥 [jī] – *клеветать;*
 讪 [xiǎng] – *спорить;*
 讪 [jié] – *укорять; обличать; разоблачать (недостатки);*
 让 [ràng] – *приказывать;*
 讨 [tǎo] – *взыскивать, требовать; выпрашивать, кланяться; попросить.*

¹张雁. 言语行为动词研究和对外汉语教学. 国际汉语教育. 2019. 4 (2): 87–99. Чжан Янь. Исследование глаголов речевых актов и преподавание китайского языка как иностранного. // Международное обучение китайскому языку. 2019 Вып. 4 (2). С. 87–99.

²象形字典. URL: <https://www.vividict.com/Public/index/page/details/details.html?rid=7732>

«действия, совершаемые рукой» «пространственные отношения», «инструмент», «движение».

Группа иероглифических знаков с детерминативом 扌 «рука» реализует идею метафорического переноса «действия, совершаемые рукой». Например:

- 托 [tuō] – ссылаться на (ПОДПИРАТЬ РУКОЙ, ПОДНОСИТЬ), ссылаться (УКАЗЫВАТЬ)
 拔 [bá] – повышать голос (РЕЗКОЕ ДЕЙСТВИЕ РУКОЙ НАВЕРХ)
 报 [bào] – доносить, объявлять, докладывать; информировать; сообщать; извещать; заявлять (ДОТЯГИВАТЬСЯ РУКОЙ)
 抒 [shū] – выражать, высказывать, излагать; изливать (ВЫЧЕРПЫВАТЬ РУКОЙ)
 举 [jǔ] – выставлять, ставить (вопрос, дело); упоминать, перечислять, излагать (пункты); вскрывать, разоблачать; изблаживать (ПОДНИМАТЬ РУКУ)
 提 [tí] – поднимать вопрос (выдвигать мнение); упоминать; переходить в разговоре к...; напоминать (УДЕРЖИВАТЬ РУКОЙ)

Метафоризация при формировании глаголов речевой деятельности с детерминативом 辶 «быстро идти» заключается в переносе действий, совершаемых человеком при ходьбе на область говорения, т. е. речевой акт воспринимается носителем китайского языка как некий маршрут с конечной целью. Например:

- 达 [dá] – выражать, передавать (ДОСТИГАТЬ, ДОХОДИТЬ)
 述 [shù] – излагать (СЛЕДОВАТЬ)
 追 [zhuī] – выяснять, расследовать (ПРЕСЛЕДОВАТЬ, ГНАТЬСЯ)

Всё вышесказанное можно представить в виде таблицы (см. табл. 2):

Интересно отметить, что в ходе анализа в исследовательском материале также оказались такие глаголы, в графической форме которых обнаружили морфограммы 舌 «язык», 耳 «ухо», 示 «алтарь», однако поскольку выявленные глаголы представляли собой единичные случаи, то они не подвергались дальнейшему анализу в рамках настоящего исследования.

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование когнитивных оснований классификации глаголов речевой деятельности в современном китайском языке дало возможность подойти с новой точки зрения к решению проблемы

уточнения границ данного класса и систематизации входящих в него единиц. В ходе анализа были сделаны следующие выводы:

- 1) исследование когнитивных оснований классификации глаголов речевой деятельности позволило установить набор концептов, формирующих смысловое пространство говорения в китайском языке: «параметризация звуковой оболочки», «обмен информацией для какой-либо цели», «речевое воздействие», «физические действия при говорении, связанные с дыханием», «внутреннее / внешнее», «межличностные отношения», «действия, совершаемые рукой», «пространственные отношения», «инструмент», «движение» «маршрут». Как видно, некоторые из них пересекаются с концептуальными основаниями в английском языке, однако для китайского языка характерно соединение данных концептуальных оснований в семантике одной лексемы в силу сложной графической структуры знака, которая может состоять сразу из нескольких детерминативов, влияющих на когнитивную модель лексемы (например, 喧 – громко разговаривать; в графической форме знака одновременно присутствуют детерминативы 口 и 宣);
- 2) в китайском языке выявленные концепты, значимые для категоризации глаголов речевой коммуникации, напрямую зависят от тех графических элементов, которые входят в состав иероглифического знака, т. е. детерминатив в китайском языке, по сути, задает классификационные основания определенной группы лексем;
- 3) все проанализированные детерминативы являются соматизмами, а те детерминативы, которые обозначают части тела, не участвующие в процессе говорения, обладают метафорическим потенциалом при формировании семантики говорения.

Подводя итоги проведенному анализу, необходимо отметить продуктивность когнитивного подхода к анализу семантики глаголов говорения в китайском языке, которые должны рассматриваться не только с позиций структурной семантики, но и в совокупности с макро- и микрокогнитивными параметрами, выявление которых оказывает значительное влияние на понимание мыслительной деятельности носителей китайского языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Л. Г. Лузина, Ю. Г. Панкрац; под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Издательство Московского государственного университета, 1996.

2. Елисева Н. В. Когнитивные аспекты семантики и функционирования английских глаголов речевой коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
3. Беляевская Е. Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (Когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1991.
4. Шахаева А. А. Типология глаголов направления движения в разноструктурных языках (на материале бурятского и китайского языков): специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2014.
5. Шахаева А. А. Смеяться бровями, или Яркая палитра глаголов смеха в китайском языке // Вокруг смеха за шесть языков. Москва : Триумф, 2022.
6. 王莹. 现代汉语言语动词研究. 南开语言学刊. 2005(2): 76–82 = Ван Ин. Исследование глаголов речевой деятельности в современном китайском языке // Нанькайский лингвистический научный журнал. 2005. Вып. 2. С. 76–82.
7. 钟守满. 言语行为动词释义及其相关研究. 外语教学2008(5): 13–17 = Чжун Шоумань. Сопоставительное исследование глаголов речевых актов // Обучение иностранным языкам (Ханчжоу). 2008. Вып. 5. С. 13–17
8. 张雁. 言语行为动词研究和对外汉语教学. 国际汉语教育. 2019. 4 (2): 87–99. Чжан Янь. Исследование глаголов речевых актов и преподавание китайского языка как иностранного // Международное обучение китайскому языку. 2019. Вып. 4 (2). С. 87–99.
9. Ваталева Н.В. Моделирование лексико-семантического поля глаголов речевой деятельности современного китайского языка. Специальность 10.02.22 «Языки народов зарубежных стран»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.
10. Готлиб О.М. Основы грамматики китайской письменности. М.: АСТ Восток-Запад, 2007.

REFERENCES

1. Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Luzina, L. G., Pankratz, Y. G. (1996). A Brief Dictionary of Cognitive Terms. Under the general editorship of E. S. Kubryakova. Moscow: Moscow State University Publishing House. (In Russ.)
2. Eliseeva, N. V. (1996). Cognitive aspects of semantics and functioning of English verbs of speech communication. Dissertation of Candidate of Philological Sciences. Moscow. (In Russ.)
3. Belyaevskaya, E. G. (1991). Semanticheskaja struktura slova v nominativnom i kommunikativnom aspektah (Kognitivnye osnovanija formirovanija i funkcionirovanija semanticheskoi struktury slova) = Semantic structure of a word in nominative and communicative aspects (cognitive bases of formation and functioning of the semantic structure of a word): Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)
4. Shakhayeva, A. A. (2014). Tipologija glagolov napravlenija dvizhenija v raznostrukturnyh jazykah (na materiale burjatskogo i kitajskogo jazykov) = Typology of verbs of the direction of movement in differently structured languages (on the material of Buryat and Chinese languages): speciality 10.02.19 “Language Theory”: abstract of PhD in Philology. Ulan-Ude. (In Russ.)
5. Shakhayeva, A. A. (2022) Laughing with eyebrows, or a bright palette of laughter verbs in the Chinese language. In Vokrug laughter for six languages (pp. 173–204). Moscow: Triumph.
6. 王莹. (2005) 现代汉语言语动词研究. 南开语言学刊. (2): 76–82. Vanin. A study of verbs of speech activity in modern Chinese. Nankai linguistic scientific journal, 2, 76–82.
7. 钟守满. (2008). 言语行为动词释义及其相关研究. 外语教学. (5): 13–17. Zhong Shouman. A comparative study of speech act verbs. Foreign Language Teaching (Hangzhou), 5.
8. 张雁. (2019) 言语行为动词研究和对外汉语教学. 国际汉语教育. 4(2): 87–99. Zhanyan. Research on speech act verbs and teaching Chinese as a foreign language. International Chinese language teaching, 4(2), 87–99.
9. Vatalova, N. V. (2016). Modelling of the lexico-semantic field of verbs of speech activity of the modern Chinese language. Speciality 10.02.22 “Languages of peoples of foreign countries”: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
10. Gotlib, O.M. (2007). Osnovy grammatologii kitajskoj pis'mennosti = Fundamentals of grammar of Chinese writing. Moscow: AST Vostok-West. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Красикова Елизавета Александровна

кандидат филологических наук
доцент кафедры подготовки преподавателей редких языков
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Krasikova Elizaveta Aleksandrovna

PhD (Philology)
Associate Professor of the Department of Rare Languages teaching Methodology
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	18.12.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	22.01.2024	approved after reviewing
принята к публикации	28.02.2024	accepted for publication

Некоторые энтомологические образы в португальской поэзии: традиция и новаторство

М. В. Кутьева¹, В. А. Махортова²

¹Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия

²Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹marku2006@yandex.ru,

²varvara2504@mail.ru

Аннотация. На материале творчества ведущих португальских поэтов XVII–XX веков в статье проанализированы метафорические значения лексем: *mosca* / муха, *mosquito* / комар, *grilo* / сверчок, *caruncho* / жук, *piolho* / вошь, *pirilampo* / светлячок, *louvadeus* / богомол, *aranha* / паук. Выявлен богатый семантико-ассоциативный потенциал энтомонимов в семантическом поле сущностных характеристик человека и некоторых абстракций (обыденность, поэзия, судьба). Используются методы герменевтического, контекстуального анализа и элементы лингвокультурологического описания.

Ключевые слова: португальская поэзия, энтомоним, традиция, новаторство, метафора, символика

Для цитирования: Кутьева М. В., Махортова В. А. Некоторые энтомологические образы в португальской поэзии: традиция и новаторство // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 66–74.

Original article

Entomological Images in Portuguese Poetry: Tradition and Innovation

Marina V. Kutyeva¹, Varvara A. Makhortova²

¹Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹marku2006@yandex.ru,

²varvara2504@mail.ru

Abstract. Based on the material of poems by leading Portuguese poets (XVII-XX centuries), the paper examines the following lexemes' metaphorical meanings: *mosca* / fly, *mosquito* / mosquito, *grilo* / cricket, *caruncho* / beetle, *piolho* / louse, *pirilampo* / firefly, *louvadeus* / mantis, *aranha* / spider. The ethnonyms' rich semantic-associative potential referring to human essential qualities and some abstractions (routine, poetry, fate) is revealed. The methods of hermeneutical, contextual analysis and elements of linguistic and cultural description have been applied.

Keywords: Portuguese poetry, entomonym, tradition, innovation, metaphor, symbolism

For citation: Kutyeva, M. V., Makhortova, V. A. (2024). Entomological images in Portuguese poetry: tradition and innovation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(885), 66–74.

ВВЕДЕНИЕ

Класс насекомых поражает многочисленностью и разнообразием. По разным оценкам в мире насчитывается от 5 до 10 миллионов видов насекомых¹. Из них около 30 тысяч обитают в Португалии². Опыт наблюдения за насекомыми в повседневной жизни находит отражение во всех языках, в том числе в португальском. Так, например, если португалец подозревает неладное, он говорит: *Estou com a pulga atrás da orelha / У меня блоха за ухом*³. Оказавшись в трудном положении и не находя решения, жалуется: *Ando às aranhas* (букв. 'хожу как пауки', т. е. в сетях, в переплетении тонких, ненадежных нитей). Лексема *aranhiço* (паучок) указывает на слабого человека. Того, кто сбит с толку, назовут *barata tonta / таракан, у которого кружится голова* (глупый таракан). К заброшенному и никому не нужному индивидууму или делу применим оборот *entregue às baratas / отданный (сдавшийся) тараканам*. О пассивной, апатичной личности или о коварном притворщике, безобидном с виду, но замышляющем недоброе, скажут, что он – *mosca-morta* (букв. 'мертвая муха').

Энтомологических образов немало и в народном творчестве. Португальским детям хорошо знакома сказка об изобретательном бедняке «João Grilo» (о Жоау Сверчке) [Neto, 2013; Brun, 2008], а также песенка о нем (*Grilo grilinho, sai do buraquinho! / Сверчок-сверчок, покажись из норки!*) и стишок о божьей коровке Жуанинье. По-португальски *joaninha* – и божья коровка, и (при написании с заглавной буквы) уменьшительно-ласкательная форма женского имени Жуана. Этот стишок существует во множестве вариантов и похож на русский:

Божья коровка,
Полети на небо,
Принеси нам хлеба,
Черного и белого,
Только не горелого!

Энтономимы в функции когнитивной проекции на человека «обладают национальной спецификой, отражают менталитет народа и его глубинное понимание связей и отношений» [Белевцова, 2019, с. 32], развивая «этноспецифические переносные значения» [Дзюба, 2015, с. 24].

¹Super interessante. 04.07.2018. URL: <https://super.abril.com.br/mundo-estranho/quantas-especies-de-insetos-existem-no-mundo>

²Diário de notícias. 09.03.2019. URL: <https://www.dn.pt/vida-e-futuro/biodiversidade-portugal-faz-primeira-lista-vermelha-dos-invertebrados--10659515.html>

³Примеры приведены по: Dicionário Priberam da Língua Portuguesa. URL: <https://dicionario.priberam.org/>

С. Стефанова сравнивает поведение насекомых со стратегиями колонизаторов, выделяя объединяющие их основания: вторжение, паразитизм и обязательность болезненных метаморфоз [Stefanova, 2022].

В. Мусси отмечает, что энтономимы «специализируются» в основном на негативных свойствах и эмоциях людей: «назойливость, докучливость, мелочность, ничтожность, раздражительность, злоба, легкомыслие, паразитизм, обжорство, жадность» [Мусси, 2021, с. 51].

Мы предполагаем, что поэзия не приемлет однозначно отрицательной трактовки энтономимов и наделяет их аксиологической амбивалентностью.

В поэтическом контексте, где сочетаются традиция, авторская креативность и новаторство, образы насекомых получают наиболее насыщенную и многомерную реализацию. Цель нашей работы – продемонстрировать особенности энтомологических образов, представленных в португальской поэзии XVII–XX веков, выявить их функциональную специфику в поэтическом пространстве португальской лингвокультуры. Материалом служат избранные стихотворения крупнейших поэтов Португалии.

ПОРТУГАЛЬСКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ИНСЕКТАРИЙ

Большинство насекомых воспринимаются человеком с досадой. Эти докучливые существа снижали себе славу злостных вредителей растений и виновников распространения опасных заболеваний. «Эх, лето красное! Любил бы я тебя, когда б не пыль да зной, не комары да мухи!» – сетовал А. С. Пушкин. Комары да мухи не остались без внимания и в португальской поэзии. Несмотря на назойливость, они и подобные им разносчики заразы, как ни странно, становятся объектом поэтического осмысления. В частности, еще в XVII веке религиозный деятель, историк и поэт Жасинту Фрейре де Андраде (1597–1657), обладавший изрядным чувством юмора, посвятил одну из поэм комару: укус его он уподобил ране от стрелы Купидона. Поэма написана в стиле восхвалений (elogios) [Carvalho, 2007] и вторит античному автору Лукиану Самосатскому, написавшему на древнегреческом языке парадоксальный энкомий «Похвала мухам», где он вспоминает сравнение Гомера: «доблесть» (!) героя – сродни дерзновенности мухи, бесстрашно атакующей более сильных противников». Вот и комара ироничный монах-стихотворец Фрейре де Андраде назвал непобедимым – *invencível*, отметив среди его достоинств способность *passar a mais ferir, sem ser*

*sentido*¹ – *пробратъся и ранить неощутимо*². Пусть и с ухмылкой, поэт всё же восхищается столь крохотным и ловким творением Бога:

...de suprema ideia,
Sutil debuxo, amostra primorosa! [там же] –

...высшей идеи
Утонченное воплощение, изысканный образец!

Комар обладает энергетической мощью: ведь людей, таких огромных и сильных, полностью выводит из себя его тщедушный писк:

Para desinquietar
Vosso rigor severo, e infinito
Basta só o somido de um mosquito –

Чтобы нарушить ваше величие,
Строгое и бесконечное,
Достаточно и писка комара.

Впрочем, в португальской поэзии XVII–XVIII столетий подобные примеры, по нашим наблюдениям, довольно редки. Их частотность возрастает в XIX веке, когда образы насекомых, приносящих вред или докучающих человеку, встраиваются в контексты реалистических или натуралистических описаний. У Сезариу Верде, уделявшего огромное внимание зрительной составляющей (визуализации) [Salgado, 2012], это неприглядные детали провинциальной жизни, указывающие на социальное неравенство:

Provincianas

Ao meio dia na cama,
Branca fidalga o que julga
Das pequenas da suama?!
Vivem minadas da pulga,
Negras do tempo e da lama³. –

Провинциалки

В полдень, лежа в постели,
Что думает беленькая дворянка
О дочерях кормилицы?!
Живут, искусанные блохами,
Черны от времени и грязи.

У Гонсалвиша Крешпу (1846–1883), который родился в Бразилии, но с 14 лет жил в Португалии,

мы находим изображение южноамериканской фазенды:

Na aldeia

Duas horas da tarde. Um sol ardente
Nos colmos dardejando, e nos eirados.
<...>

Zumbem à porta insectos variegados,
Envolvidos do sol na luz trememente⁴. –

В поселке

Два пополудни. Жжет неимоверно
Тяжелая и душная жара.
<...>

Жужжит в дверном проеме мошкара –
В подобный час всему живому скверно⁵.

С грязью и нищетой традиционно связана муха. Поэт-неореалист начала XX века Алвару Фейжо [Henriques, 2010], создавая портрет деревенского мальчика в элегии «Claro – escuro» / «Светлое – темное», подчеркивает его неопрятность и тяжесть крестьянского труда:

O menino amoldava a sujice dos bois e a terra do caminho.
Moscas verdes rodeavam as mãos carnudas e papudas do menino [цит. по: Henriques, 2010, с. 127]. –

Мальчик смешивал навоз и придорожную глину.
Зеленые мухи вились над его мясистыми распухшими руками.

Зеленые мухи максимально обостряют гнетущее впечатление от этой антипасторали.

Именно в XX веке образы вредных насекомых обогащаются новыми смыслами. Так, вездесущая муха играет главную роль в шутовском стихотворении А. О'Нейла «Duas Moscas ou a Mesma?» – «Две мухи или одна и та же?»

Duas Moscas ou a Mesma?

– Onde já vi esta mosca?
– Mas em toda a parte, filha, desde o bolo de noivado à minha tépida v'rilha!

2
Eis a mosca popular
aferroada aos miúdos,
avioneta escolar
para fugir aos estudos!⁶ –

¹Escritas. URL: <https://www.escritas.org/pt/t/>

²Здесь и далее подстрочный перевод наш. – М. К., В. М., если не указано иначе.

³Верде С. Поэзия / Poesia. Лиссабон: Эл Эдисойш, 2022. С. 267.

⁴Citador. Citações e frases. URL: <https://www.citador.pt/>

⁵Перевод Е. Витковского. В кн.: Лузитанская лира: стихи. М.: Художественная литература, 1986.

⁶Alexandre O'Neill. URL: <https://alexandreoneill.bnportugal.gov.pt/duas-moscas-ou-a-mesma/>

Две мухи или это одна и та же?

- Где я видала эту муху?
- Повсюду, дочка, от свадебного торта до места, что под брюхом!

2

Вот она – народная муха
Привязанная к детям,
Это школьный самолетик,
чтоб сбежать с уроков!

Помимо интерпретации мухи как неотъемлемой и неприятной части быта, в другом стихотворении О'Нейл называет ее женским именем и придает ей антропоморфные черты, опираясь на символику этого одиозного насекомого как знака зла и морального разложения [Тресиддер, 1999], а в древних культурах – опасности и даже смерти¹.

«Albertina» ou «O Insecto-Insulto» ou «O Quotidiano Recebido como Mosca»

– Albertina!, deixa-me em paz, consente
Que eu falhe neste papel tão branco e insolente
Onde belo e ausente um verso eu sei que está!
– Albertina!, eu quero um verso que não há!...
Conjugal, provocante, moreno e azulado,
O insecto levanta, revolteia, desce
E, em lugar do verso que não aparece,
No papel se demora como um insulto alado.
E o poeta sai de chofre, por uns tempos desalmado². –

«Альбертина», или «Плевков-насекомое», или «Повседневность, представшая в образе мухи»

Ах, Альбертина, оставь меня в покое!
И так томлюсь я нерожденною строкою.
Я, Альбертина, музою задет
И лишь стихов хочу, стихов, которых нет.
Но муха жирная – вся похоть и каприз –
его ревнует к чистоте невинных строчек.
И вот, взметнувшись, над бумагою повис
и на нее упал крылатенький плевочек.
Поэт вскипел, поэт вздохнул и скис³.

В оппозиции к порочности мухи Альбертины предстает образ музы, окруженный ореолом чистоты.

Зооморфную метафорическую проекцию «человек – носитель отрицательных качеств – это вредное насекомое», актуализированную О'Нейлом, использует и Жозе Сарамаго (1922–2010). В стихотворении «Inquiridores» / «Соглядатаи»

он уподобляет людей, вмешивающихся в чужую жизнь, ненасытным вшам:

Está o mundo coberto de piolhos:
Não há palmo de terra onde não suguem,
Não há segredo de alma que não espreitem
Nem sonho que não mordam e pervertam.
<...>
E todos se encarniçam, comem todos,
Concertados, vorazes, no seu tento
De deixar, como restos de banquete,
No deserto da terra ossos esburgados⁴. –

Повсюду вши, земля покрыта ими,
нигде от их укусов не укрыться,
они любую тайну уследят,
от их зубов нет спасу и во сне.
<...>

Но все они похожи в своей злобе,
в своей прожорливости неумейной, –
так после пира пышного лишь кости
обглоданные усыпают двор⁵.

Метафора Сарамаго – основа всего стихотворения – в русском переводе обогащается: заключительные строки соотносятся с оборотом «перемывать кости». Это усиливает негативную окраску образа, созданного поэтом и мастерски переданного переводчиком. Кроме того, объективно слабые и ничтожные вошки в поэтической строфе парадоксально преображаются и обретают не свойственные им силу и власть над людьми.

В иной контекст Сарамаго вписывает образ жука-точильщика:

O ciclo

Abre o caruncho a rede, o labirinto
De escuras galerías que enfraquecem
A rijeza do cerne resinoso.
Toda a madeira passa nas mandíbulas
Dos insectos roazes, se converte
Em dejectos de pó, remastigados.
Tronco vivo que foi, agora morto,
Tornará o barrote à insondável
Matriz de que outra árvore se alimenta⁶.

Цикл

Жуки-точильщики, проникнув под кору,
Прокладывают длинные ходы,
Сплетенные, как будто лабиринт.
И мерные движения их жвал
Дробят, крушат и рушат древесину,

¹URL: <https://www.supersummary.com/the-fly-shapiro/symbols-and-motifs/>

²Escritas. URL: <https://www.escritas.org/pt/t/>

³Пер. М. Самаева в кн.: Современная португальская поэзия. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 202–203.

⁴Saramago J. Poesia completa. Lisboa: Assírio & Alvim, 2022. P. 76.

⁵Перевод П. Грушко в: Иностранная литература. 2015. № 7. С. 124.

⁶Saramago J. Poesia completa. Lisboa: Assírio & Alvim, 2022. P. 52.

Всё, что останется, – труха.
И ствол, когда-то к небу устремленный,
Истлеет, став землей, но из нее
Проклянутся зеленые ростки¹.

Разрушенная жуками-вредителями древесина становится питательной средой для прорастающих из земли ростков, символизирующих возрождение. Избегая оценочности, мудрый поэт рассматривает разрушение и созидание, жизнь и смерть как диалектически дополняющие друг друга стороны бытия.

В необычной роли выступает и сверчок, попав в контекст стихотворения Наталия Коррейи (1923–1993), посвященного поэтическому искусству:

О роета

O роета não é o canto
que do grilo para a rosa cresce.
O роета é o grilo é a rosa
e é aquilo que cresce². –

Стихотворение

Стихотворение – это не песнь,
что от сверчка навстречу розе вырастает,
Стихотворение – это сверчок, это роза,
и это то, что прорастает.

Иными словами, поэзия – это не только и не столько красота созвучий, но целый мир, подвижный и переменчивый, отраженный и преображенный творческим сознанием поэта.

Изысканностью сверчка шуточно восхищается Алешандре О'Нейл:

Tem muito estilo o grilo! <...> Quanto quilo de alfaca <...> não comeu já o grilo para ter tanto estilo!³ –
И какой же стильный этот сверчок! Сколько же зеленого салата съел сверчок, чтобы обрести свой неповторимый стиль!

Не менее оригинально и обращение поэтессы и переводчицы Фиамы Ассе Пайш Брандан (1938–2007) к редкому в поэзии образу богомола.

Natureza morta com louvadeus

...As asas magníficas haviam-lhe sido quebradas
por algum vento. Perdera o rumo
sobre a película cintilante de água
no riacho parado. Tal como poisou
junto de nós, com o belo corpo magro

¹Пер. В. Махортовой. В кн.: Иностранная литература. 2023. №1. С. 236.

²Citador. Citações e frases. URL: <https://www.citador.pt/>

³<https://alexandreoneill.bnportugal.gov.pt/o-grilo/>

arquejante, lembrava, ainda segundo o seu nome,
um santo mártir. Enquanto meditávamos, a morte
sobrevio

<...>

...Alguém pegou
no volúvel alado corpo morto
abandonado sem nexa na brancura da toalha – que
maculava – e o atirou para qualquer arbusto raro
que o poeta ainda pôde fotografar⁴. –

Натюрморт с богомол

...Изысканные крылышки ему сломало ветром.
Сбился он с дороги над радужною плёнкою воды
стоячего ручья. Сел рядом с нами бедняга –
и, созвучно своему названию, святого страстотерпца
напоминал.

Пока мы размышляли, он умер

<...>

...Кто-то взял за крылышки распластанное тельце,
что на крахмальной скатерти лежало
и пачкало ее – и зашвырнул
В какой-то куст невиданный, который
поэт сфотографировать успел⁵.

Пайш Брандан делает акцент на этимологии слова *louvadeus*. Аналогично русскому энтомониму *богомол*, оно складывается из двух основ: *louva* (от *louvar* – *славить, восхвалять*) и *deus* – *бог*⁶. Благодаря этому возникает образ праведника, который гибнет в несовершенном мире. Смерть его не вызывает сочувствия ни у кого, кроме поэта. Так Пайш Брандан подчеркивает жестокость действительности. И всё же в жизни остается место красоте и чуду. Об этом поэтесса напоминает читателям в стихотворении «Na noite» / «Ночью». Сияние множества светлячков в ночи зачаровывает лирическую героиню. Даже став взрослой, в нем она видит нечто волшебное.

Neste jardim que rodeia, como esfera, a casa;
no lugar negro que envolve o interior do espaço,
eu hoje posso comparar os pirlâmpas difusos
aos novos planetas de mil galáxias novas.
No entanto, outrora quando eu era a criança
que saía, na noite, para ver as formas negras
entre ruídos e os pequenos luzeiros,
aqui e além acesos e logo apagados,
eu já pensava no astros, ao persegui-los⁷. –

⁴URL: <https://www.lusofoniapoetica.com/portugal/fiama-pais-brandao/natureza-morta-com-louvadeus>

⁵Оригинал и перевод А. Родосского приведены по книге: Современная португальская поэзия. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 168–169.

⁶Dicionário Priberam. URL: <https://dicionario.priberam.org/>

⁷Современная португальская поэзия. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 170.

В этом саду, который, словно сфера, окружает дом,
в темноте,
вмещающей в себя нутро пространства,
сегодня я могу сравнить мерцающих светлячков
с новыми планетами тысячи новых галактик.
Однако в прежние времена, когда я была ребенком
и ночью выходила из дома, чтобы увидеть черные
контуры предметов
среди шорохов и маленьких огоньков,
тут и там заживавшихся и гаснувших,
я уже думала о звездах и стремилась к ним.

С размышлениями о жизненном пути и перипетиях судьбы связан и образ паука. Хотя паук не принадлежит к классу насекомых, он примыкает к ним как в обыденной, так и в поэтической картине мира. Его символика отличается древностью и парадоксальностью, по-разному преломляясь в португальской поэзии.

Паук – энтомологическая диковинка. Поразительно, что из своего тела он вытягивает нить, сплетает прочное кружево, спасающее мир от полчищ вышеупомянутых мух и комаров, а также вырабатывает парализующий их яд. Этим объясняется противоречивость паучьей символики, указывающей и на коварство, и на удачу [Тресиддер, 1999].

В европейской литературе паук обычно выступал символом жестокости и предательства [Amaral, Martelo, 2006]. Однако в XX веке сети паука привлекли внимание поэта-философа Ф. Пессоа, который дает им абстрактную, эсхатологическую трактовку.

A aranha do meu destino

Faz teias de eu não pensar.
Não soube o que era em menino,
Sou adulto sem o achar.
É que a teia, de espalhada
Aranhou-me o querer ir...
Sou uma vida baloiçada
Na consciência de existir
A aranha da minha sorte
Faz teia de muro a muro...
Sou presa do meu suporte¹.

Паук моей судьбы

Плетёт сети, о нём я не подозревал,
Ребёнком я судьбы своей не знал,
И взрослый, не нашел её.
Разрослась паутина,
Стянула намертво желание идти...
Я – это жизнь, подвешенная в нитях
Осознания: я есть.
Паук моей удачи
Плетет сети от стены к стене...

¹Arquivo Pessoa. URL: <http://arquivopessoa.net>

Я пленник опоры своей.

У Пессоа паук – знак, как видим, двойственный. Но двойственность его отличается оригинальностью. С одной стороны, прочные сети паука создают чувство защищенности, но с другой – они сковывают свободу воли, а возможно, и самовыражения. Напрашивается параллель с людьми, которые, борясь за удобства, становятся их рабами, легко манипулируемыми куклами. С этой точки зрения вся цивилизация – своеобразная паутина: она комфортна, но может восприниматься как оковы.

В стихотворении Карлуша Кейроша (1907–1949) – литератора, близко знакомого с Фернанду Пессоа, – нити паука простираются сквозь время, связывая прошлое, настоящее и будущее. С самим пауком, зависшим над землей, поэт сравнивает свои мысли.

Aranha

À sombra dum cedro imenso
Eis-me a sentir e a pensar;
Mas o que sinto não penso
E o que penso está suspenso
Como uma aranha no ar
No ar balouça, fremente,
Num débil fio invisível
Dessa teia intermitente
Que liga o passado ingente
Ao presente irreversível². –

Паук

В тени огромного кедра
Я полон ощущений и мыслей;
Но о том, что ощущаю, я не думаю,
А то, что думаю, подвешено,
Как в воздухе паук.
В воздухе он качается, дрожит,
На слабой невидимой нити
Прерывистой паутины,
Которая соединяет огромное прошлое
С необратимым настоящим.

Медитативной тональностью эти строфы переключаются с творчеством Пессоа. Это стихотворение представляет собой погружение в глубины размышлений: то, что думаю, подвешено на тонкой нити, как паук. Она невидима, но всё же связывает прошлое и настоящее. Паук ассоциируется со всеобщей сопряженностью явлений и событий, навевая мысли о перетекании прошлых эпох в день сегодняшний и завтрашний. О тонкости этих связей в поэме «Solidão» / «Одиночество» писал поэт-романтик XIX века Алмейда Гаррет (1799–1854):

²Escritas URL: <https://www.escritas.org/pt/t/>

Eu vivo no futuro por uma esperança mais tênue que o fio da aranha; existo no passado porque ainda se me não foi o amargor dos tragos que bebi. O presente está no meio, como o ponto no centro do círculo; mas a sua existência é quimera¹. – Я живу в будущем надеждой тоньше паутинной нити; существую в прошлом, потому что горечь испитого мною не ушла; настоящее находится посередине, как точка в центре круга; но его существование – химера.

В этих строках слышится отголосок столь характерного для португальской культуры чувства *saudades*, которое объединяет в себе печаль о прошлом и надежду на счастливое будущее. Надежда эта хрупка и подобна почти неразличимому волосу паутины. Паук, таким образом, – ткач, сплетающий и время, и судьбу.

На глубокие размышления наталкивает паук и Казимиру де Бриту (р.1938). В его лаконичном стихотворении мотив искусства, сопровождающий образ паука со времен мифа об Арахне (а ведь от ее имени и произошло португальское слово *aranha* / *паук*), восходит к восточной философии.

Na via do mestre. Uma viagem com Lao Zi

Flexíveis são as aranhas
Que tecem a partitura
Do enigma inicial. Arte
Antiquíssima – tal a do vento
Esculpindo a pedra; arte efêmera
Como os terraços da espuma;
Tão próximos do nada².

По пути учителя. Путешествие с Лао Дзы

Гибок паук,
Что плетет партитуру
Изначальной загадки. Искусство
Древнейшее – как игра ветра,
Что камень точит, искусство хрупкое,
Как пена волн,
Столь близкая к небытию.

Паук предстает как творец, воплощение все-ленского замысла, воспроизводящий геометрию универсума, создающий свою нить из пустоты. Это и жрец искусства – высшей творческой энергии,

¹Citador. Citações e frases. URL: <https://www.citador.pt/>

²Современная португальская поэзия. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 148.

проявляющейся повсюду в природе и в жизни. С пауком-ткачем можно сравнить и поэта, порождающего *текст* (*texto* / *текст*, *textile* / *текстиль* и *tecer* / *ткать* – слова однокоренные) – словесную *ткань*, ассоциативную *сеть*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы рассмотрели избранные произведения португальской поэзии, в которых существенную роль играют образы следующих насекомых: комара, мухи, сверчка, богомола, светлячка, жука и – условно причисляемого нами к насекомым – паука. Их авторская трактовка в пространстве лирической строфы опирается на мировые традиции, но зачастую подает их в неожиданном ракурсе, наделяя этих объективно назойливых и малопривлекательных существ оригинальными и положительными коннотациями.

Анализ материала позволяет констатировать: метафорика лексем, номинирующих насекомых, носит антропоморфный характер: в поэтическом дискурсе энтонимы становятся носителями черт, присущих человеку. Вот некоторые выявленные нами параллели:

- богомол – мученик; мученичество
- комар – проныра; шпионаж
- муха – приземленная и порочная женщина; обыденность
- жук-точильщик – разрушитель; разрушение
- паук – создатель, творец; творчество.

Примечательно, что эти ассоциативные соответствия взяты из наблюдений не над внешним видом насекомых, а над их поведением. Некоторые из энтонимов сразу ведут себя в лирике португальских поэтов как аллегория абстрактных смыслов: сверчок – поэзии, а светлячок – волшебства. Многие из этих переносных значений являются новаторскими, авторскими и, на данный момент – окказиональными. Возможно, именно они будут способствовать консолидации концептуального своеобразия португальской поэзии и трансформации языковой картины мира.

За рамками данной статьи оказались такие яркие энтомологические образы, как муравей и стрекоза (цикада), бабочка и пчела. Им мы посвятим отдельные исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Neto J. E. Do N. João Grilo: pícaro do Nordeste, justiceiro do Sertão // *Nau Literária*. 2013. No 9(2). doi.org/10.22456/1981-4526.43373.

2. Brun A. A. João Grilo, o desmilingüido: a esperança no imaginário do oprimido // *Travessias, Cascavel*. 2008. V. 2. No 1. P. e2876. URL: <https://e-revista.unioeste.br/index.php/travessias/article/view/2876>.
3. Белевцова Т. Б. Энтомологическая метафора как средство концептуализации внутреннего мира человека // *Филология и культура [Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета]*. 2019. №3 (57). С. 32–37.
4. Дзюба Е. В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2015.
5. Stefanova S. The Insect Metaphor: Intrusion, Parasitism, and Transformation in Namwali Serpell's *The Old Drift*. *Research in African Literatures*. 2022. V. 53. No 3. P. 65–81. doi.org/10.2979/ral.2022.a900034.
6. Мусси В. Русские и итальянские энтомологические метафоры в сопоставлении с зооморфными: отличительные черты // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 419. С.45–53.
7. Carvalho M. S. F. de. *De Poesia de Agudeza em Portugal*. São Paulo: Humanitas Editorial, 2007.
8. Salgado M. R. T. S. Entre o olhar e o dizer: palavra e imagem nas obras de Mario Cesariny e Alexandre O'Neill // *Abril – NEPA / UFF*. 2012. No 5(9). P. 110-130. doi.org/10.22409/abriluff.v5i9.29705. (In Portuguese).
9. Henriques J. L. *A poesia no neo-realismo português. Primeiras manifestações e “Novo Cancioneiro”*. Tese de Doutoramento em Estudos de Literatura e de Cultura. Lisboa. 2010.
10. Тресиддер Д. *Словарь символов*. М.: Гранд: ФАИР-Пресс, 1999.
11. Amaral A. L., Martelo R. M. *Aranhas e musas: representações de poeta, subjectividades e identidades na poesia* // *Cadernos de Literatura Comparada*. 2006. Vol. 2. No 14/15. P. 31–63.

REFERENCES

1. Neto, J. E. Do N. (2013). João Grilo: pícaro do Nordeste, justiceiro do Sertão. *Nau Literária*, 9 (2). doi.org/10.22456/1981-4526.43373. <https://seer.ufrgs.br/index.php/NauLiteraria/article/view/43373>.
2. Brun, A. A. (2008). João Grilo, o desmilingüido: a esperança no imaginário do oprimido = João Grilo, the weakened: the hope in the imaginary of the oppressed. *Travessias, Cascavel*, 2(1), e2876. <https://e-revista.unioeste.br/index.php/travessias/article/view/2876>.
3. Belevtsova, T. B. (2019). Entomological metaphors as a means of conceptualization of the human internal world. *Philology and Culture [The Bulletin of Tatar State Humanitarian Pedagogical University]*, 3(57), 32–37. (In Russ.).
4. Dzyuba, E. V. (2015). *Lingvokognitivnaya kategorizaciya v russkom yazykovom soznanii = Linguocognitive categorization in Russian language consciousness*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.)
5. Stefanova, S. (2022). The Insect Metaphor: Intrusion, Parasitism, and Transformation in Namwali Serpell's *The Old Drift*. *Research in African Literatures*, 53(3), 65–81. doi.org/10.2979/ral.2022.a900034.
6. Mussi, V. (2017). Russian and Italian entomological metaphors in comparison with zoomorphic metaphors: their distinctive features. *Tomsk State University Journal*, 419, 45–53. (In Russ.)
7. Carvalho, M. S. F. de. (2007). *De Poesia de Agudeza em Portugal = About Poetry of Acuteness in Portugal*. São Paulo: Humanitas Editorial.
8. Salgado, M. R. T. S. (2012). Entre o olhar e o dizer: palavra e imagem nas obras de Mario Cesariny e Alexandre O'Neill = Between looking and saying: word and image in the works of Mario Cesariny and Alexandre O'Neill. *Abril – NEPA / UFF*, 5(9), 110–130. doi.org/10.22409/abriluff.v5i9.29705.
9. Henriques, J. L. (2010). *A poesia no neo-realismo português. Primeiras manifestações e “Novo Cancioneiro” = Poetry in Portuguese neo-realism. First manifestations and “New Songbook”*: PhD in literature and culture. Lisboa.
10. Tresidder, D. (1999). *Slovar' simvolov = Dictionary of Symbols*. Moscow: Grand: FAIR-Press. (In Russ.).
11. Amaral, A. L., Martelo, R. M. (2006). *Aranhas e musas: representações de poeta, subjectividades e identidades na poesia = Spiders and muses: poet representations, subjectivities and identities in poetry*. *Cadernos de Literatura Comparada*, 2(14/15), 31–63.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кутьева Марина Викторовна

кандидат филологических наук

доцент кафедры иностранных языков № 2 Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

Махортова Варвара Александровна

кандидат филологических наук

старший преподаватель кафедры португальского языка

переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS**Kutyeva Marina Viktorovna**

PhD (Philology)

Associate Professor of Foreign Languages Department No.2

Plekhanov Russian University of Economics

Makhortova Varvara Alexandrovna

PhD (Philology)

Senior Lecturer of the Portuguese Language Department

at Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

21.12.2023
29.01.2024
28.02.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Особенности применения идеологемы «неравенство» в политическом дискурсе Мишель Бачелет

Д. А. Кушнерева

*Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия
kushnereva.daria@gmail.com*

Аннотация: В статье анализируется манипулятивный потенциал идеологемы «неравенство» как элемент политического дискурса в речах бывшего президента Республики Чили Мишель Бачелет Херии. Результатом исследования стала репрезентация особенностей применения идеологемы «неравенство», а также выявление стратегий и тактик политического дискурса, реализуемых при использовании данной идеологемы. В ходе исследования использовались методы семантического, контекстуального и стилистического анализа.

Ключевые слова: политический дискурс, женский политический дискурс, идеологема, испанский язык, неравенство, Мишель Бачелет, Чили

Для цитирования: Кушнерева Д. А. Особенности применения идеологемы «неравенство» в политическом дискурсе Мишель Бачелет // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 75–81.

Original article

Features of the use of the ideologeme “Inequality” in the Political Discourse of Michelle Bachelet

Daria A. Kushnereva

*ITMO University, Saint Petersburg, Russia
kushnereva.daria@gmail.com*

Abstract. The article studies the manipulative potential of the ideologeme “inequality” as an element of political discourse in the speeches of the former President of the Republic of Chile Michelle Bachelet Jeria. The result of the study is the representation of the features of the use of the ideologeme “inequality”, as well as the identification of strategies and tactics of political discourse implemented when using this ideologeme. Methods of semantic, contextual and stylistic analysis were used to do the study.

Keywords: political discourse, women’s political discourse, ideologeme, Spanish language, inequality, Michelle Bachelet, Chile

For citation: Kushnereva, D. A. (2024). Features of the use of the ideologeme “inequality” in the political discourse of Michelle Bachelet. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(885), 75–81.

ВВЕДЕНИЕ

Мишель Бачелет Херия – чилийский политик и государственный деятель, дважды занимавшая пост главы государства (2006–2011, 2014–2018), а также первая в истории Республики Чили женщина, избранная на пост президента страны. Мишель Бачелет формирует образ доброжелательного и сострадательного политика, сочувствующего страждущим и угнетенным, ее риторика – это отсутствие прямой агрессии [Vitale, 2016], этот образ создан «с учетом стиля современной западной женщины – деловой, активной, успешно работающей, без гендерных и религиозных стереотипов <...> в своих выступлениях Бачелет неоднократно повторяла, что стремилась стать “президентом всех чилийцев”, а ее предвыборный лозунг – “Я с тобой!” – был обращен к каждому жителю страны, независимо от его социального и экономического положения, политических и религиозных убеждений, прошлого опыта жизни» [Дьякова, 2013, с. 216]. Таким образом, главным врагом в речах Мишель Бачелет становится неравенство, от которого страдают граждане ее страны.

Цель данной работы состоит в том, чтобы проанализировать, как оратору удастся реализовать манипулятивный потенциал идеологема «неравенство», какими особенностями обладает данный элемент политического дискурса, каким образом реализуются стратегии и тактики политического дискурса.

Данное исследование представляется **актуальным** для современной испанистики, поскольку затрагивает такой малоизученный аспект как анализ применения идеологем в рамках женского политического дискурса Латинской Америки. **Материалом** для данной работы послужили речи Мишель Бачелет, произнесенные ею в период с 2013 по 2018 год. Всего было рассмотрено более 70 речей и обнаружено 53 примера, в рамках данной работы представлено 17 примеров.

ИДЕОЛОГЕМА КАК МАНИПУЛЯТИВНАЯ ЕДИНИЦА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Понятие «идеологема» традиционно связывают с именем М. М. Бахтина, который первоначально использовал его в качестве обозначения идей героев романа, призванных произвести особый эффект на читателя: «говорящий человек в романе – всегда в той или иной степени идеолог, а его слова всегда идеологема. Особый язык в романе – всегда особая точка зрения на мир, претендующая на социальную значимость» [Бахтин, 2012, с. 87]. А. Ю. Безродная отмечает, что понятие «идеологема», введенное М. М. Бахтиным, можно использовать не только

в рамках литературы: «Если опустить романский жанр <...> то становится очевидным, что первостепенная роль идеологема – роль социальная, т. е. через нее автор (говорящий) выражает свою точку зрения, делает попытку донести ее до читателя (слушающего) с целью повлиять на его мировоззрение, привнести в него коррективы, расширить его понятие о данном предмете, явлении» [Безродная, 2013, с. 141]. Сегодня данный термин используется во многих современных научных областях, в том числе при изучении политического дискурса, поскольку «идеологическая функция, являясь одной из функций политического дискурса, состоит в возможности воздействовать на формирование мировосприятия людей» [Зененко, 2018, с. 28], а значит идеологема как лингвистический феномен, способный оказывать влияние на аудиторию, требует своего рассмотрения как одного из основных понятий политической лингвистики.

Однако рассуждая об идеологеме с точки зрения элемента политического дискурса, мы сталкиваемся с разным определением и пониманием данного понятия. К примеру, А. П. Чудинов рассматривает идеологему узко, как – «слово, в значение которого входит идеологический компонент» [Чудинов, 2009, с. 73]. М. Н. Эпштейн образно указывает, что идеологема – это «меткое слово» на службе у власти [Эпштейн, 2006, с. 188]. Стронница узкого лексикологического подхода Н. А. Купина определяет идеологему как «языковую единицу, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический» [Купина, 2000, с. 183]. При более широком когнитивном подходе идеологема рассматривается «как феномен, формирующий концептуальные схемы и категории, обуславливающий процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации о том или ином идеологически значимом объекте. Смысловое содержание и эмоциональная окраска идеологем могут неодинаково восприниматься адресатами, поскольку идеологема репрезентируют специфический взгляд на соответствующую реалию» [Нахимова, 2011, с. 194]. Некоторые лингвисты также подчеркивают особую важность контекста при анализе идеологем. Так, Е. Г. Малышева понимает под идеологемой единицу «идеологической картины мира, которая объективируется в тексте (в том числе тексте креолизованном) и – шире – в дискурсе собственно языковыми единицами разных языковых уровней, а также знаками других семиотических систем» [Малышева, 2009, с. 34]. Если рассматривать, какое вербальное оформление может получить идеологема, то Н. В. Зененко указывает, что в политическом дискурсе идеологема отличаются национальной специфичностью, поэтому могут реализоваться в языке не

только в виде лексемы, но также в виде устойчивых выражений, метафор, клише, сравнений и т. д. [Зененко, 2018].

Таким образом несмотря на то, что идеологема до сих пор не получила своего четкого определения, способного удовлетворить разные взгляды на данный феномен языка, мы можем с уверенностью отметить, что идеологема является эффективным инструментом политического дискурса, способным оказать влияние на формирование массового сознания благодаря тому, что «идеологемы всегда эмоционально маркированы» [Осипов, 2012, с. 96]. В рамках данной работы мы рассмотрим негативно маркированную идеологему *неравенство* (исп. *desigualdad*) и специфику его применения в политических речах Мишель Бачелет, которую, согласно созданной типологии идеологем Е. Г. Малышевой, мы характеризуем как идеологему общеупотребительную (т. е. понимаемую всеми одинаково), наделенную отрицательным аксиологическим модусом [Малышева, 2009].

ИДЕОЛОГЕМА «НЕРАВЕНСТВО» И ЦЕЛИ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ В РЕЧАХ МИШЕЛЬ БАЧЕЛЕТ

В первую очередь отметим, как именно сама Мишель Бачелет трактует понятие «неравенство»:

Sabemos el daño que *la desigualdad en todas sus formas, en todas sus dimensiones, no sólo socioeconómicas, desigualdad territorial, de género, étnicas, etc.*, todas las que ya mencionaba, puede producir a la convivencia, en nuestra forma de construir país (*Bachelet al inaugurar Primera Jornada Latinoamericana de Cohesión Social, 22.01.2015*). – Мы знаем, какой ущерб может нанести нашей совместной работе на пути строительства страны *неравенство во всех его формах, во всех его измерениях, не только социально-экономическое, территориальное, гендерное, этническое неравенство и т. д.*, о которых я уже упоминала.¹

...todavía en Chile, las desigualdades *no son sólo socioeconómicas*. También, *hay desigualdades de género; también hay desigualdades territoriales*, siempre se quejan ustedes de Santiago, que se lleva todo... (*Bachelet en Inauguración de Casa de Acogida de la Mujer, 15.01.2016*). – ...в Чили *неравенство всё еще носит не только социально-экономический характер*. Кроме того, *существует гендерное неравенство*; есть также *территориальное неравенство*: вы всегда жалуетесь на Сантьяго, который забирает себе всё...

¹Эд. и далее перевод наш. – Д. К.

На основе данных утверждений мы можем сделать вывод, что в глазах оратора «неравенство» приобретает очень широкое значение, оно затрагивает разные сферы жизни граждан Чили, что придает ему статус серьезной проблемы, поскольку благодаря такой широкой трактовке практически не остается гражданина, которого бы эта проблема не касалась.

Отметим также еще одну особенность применения данной идеологемы: поднимая тему неравенства, Бачелет может ссылаться и на других политических или экономических деятелей, которые ранее также указывали на данную проблему. Таким образом оратор демонстрирует, что существование неравенства в чилийском обществе замечает не только она, а значит эта проблема, во-первых, действительно существует, а во-вторых, носит серьезный характер:

Y lo vemos en la repercusión que ha tenido *la obra de Thomas Piketty*, que acaba de visitar Chile, al poner a *la desigualdad en el centro del debate económico*. (*Bachelet al inaugurar Primera Jornada Latinoamericana de Cohesión Social, 22.01.2015*). – И мы видим это в том влиянии, которое оказала *работа Томаса Пикетти*, недавно посетившего Чили. Он поставил *неравенство в центр экономических дебатов*.

Tenemos, ya lo mencionó *la senadora Allende*, el triste record de ser la región *con mayor desigualdad en el mundo* (*Bachelet al inaugurar Primera Jornada Latinoamericana de Cohesión Social, 22.01.2015*). – Как уже упоминала *сенатор Альенде*, мы установили печальный рекорд, являясь регионом с самым большим неравенством в мире.

Если задаться вопросом, для чего политику необходимо так активно подчеркивать и поднимать статус проблемы неравенства в стране, принимая во внимание явную негативную окраску этой идеологемы, то, на наш взгляд, ответ кроется как раз в акценте на применение противоположной по смыслу стратегии на повышение, а именно: с целью реализации тактик презентации, самопрезентации, а также тактики кооперации. Как указывает Д. Р. Аكوпова, роль презентационных тактик «заключается в представлении какого-либо лица в положительном свете. Говорящий, используя лексические единицы с положительной коннотацией, рассказывает о положительных качествах представляемого объекта» [Акопова, 2013, с. 406]. Однако мы можем наблюдать, что несмотря на негативную коннотацию, часто в речах бывшего президента Чили идеологема «неравенство» выполняет положительную функцию, поскольку выгодно подчеркивает, во-первых,

что именно правительство Бачелет способно справиться с этой проблемой:

¡Hemos cumplido nuestros compromisos con Chile!
¡Hemos avanzado en poner coto a *las desigualdades* y abusos! (*Bachelet al participar en la Junta Nacional de la Democracia Cristiana, 02.04.2016*). – *Мы выполнили свои обязательства перед Чили!* Мы добились прогресса в ликвидации *неравенства* и произвола!

Hemos combatido la desigualdad, la mayor amenaza a nuestra convivencia y nuestro progreso. Y *hemos establecido derechos que nos igualan*, para que el esfuerzo sea lo que realmente vale (*Bachelet pronunció su discurso por la Cuenta Pública 2017 ante el Congreso Pleno, 01.06.2017*). – *Мы победили неравенство*, величайшую угрозу нашему сосуществованию и нашему прогрессу. И *мы установили права, которые уравнивают нас*, так что усилия действительно того стоят.

Во-вторых, «неравенство» становится в том числе и способом демонстрации благосклонности со стороны оратора к каким-либо политическим структурам или организациям, и таким образом реализуется тактика презентации:

Y por varias razones me siento honrada de estar hoy aquí con ustedes, en esta Junta de la Democracia Cristiana. Este partido tuvo un rol clave en la modernización de Chile y en la ampliación de la participación social ya desde mediados del siglo XX. <...> *Y hoy es un actor comprometido en la lucha que estamos dando por superar las desigualdades*, mejorar la calidad de nuestra vida política y dinamizar nuestro crecimiento (*Bachelet al participar en la Junta Nacional de la Democracia Cristiana, 02.04.2016*). – И по нескольким причинам для меня большая честь находиться сегодня здесь, с вами, в Совете христианской демократии. Эта партия сыграла ключевую роль в модернизации Чили и расширении социального участия с середины XX века. <...> *И сегодня она остается преданным участником нашей борьбы за преодоление неравенства*, улучшение качества нашей политической жизни и ускорение нашего роста.

В-третьих, с помощью данной идеологемы оратор добивается положительного рассмотрения некоторых своих политических предложений и идей, указывая, что именно они могут помочь в борьбе с этой проблемой, тем самым заручаясь поддержкой со стороны аудитории:

Chile no llegará al desarrollo *con el lastre de la desigualdad*, y eso lo sabemos todos. Y por eso *que la*

reforma tributaria tuvo un apoyo transversal (*Bachelet en Sesión Apertura del Debate General del 69º de La Asamblea General De Naciones Unidas, 24.09.2014*). – Чили *не достигнет развития под тяжестью неравенства*, и мы все это знаем. И именно поэтому *налоговая реформа получила всестороннюю поддержку*.

Esta ley es la primera de muchas iniciativas que llevaremos a cabo en nuestro anhelo de ese Chile en que todos queremos vivir, ese Chile de todos, ese Chile más justo, más solidario, *menos desigual...* (*Bachelet al anunciar Bono Marzo Permanente, 12.03.2014*). – *Этот закон – первое из многих начинаний*, которые мы будем реализовывать в нашем стремлении к той Чили, в которой мы все хотим жить, к той Чили, которая для всех, к той Чили, которая будет более справедливой, более сплоченной, *менее неравноправной...*

Наличие «общего врага» помогает объединить граждан, призывая действовать вместе, поскольку «благодаря универсальному прагматическому потенциалу тактика кооперации может не только смягчить или разрешить конфликты, но и создать благоприятную атмосферу, объединить людей с разными взглядами» [Кушнерева, 2021, с. 431]. Чаще всего такие высказывания строятся у Бачелет с применением коллективного местоимения *мы*:

Esa desigualdad en calidad de vida *no es lo que queremos* para Chile, para nuestra gente (*Bachelet al firmar proyecto ley que aumenta en 1.200 nuevos efectivos de la Policía de Investigaciones, 07.05.2014*). – *Такое неравенство* в качестве жизни – *не то, чего мы хотим* для Чили и для нашего народа.

Estamos unidos en el empeño de superar las desigualdades, profundizar la democracia, mejorar la equidad de género, dar más poder, oportunidad y protagonismo a las mujeres, defender y promover los derechos humanos (*Michelle Bachelet durante almuerzo con Presidenta Argentina, 12.05.2014*). – *Мы едины в стремлении преодолеть неравенство*, усилить демократию, улучшить гендерное равенство, предоставить женщинам больше власти, возможностей и ведущих ролей, защищать и отстаивать права человека.

Безусловно, помимо стратегии на повышение, идеологема «неравенство» также реализуется и стратегия на понижение, а именно, тактики обвинения и обличения, таким образом воплощая заложенное в ней отрицательное значение:

Vamos a terminar con la municipalización de la educación que **nos dejó como herencia la dictadura, un modelo que finalmente lo que ha hecho es profundizar la desigualdad** y condenar a los niños y niñas a no salir de la pobreza (*Bachelet en Inauguración del Centro de Estudios para el Conflicto Social y la Cohesión, 04.06.2014*). – Мы собираемся положить конец муниципализации образования, **доставшейся нам в наследство от диктатуры, модели, которая в конечном итоге усугубила неравенство** и не оставила мальчикам и девочкам возможность избежать бедности.

He recorrido un mundo convulsionado, incómodo y molesto por una globalización que no ha sido beneficiosa para todos y que ha profundizado las brechas de desigualdad (*Bachelet al aceptar la candidatura presidencial en El Bosque, 27.03.2013*). – Я путешествовала по этому конвульсивному, неудобному и обеспокоенного **глобализацией** миру, которая принесла пользу не всем, и **лишь усугубила неравенство**.

Первый пример мы можем также рассмотреть с точки зрения выполнения еще одной манипулятивной функции – переноса ответственности за непростую ситуацию в стране на третье лицо (в данном случае на «диктатуру»). Здесь также важно отметить, что сама по себе идеологема «неравенство» зачастую выполняет в речах Бачелет роль такого «третьего лица», на которое можно переложить вину за отсутствие положительных изменений в стране.

Как мы уже говорили выше, риторика Бачелет лишена резких, агрессивных высказываний, в ее дискурсе нет четкого образа «врага», под которым обычно скрывается оппозиция или другие конкурирующие с властью структуры, именно неравенство становится главным врагом президента:

¡Chile tiene un solo **gran adversario y se llama desigualdad!** Y sólo juntos podremos enfrentarla (*Bachelet en su primer discurso al país, 11.03.14*). – У Чили есть только один **сильный противник и его имя – неравенство!** И только вместе мы сможем противостоять ему.

Pero es, también, una ciudadanía que está alzando **su voz descontenta. Y aunque muchas causas puedan ser señaladas**, porque siempre todos los procesos sociales tienen muchas causas, déjenme decirles que mi convicción profunda es que **la enorme desigualdad en Chile es el motivo principal del enojo** (*Bachelet al aceptar la candidatura presidencial en El Bosque, 27.03.2013*). – Но **голос недовольства** звучит и от граждан. **И хотя можно указать множество**

причин, поскольку все социальные процессы всегда имеют множество причин, позвольте мне заверить вас, что мое глубокое убеждение заключается в том, что **невероятное неравенство в Чили является основной причиной их гнева**.

Таким образом, у слушателя создается впечатление, что существующие неравенство в стране является первопричиной всех других неразрешенных проблем.

Помимо вышеназванных тактик мы также встречаем применение идеологема «неравенство» с целью реализации тактики предупреждения, цель которой выразить «предостережение, предваряющее извещение о возможных событиях, действиях, ситуациях и т. д.» [Михалева, 2009, с. 66], таким образом прогнозируя и одновременно предупреждая об отрицательных последствиях в случае отказа от борьбы с неравенством:

La desigualdad que hoy día enfrenta la sociedad chilena, si la proyectamos a un futuro dado únicamente como la continuidad del presente, **sólo puede aumentar** (*Bachelet en Inauguración del “Congreso del Futuro”, 15.01.2015*) – Если мы спроецируем **неравенство**, с которым сегодня сталкивается чилийское общество, на будущее исключительно с точки зрения преемственности настоящего, это неравенство **может только увеличиться**.

El cambio climático **profundiza las desigualdades**, porque **afecta sobre todo a los más vulnerables** (*Bachelet en Sesión Apertura del Debate General del 69º de La Asamblea General De Naciones Unidas, 24.09.2014*). – Изменение климата **усугубляет неравенство**, поскольку оно **прежде всего затрагивает наиболее уязвимые слои населения**.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проанализировав идеологему «неравенство» в политическом дискурсе Мишель Бачелет, мы можем сделать некоторые выводы.

1. В первую очередь мы позиционируем «неравенство» в речах Бачелет как идеологему из-за наличия ярко выраженного идеологического компонента, способного оказывать влияние на процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации аудиторией благодаря высокому манипулятивному потенциалу данной ментальной единицы. Иными словами, борьба с неравенством является ключевой целью идеологии бывшего президента Чили. Согласно классификации идеологем

- Е. Г. Малышевой мы характеризуем «неравенство» как идеологему общеупотребительную с отрицательным аксиологическим модусом.
2. Одна из особенностей идеологемы «неравенство» в дискурсе М. Бачелет заключается в широком определении политиком данной проблемы, поскольку охватывается практически полностью население Чили, и таким образом неравенство возводится в статус главной проблемы страны, а ссылка на других деятелей призвана подтвердить этот статус. Цель такого представления, на наш взгляд, заключается в следующем: чем серьезнее кажется проблема, тем проще оправдать или презентовать действия правительства, направленные на предполагаемую борьбу с ней. Отметим также, что поскольку дискурс М. Бачелет лишен яркой конфронтации, ее главным «врагом» становится именно неравенство.
  3. Идеологема «неравенство», несмотря на свое отрицательное значение, в первую очередь используется для реализации положительных тактик. С ее помощью Мишель Бачелет удается выгодно презентовать действия правительства под ее руководством (которое способно бороться с этой проблемой), добиться одобрения законов (поскольку они направлены на борьбу с неравенством), а также выразить политическую симпатию (как союзникам в этой борьбе) к другим структурам. Кроме того, данная идеологема реализует тактику кооперации (как призыв к сплочению в борьбе с неравенством) и тактику предупреждения (негативные последствия при отказе от данного сплочения).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Vitale M. A. ¿Ethos femenino y feminine style? El primer discurso público de dos presidentes mujeres, Michelle Bachelet (Chile) y Cristina Fernández de Kirchner (Argentina). *Lenguaje*. 44 (1). 2016. P. 61–82.
2. Дьякова Л. В. Чилийская демократия: преемственность и перемены. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2013.
3. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Том 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012.
4. Безродная А. Ю. Различие понятий «концепт» и «идеологема» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 3 (24). С. 138–145.
5. Зененко Н. В. Политическая идеологема в испанском публицистическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2018. Вып. 4 (70). С. 28–34.
6. Чудинов А. П. Современная политическая коммуникация: Учебное пособие // Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2009.
7. Эпштейн М. Н. Слово и молчание: метафизика русской литературы: учеб. пособие для вузов // М.: Высшая школа, 2006.
8. Купина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. 2000. Вып. 1. М.: Азбуковник, 2000. С. 182–189.
9. Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования: монография. Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2011.
10. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 4 (30). С. 32–40.
11. Осипов Г. А. «Конституция», «Свобода», «Президент»: когнитивно-прагматические особенности политических идеологем в современном американском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2012. Вып. 3 (41). С. 95–98.
12. Аكوпова Д. Р. Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. Вып. 6 (1). С. 403–409.
13. Кушнерева Д. А. Тактика кооперации в политических речах Эвы Перон // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. Вып. 4 (37). С. 431–436.
14. Михалева О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009.

REFERENCES

1. Vitale, M. A. (2016). ¿Ethos femenino y feminine style? El primer discurso público de dos presidentes mujeres, Michelle Bachelet (Chile) y Cristina Fernández de Kirchner (Argentina). *Lenguaje*, 44(1), 61–82.

2. Diyakova, L. V. (2013). Chiliiskaya demokratiya: preemstvennost' i peremeny = The Chilean democracy: continuity and changes. Moscow, The Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
3. Bakhtin, M. M. (2012). Sobranie sochinenij. Tom 3: Teoriya romana (1930–1961 gg.) = Collected Works. Volume 3: Theory of the novel (1930–1961 gg.). Moscow, Languages of Slavic Cultures. (In Russ.)
4. Bezrodnaya, A. Yu. (2013). On differences between the notions «Concept» and «Ideologem». Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University, 3(24), 138–145. (In Russ.)
5. Zenenko, N. V. (2018). Political Ideologeme in Spanish Publicistic Discourse. Political Linguistics, 4(70), 28–34. (In Russ.)
6. Chudinov, A. P. (2009). Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya = Contemporary political communication. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.)
7. Epshteyn, M. N. (2006). Slovo i molchanie. Metafizika russkoy literatury = Word and silence: Metaphysics of Russian literature. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
8. Kupina, N. A. (2000). Iazykovoe stroitel'stvo: ot sistemy ideologem k sisteme kul'turem = Language Construction: From the System of Ideology to the System of Culture. Russkij yazyk segodnya, 1. Moscow, Azbukovnik, 182–189. (In Russ.)
9. Nakhimova, E. A. (2011). Precedentnyye onimy v sovremennoy rossiiskoy massovoy kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya = Precedent onyms in modern Russian mass communication: the theory and methodology of cognitive-discursive research. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University. (In Russ.)
10. Malysheva, E. G. (2009). Ideologem as lingo-cognitive phenomenon: definition and classification. Political Linguistics, 4(30), 133–134. (In Russ.)
11. Osipov, G. A. (2012). «Constitution», «Freedom», «President»: cognitive pragmatic peculiarities of political ideologems in modern American political discourse. Political Linguistics, 3(41), 95–98. (In Russ.)
12. Akopova, D. R. (2013). Strategies and tactics of political discourse. Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 6(1), 403–409. (In Russ.)
13. Kushnereva, D. A. (2021). The cooperation strategy in the political speeches of Eva Peron. Memoirs of NovSU, 4(37), 431–436. (In Russ.)
14. Mikhaleva, O. L. (2009). Politicheskii diskurs: Spetsifika manipulyativnogo vozdeistviya = Political discourse: specifics of manipulative influence. Moscow: Knizhnyi dom LIBROKOM. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кушнерева Дарья Андреевна

преподаватель-исследователь Национального исследовательского университета ИТМО

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kushnereva Daria Andreevna

researcher, teacher-researcher, ITMO University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

26.12.2023
24.01.2024
28.02.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81'362

Отражение символического обряда посвящения в рыцари в старофранцузском «Ordene de chevalerie» (на материале стихотворного и прозаического списков XIII века)

А. О. Манухина

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
amanuhina@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуются способы выражения символического содержания обряда посвящения в рыцари на материале двух списков XIII века, прозаического и стихотворного, анонимного старофранцузского сочинения «Ordene de chevalerie». Рассматривается специфика описания каждого этапа ритуала, где все действия и предметы обнаруживают скрытый сакральный смысл. Таким образом реализуется прагматическая цель произведения – создать идеальный образ христианского рыцаря, и образ врага, поверженного не оружием в бою, а силой веры и убеждения.

Ключевые слова: диахронические исследования, нравственные стереотипы, Средневековье, письменные памятники, Крестовые походы

Для цитирования: Манухина А. О. Отражение символического обряда посвящения в рыцари в старофранцузском «Ordene de chevalerie» (на материале стихотворного и прозаического списков XIII века) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 82–88.

Original article

Reflection of the Symbolic Rite of Knighthood in the Old French “Ordene de chevalerie” (based on the material of the poetry and prose lists of the XIII century)

Alla O. Manuhina

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
amanuhina@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of ways of expressing the symbolic content of the knighthood rite on the material of two versions, prose and poetic, of the anonymous Old French composition “Ordene de chevalerie” written in the 13th century. The specifics of the description of each stage of the ritual are considered, where all actions and objects of reality reveal a hidden sacred meaning. Thus, the pragmatic purpose of the work is realized – to create an ideal image of a Christian knight, and the image of an enemy defeated not by weapons in battle, but by the power of faith and conviction.

Keywords: diachronic studies, moral stereotypes, Middle Ages, written monuments, Crusades

For citation: Manuhina, A. O. (2024). Reflection of the symbolic rite of knighthood in the old french „Ordene de chevalerie” (based on the material of the poetry and prose lists of the XIII century). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4 (885), 82–88.

ВВЕДЕНИЕ

Письменные документальные свидетельства Крестовых походов, написанные и оформленные в соответствии с традициями эпохи и устоявшимися канонами, отражают систему нравственных стереотипов рыцарей-крестоносцев.

Материалом статьи служат два списка сочинения «Ordene de chevalerie»: прозаический и стихотворный, восходящие к единой первоначальной архетипической рукописи, утраченной, видимо, еще в Средние века. Прозаический список был найден как интерполяция в анонимной старофранцузской хронике XIII века «Estoire de Eracles l'empereur et la conquete de la terre d'outremer». «Estoire de Eracles», в свою очередь, представляет собой вольное переложение более ранней латинской хроники Гийома Тирского «Historia rerum in partibus transmarinis gestarum», но этот рассказ встречается только в старофранцузском переводе: «Notez que Guillaume de Tyr ne dit pas un mot de cette Histoire de Chevalerie, mais que notre present traducteur l'a, de lui-même intercalée, entre les Chapitres XXIX et XXX du XXIème livre de l'édition» [Edbury, 2007, с. 338]. Только в наши дни «Ordene de chevalerie» был идентифицирован как самостоятельное произведение, имеющее литературную и историческую ценность [Jubb, 2016]. Стихотворный же список был известен еще с XVIII века и опубликован его первым исследователем Этьеном Барбазаном в 1759 году [Barbazan, 1759]. Время создания обоих вариантов – до 1250 года, и до сих пор нет точных данных, который из них был создан первым. Данные памятники французского письменного-литературного языка XIII века привлекаются в качестве материала лингвистического анализа впервые.

Главным героем «Ordene de chevalerie» является реальное историческое лицо – Гуго II де Сент-Омер, сеньор Тивериады. О нем как об участнике Крестового похода упоминается, помимо самого «Ordene de chevalerie», в латинской хронике Гийома Тирского [Recueil ... 1849] и в старофранцузской «Estoire de Eracles» [Jubb, 2016]. Однако сама история, описанная в «Ordene de chevalerie», полностью вымышленна анонимным автором. Гуго II де Сент-Омер действительно был пленен Саладином в 1179 году, но подобный эпизод (встреча пленного рыцаря Гуго с султаном Саладином, уважение со стороны Саладина и просьба султана принять его в рыцари) никогда не мог существовать. Однако вопрос об исторической истинности описанного здесь факта не являлся для средневекового автора принципиальным. Очевидно, как в прозаическом, так и в стихотворном варианте «Ordene de chevalerie» зафиксирована распространенная в то время народная

легенда, и этот эпизод умышленно был вставлен в старофранцузскую хронику в дидактических целях. Признание со стороны врага, тем более правителя и военачальника – лучшая похвала, которой мог бы удостоиться рыцарь-крестоносец, и его пример должен был быть назиданием молодым рыцарям. Оба списка «Ordene de chevalerie» детально описывают обряд принятия в рыцари, но имеют некоторые расхождения. Рассмотрим, каким образом вербализован этот символический ритуал в обоих вариантах.

ОБРАЗ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ

Гуго II де Сент-Омер из Тивериады (Hues de Tabarie le conte de Triple [Jubb, 2016, с. 21]), указан в прозаическом списке сочинения как *jovenes hom* (молодой человек):

Il estoit jovenes hom saiges et cortois et molt avoit la graise de tous, mais assez d'autres en i ot pierdus ki n'estoient pas si riche home [Jubb, 2016, с. 21]. – Он был молодым человеком, мудрым и куртуазным, и имел изящество во всем, но много что другое он потерял, так как он не был богатым человеком¹.

Действительно, на момент пленения Гуго было 24 года. Несмотря на молодость, он характеризуется как *saiges et cortois* (мудрый и куртуазный). Следует отдельно выделить его добродетель *courtoisie*, которую мы условно переведем как куртуазность, куртуазия. Появление такой добродетели связано с произошедшими в начале XIII века изменениями в негласном кодексе чести рыцаря: «светский мирской кодекс куртуазии», согласно Жаку Ле Гоффу, «характеризует искусство жить, представляет кодекс идеальных норм земного поведения» [Ле Гофф, 1991, с. 32] и подразумевает соблюдение идеалов сословной чести и доблести и нравственное совершенство. Именно этот аспект, куртуазность рыцаря, анонимный автор подчеркивает конструкцией *molt avoit la graise de tous*. Положительная оценка рыцарю усиливается выражением *n'estoient pas si riche home*, в котором отражена средневековая мораль, сложившаяся под влиянием католической церкви: «в бедности видели состояние более угодное Богу, нежели в богатстве» [Гуревич, 1984, с. 135].

В стихотворном варианте добавляются следующие подробности:

Par la bataille un Prinches vint
Hue ot non de Tabarie
O lui ot grant compaignie

¹Эд. и далее перевод наш. – А. М.

De Chevaliers de Galilée
 Car Sir estoit de la contrée
 Assez fissent d'armes chel jour
 Mes il ne plot au Creatour
 C'on apele le Roy de Gloire
 Que li nostre eussent victoire
 Car fu pris le Prinches Hues [Barbazan, 1759,
 с. 113]. – После битвы к нему попал принц,
 По имени Гуго из Тивериады
 У него было большое войско
 Рыцарей из Галилеи
 Так как он был сеньором этой области
 Достаточно они воевали в тот день
 Но не понравилось Создателю,
 Которого называют Царем царей,
 Чтобы наши имели победу
 Так как был взят принц Гуго

В данном фрагменте Гуго изображен как военачальник (*ot grant compaignie*) и правитель (*Sir estoit de la contrée*). Отдельно отмечено, что Гуго командовал крестоносцами из Галилеи, т. е. рыцарями-монахами, что возвышало его статус в глазах современников.

Таким образом, в обоих изученных отрывках этот персонаж практически утрачивает черты реального исторического лица, связанного с конкретными событиями. Гуго II де Сент-Омер представлен как идеал рыцаря, полностью соответствующий нормам социума как в отношении исполнения воинского долга, так и в соблюдении норм морали. Даже поражение в бою не умаляет его достоинств – провал экспедиции крестоносцев приписывается не ему лично, а промыслу Бога.

ЭТАПЫ ПОСВЯЩЕНИЯ В РЫЦАРИ И ИХ СИМВОЛИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Первый шаг посвящения в рыцари описан в обоих вариантах «Ordene de chevalerie» с незначительными различиями. Так, в прозе он изложен более кратко:

Il le mist en un baing et li dist: «Sire, cist bains vos done a entendre que ausi nés et ausi purs et ausi mondes que li enfes de pechié devés vous issir de cest baing sans nul empeecement de vilonnie». Et Sahlehadins li dist: «Hues, cist commencemens est molt bia[u]s» [Jubb, 2016, с. 23]. – Затем он его поместил в ванну и так сказал: «Эта ванна Вам дает понять, что Вы такой же обновленный, такой же чистый, такой же непорочный, как ребенок, грехи должны выйти из Вас в этой ванне без всякого препятствия от мерзости». И Саладин ему сказал: «Гуго, это начало очень прекрасно».

В стихотворном сочинении добавлены детали, касающиеся исключительно светских рыцарских добродетелей:

Tout ensemment com l'enfechons
 Nés de pechié ist hors de fons
 Quant le bapteme est aportez
 Sire tout ensemment devez
 Issir sans nule vilounie
 Et estre pleins de courtoisie
 Baignez devez en honesté
 En courtoisie et en bonté
 [Barbazan, 1759, с. 116]. –
 Таким образом, как младенец
 Невинный без греха из этого источника,
 Когда совершено Крещение,
 Господин, Вы конечно, должны,
 Выйти без всякой мерзости
 И быть полным куртуазности,
 И должны пребывать в честности,
 В куртуазности и во благе.

Этот этап отражает специфику символического изображения, пронизывающего всё произведение «Ordene de chevalerie»: обычная ванна воспринимается участниками действия как христианская купель для совершения Таинства Крещения. Цель омовения – очищение от греха (*pechié devés vous issir*) и обретение утраченной чистоты. В обоих текстах присутствует оценочная оппозиция «порок – чистота и добродетель». Сема «порок» вербализована лексемой *vilounie* (*vilenie*¹ – *мерзость, грязь, гадость, низость*). Сема «добродетель» – лексемами *nés* (*neuf*² в значении «девственный, чистый, невинный, обновленный», ср. в современном французском *rays neuf* – *девственная, неисследованная страна*³, *purs* (*чистый, непорочный*)⁴),

¹Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle (composé d'après le dépouillement de tous les plus importants documents manuscrits ou imprimés qui se trouvent dans les grandes bibliothèques de la France et de l'Europe et dans les principales archives départementales, municipales, hospitalières ou privées). Paris: Emile Bouillon, libraire-éditeur, 1889.

²Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle (composé d'après le dépouillement de tous les plus importants documents manuscrits ou imprimés qui se trouvent dans les grandes bibliothèques de la France et de l'Europe et dans les principales archives départementales, municipales, hospitalières ou privées). Paris: Emile Bouillon, libraire-éditeur, 1889.

³Гак В. Г., Ганьшина К. А. Новый французско-русский словарь. 5-е изд., испр. М.: Рус. яз., 2000.

⁴Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle (composé d'après le dépouillement de tous les plus importants documents manuscrits ou imprimés qui se trouvent dans les grandes bibliothèques de la France et de l'Europe et dans les principales archives départementales, municipales, hospitalières ou privées). Paris: Emile Bouillon, libraire-éditeur, 1889.

mondes (непорочный, невинный¹), *courtoisie* (куртуазность, куртуазия), *honesté* (честность, честь), и *bonté* (благо, доброта). Для эмоционального усиления эффекта высказывания в прозаическом тексте употреблен плеоназм: сопряжение в одном контексте синонимов *nés, purs* и *mondes*. Рассмотренные лексические единицы можно считать тождественными, тем более что указанные здесь оттенки значения выявляются лишь в контексте.

Начало церемонии вызывает реакцию одобрения у Саладина (*cist commencement est molt bia[u]s*). Такое поведение можно рассматривать как символ доверия и даже смены ролей: великий правитель-сарацин подчиняется плененному им христианину-крестоносцу.

Второй этап принятия рыцарства символизировал обретение рая и вечного покоя:

Aprîs il le fist issir dou baing et couchier en un lit tout novel et li dist: «Sire, cist lis vos doune a entendre le grant lit de repoz que vos devez conquerre par vos chevalerie [Jubb, 2016, с. 24]. – После он заставил его выйти из ванной и лечь на совершенно новое ложе и сказал: «Господин, это ложе Вам дает понять, что это и есть ложе покоя, которое Вы должны завоевать Вашим рыцарским служением»

Si le coucha en un bel lit.
Sire, fait- il, che senefie
C'on doit par la Chevalerie
Conquerre lit en Paradis
Ke Diex ottoirie à ses amis
Car chou est li lit de repos
Qui la ne sera, mout ert sos.
[Barbazan, 1759, с. 117]. –

И он уложил его на прекрасное ложе.
«Господин, – сказал он, – это значит,
Что нужно рыцарским служением
Завоевать ложе в раю,
Которое Бог предоставляет своим друзьям,
Так как это ложе покоя,
И кто там не будет, будет весьма глуп».

Примечательно, каким образом в обоих письменных памятниках описано ложе (*lit*) как символ рая и вечного покоя. Словосочетание *lit de repoz* (букв. 'кушетка') в данном контексте предстает как символ смертного одра и места вечного упокоения

¹Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle (composé d'après le dépouillement de tous les plus importants documents manuscrits ou imprimés qui se trouvent dans les grandes bibliothèques de la France et de l'Europe et dans les principales archives départementales, municipales, hospitalières ou privées). Paris: Emile Bouillon, libraire-éditeur, 1889.

и отсылает нас к нравственным христианским канонам эпохи Крестовых походов. Смерть, как обретение покоя и рай, как символ отдохновения в раю, который следует завоевать в походе, считалось наивысшим благом для рыцаря, что и нашло отражение в лексемах *repoz que vos devez conquerre par vos chevalerie* и *par la Chevalerie conquerre lit en Paradis*.

Третий этап – облачение в белые льняные одежды (*blans dras de lin*) как символ чистоты:

Aprîs il le fist lever et le fist vestir d'uns blans dras de lin et li dist: «Sire, cist blans dras vos doune a entendre virginité que vos devez garder» [Jubb, 2016, с.24]. – Затем он заставил его подняться и облачиться в белые одежды из льна и сказал: «Господин, эта белая одежда Вам дает понять, что Вы должны соблюдать целомудрие»

Si l'a vestu De dras blans
Qui erent de lin;
Lors dist Hues en son latin :
Chis dras qui sont pres de vos char
Tout blanc nous donnent à entendre
Que Chevaliers doit ades tendre
A sa char netement tenir
Se il a Diu veut parvenir
[Barbazan, 1759, с. 117]. –

Он его одел в белые одежды,
которые были из льна
И тогда сказал Гуго на своей латыни:
Эти одежды, которые близки к вашей плоти,
совершенно белые, дают вам понять, что Рыцарь
должен отныне
Свою плоть строго содержать
Если он хочет достигнуть Бога

Геральдический белый цвет означает для рыцаря чистоту души. Белые одежды (под *blans dras de lin* имеется в виду тонкая белая льняная туника, которую обычно носили рыцари-аристократы под верхней одеждой) представляется христианским символом целомудрия (что вербализовано в тексте лексемой *virginité*) и усмирения плоти (выраженного словосочетанием *char netement tenir*).

Следует отметить, что эту речь Гуго произносит на латыни (*dist Hues en son latin*), что подчеркивает его образованность и интеллектуальность.

Четвертый этап состоит в возложении на Саладина алых риз как символа защиты Церкви и самопожертвования:

Aprîs il le ve[s]ti une robe vermelle et li dist: «Sire ceste reube vos done a entendre le sanc que vos devez espandre por sainte esglise maintenir et deffendre»

[Jubb, 2016, с.24] – Затем он одел его в алые ризы и сказал: «Господин, эти ризы вам дают понять, что вы должны проливать кровь во имя Святой Церкви, ее поддерживать и защищать».

Après li vest robe vermeille
Sire, cheste robe vous done
Pour Diu server et hounourer,
Et pour sainte Glise deffendre
[Barbazan, 1759, с. 117]. –

Затем он одел его в алые ризы.
Господин, эти ризы Вам даны,
Чтобы Богу служить и его почитать,
И чтобы защищать Святую Церковь

Употребление эпитета *vermeille* (алый, пунцовый) при существительном *robe* (одеяние, плащ, мантия, ризы) присутствует в обоих текстах, но только в прозаическом варианте алый цвет риз эксплицитно сравнивается с кровью и жертвой во имя христианской церкви (*roube vermelle* → *le sanc expandre por sainte esglise*), в стихотворном списке такое сравнение имплицитно, и акцент делается на служении Богу (*Diu server*) и защите Церкви (*sainte Glise deffendre*).

В обоих текстах есть эпизод символического надевания чулок. Чулки, которыми рыцарь попирает землю, должны напоминать ему о скоротечности жизни:

Après il li chauça une[s] chaucés brunes de soie et li dist: «Sire, ces chaucés vos donent a entendre la terre dont vous estes venus et la ou vos repartés» [Jubb, 2016, с. 24]. – Затем он одел на него коричневые чулки из шелка и сказал ему: «Господин, эти чулки вам дают понять о земле, откуда вы вышли и куда вы вернетесь».

Коричневый цвет ассоциировался с землей и трактовался в христианской католической традиции как «прах земной». Анализируемый отрывок – один из ранних примеров культурного феномена *Vanitas Vanitatum* (*суепа суем*), который получит широкое распространение полтора столетия спустя, в позднее Средневековье.

Стихотворный фрагмент практически полностью дублирует прозаический текст:

Après li a cauches cauchiés
De saie brune & delijées.
Par cheste cauchement noire
C'aijez tout ades en memoire
La mort et la terre ou girez
Dont venistes, & ou irez
[Barbazan, 1759, с. 117]. –

Затем он одел на него чулки
Из коричневого шелка и легкие
С помощью этих чулок
Пусть у вас будет в памяти
Смерть и земля, где вы упокоитесь
Откуда вы вышли и куда вы вернетесь.

Интересно, что в качестве аллегории бренности выступают *chaucés / cauchés* (букв. «чулки») – типичная средневековая повседневная западноевропейская одежда – *шоссы*. Шоссами назывались мужские высокие чулки, доходившие до бедра, преимущественно темного цвета (черного, коричневого или темно-зеленого), которые производились из сукна или шерсти для среднего сословия и из шелка для аристократов. Именно о шелковых коричневых либо черных шоссах (*chaucés brunes de soie / cauchement noire*) идет речь в анализируемых примерах. Таким образом, благодаря мелким бытовым деталям, фигурирующим в символическом обряде посвящения, мы можем судить о попытке «европеизировать», подогнать под знакомые читателю – европейцу стандарты облик Саладина, принимающего рыцарский обет.

Следующий этап посвящения – надевание золотых шпор как символа служения Богу и повиновения:

Aprés si li chauça uns esperons doreis et li dist: «Sire, cist esperon vos donent a entendre ke ausi vistes et ausi movans que vos volez que vos chevalz soit a le semonse de vos esperons devez vos estre au commandement de Deu siervir et Sainte Esglise maintenir et deffendre [Jubb, 2016, с.24]. – Затем он надел на него золотые шпоры и ему сказал: «Господин, эти шпоры вам дают понять, что так же быстро и так же подвижно, как вы желаете, ваш конь повинуется требованию ваших шпор, вы должны повиноваться велению Бога и поддерживать и защищать Святую Церковь».

Après deus esperons li mist
Sire, tot aussi isniaus
Que vos volez que vos chevaux
Quant vos des eperons ferez
K'il voist à vos talent
Senefient chis esperon
Que vous aijez bien en corage
De Diu servir tout vostre eage
[Barbazan, 1759, с. 117]. –

Затем он две шпоры на него надел.
Господин, это также означает,
Что, подобному тому, как ваш конь,

Когда вы его пришпориваете,
Он повинуется вашей воле,
Эти шпоры означают,
Что у вас будет достаточно мужества
Служить Богу всю вашу жизнь.

Верность в служении рыцаря подобна верности коня, что подразумевало полное подчинение своему господину. В рассматриваемых примерах отражена идея смирения рыцаря перед Богом как высшим сюзереном, и это являлось основополагающей добродетелью в «кодексе чести рыцаря».

Финальный и самый важный эпизод в церемонии – опоясывание мечом:

Après il li çainst une espee a .ii. trenchans et li dist:
«Sire, cest espee vos done a entendre li uns des trenchan[s] seürté contre le diable, li autre droiture et raison [a] garder le povre del riche et le foible del fort que vilainement ne le maine». [Jubb, 2016, с.24]. –
Затем он опоясал его мечом с двумя лезвиями и сказал: «Господин, это меч вам дает понять, что одно из лезвий – это защита от дьявола, а другое – честность и разум, чтобы защищать бедного от богатого и слабого от могущественного, чтобы они с ними гнусно не поступали».

Après il li a chainte d'espée
Sire, fait-il, chou est garant
Contre l'assaut de l'anemi
Li doi trenchant font savoir
C'ades doit Chevaliers avoir
Droiture & loyauté ensele
Que plus riches nel puist laidir
Et le faible doit soustenir.
[Barbazan, 1759, с. 117]. –

Затем он его опоясал мечом
«Господин, – сказал он, – это защита
От нападения врага,
Два лезвия дают Вам понять,
Что с этого момента Рыцарь
Должен иметь честность и преданность,
Чтобы самый богатый не мог обидеть,
И он должен слабого защищать.

Приведенные фрагменты построены на оппозиции «несправедливость окружающего мира» – «добродетель, защищаемая мечом». Оппозиция вербализована противопоставлением лексем *mainier vilainement* (гнусно, мерзко обращаться с кем-либо), *laidir* в значении «плохо обращаться, оскорбить, обесчестить» (*maltraiter, outrager, deshonoré*) / *garder le povre* (защищать бедного), *faible soustenir* (защищать, поддерживать слабого).

В обоих текстах меч назван *une espee a .ii. trenchans* (меч с двумя лезвиями) – очевидно, речь идет о двулезвийном, т. е. обоюдоостром западно-европейском классическом прямом мече, которым сражались рыцари-крестоносцы высшего ранга в XII–XIII веках.

В средневековой рыцарской культуре меч символизировал силу и мирскую власть. Здесь также отражено особое отношение рыцаря к оружию: с одной стороны, можно увидеть намек на меч архангела Михаила, повергающий дьявола, с другой стороны, меч призван служить добру и защищать слабых.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставительный анализ текстов прозаического и стихотворного списков старофранцузского сочинения XIII века «Ordene de chevalerie» позволил сделать следующие выводы:

- 1) история принятия Саладином рыцарского обета, подробно изложенная в «Ordene de chevalerie», не имеет никакой исторической основы, наоборот, противоречит реальному ходу событий, этическим и эстетическим нормам, принятым у мусульман Средневековья;
- 2) легенду-аллегория анонимные авторы как прозаического, так и стихотворного списков осознанно преподносят как истинный факт в дидактических и идеолого-пропагандистских целях, описывая произошедшее с позиций ревностного католика и рыцаря-крестоносца;
- 3) характеристика главного положительного персонажа также лишена индивидуальных черт реального Гуго II де Сент-Омер из Тивериады. Гуго – герой рассказа является воплощением идеального крестоносца: это могущественный сеньор (*Sir estoit de la contrée*), военачальник (*ot grant compaignie*), мудрый (*saiges*), куртуазный (*cortois*) и высокообразованный (*dist Hues en son latin*). Тот факт, что он попал в плен, объясняется типичным для Средневековья провиденциалистским пониманием хода истории;
- 4) каждая из рассмотренных нами в статье фаз посвящения представлена как уникальный ритуал, окруженный символами с сакральным значением. В этом ритуале даже предметы повседневного быта (*lit, chaucés, robe, esperons*) или обычные действия (*mettre en un baing*) приобретают новый смысл и отражают, эксплицитно или имплицитно, христианскую и рыцарскую символику;

- 5) Саладин, поэтапно следуя модели поведения, предлагаемой пленным рыцарем Гуго, постепенно отрекается от своего прежнего «Я» («Я» сарацина – мусульманина, военачальника и правителя), принимает и усваивает систему ценностей западноевропейского рыцаря-крестоносца. Новое «Я» Саладина должно воплощать общечеловеческие и христианские ценности (защита слабых, помощь бедным, служение Церкви, нравственная чистота и смирение плоти), чисто рыцарские добродетели (верность господину, абсолютное подчинение Богу как высшему сюзерену), а также следование западноевропейской рыцарской традиции в бою (сражаться двулезвийным мечом) и даже в бытовых мелочах (одеваться в *chauses* и *dras de lin*). Таким образом враг – Саладин оказывается поверженным не физической силой в бою, а силой убеждения и веры во время совершения таинства. Так достигается прагматическая цель произведения – повлиять на читателя, сформировать нужное мнение о рыцарях-крестоносцах и в целом о походе в направлении, выгодном католической церкви и сюзеренам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Edbury P.W. The French Translation of William of Tyre's «Historia»: the Manuscript Tradition // «Crusades». 2007. № 6. P. 69–105.
2. Jubb M.A. The «Ordene de Chevalerie» and the Old French Translation of William of Tyre: the Relationship of Text to Context (with an Edition of «OC») // Carte Romanze. 2016. Vol. 4(2). P. 9–36.
3. Barbazan E. Ordene de Chevalerie, avec une dissertation sur l'origine de la Langue Francoise, un essai sur les etimologies, quelques contes anciens. Et un glossaire pour en faciliter l'intelligence. Paris: Claude Herissant, 1759.
4. Recueil des historiens des croisades, publié par les soins de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. Historiens occidentaux. Tome premier. Paris: Imprimerie royale, MDCCCXLIV.
5. Ле Гофф Ж. С небес на землю // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 1991. С. 28–43.
6. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.

REFERENCES

1. Edbury, P. W. (2007). The French Translation of William of Tyre's Historia: the Manuscript Tradition. «Crusades», 6, 69–105.
2. Jubb, M. A. (2016). The Ordene de Chevalerie and the Old French Translation of William of Tyre: The Relationship of Text to Context (with an Edition of OC)”. Carte Romanze. 4 (2), 9–36.
3. Barbazan, E. (1759). Ordene de Chevalerie, avec une dissertation sur l'origine de la Langue Francoise, un essai sur les etimologies, quelques contes anciens. Et un glossaire pour en faciliter l'intelligence. Paris: Claude Herissant.
4. Recueil des historiens des croisades, publié par les soins de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. (1845). Historiens occidentaux. Tome premier. Paris: Imprimerie royale.
5. Le Goff, J. (1991). S nebes na zemlyu. Odissej. SChelovek v istorii = From heaven to earth. Odysseus. A man in history. Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Gurevich, A. YA. (1984). Kategorii srednevekovoj kul'tury = Categories of medieval culture. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Манухина Алла Олеговна

кандат филологических наук, доцент
заведующая кафедрой фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Manuhina Alla Olegovna

PhD (Philology), Associate Professor,
Head of the Department of Phonetics and Grammar of the French Language
Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

21.12.2023
29.01.2024
28.02.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Этимология лексики средневекового английского трактата: на пути становления научно-технического инструктивного дискурса

С. В. Мухин

*Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва, Россия
s.muhin@inno.mgimo.ru*

Аннотация. Рассматривается лексика исконно английского и романского происхождения в технически ориентированном инструктивном тексте XIV в. – «Трактате об астрольбии» Джеффри Чосера. Внимание уделяется этимологическому составу лексики и влиянию этимологии на семантику терминологических единиц. Выявлена тенденция заимствований к именованию абстракций в отличие от исконной лексики, обозначающей материальные понятия. Статья может представлять интерес для специалистов по лексикологии, этимологии и истории английского языка.

Ключевые слова: среднеанглийский язык, старофранцузский язык, заимствование, лексика, терминология

Для цитирования: Мухин С. В. Этимология лексики средневекового английского трактата: на пути становления научно-технического инструктивного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 89–95.

Original article

Etymology in a Medieval English Treatise: Origins of Scientific and Technical Instruction

Sergey V. Mukhin

*Moscow State Institute of International Relations of the Foreign Ministry of Russia, Moscow, Russia
s.muhin@inno.mgimo.ru*

Abstract. The research concentrates on the vernacular and originally Romanic lexis in the 14th century technically-oriented instructive text of Geoffrey Chaucer's "Treatise on the Astrolabe". The focus is on the etymology and its influence on the semantics of technical terms. The research reveals the tendency for denoting abstractions by borrowings, contrary to native lexis denoting material concepts. The research can be of interest to specialists in lexicology, etymology and history of the English language.

Keywords: Middle English, Old French, borrowing, lexis, terminology

For citation: Mukhin, S. V. (2024). Lexis of Middle English technical text: Etymological aspect. Vestnik of Moscow State Linguistics University. Humanities, 4(885), 89–95.

ВВЕДЕНИЕ

В истории английского языка особое место занимает конец XIV века – хронологический период, когда на среднеанглийском языке были созданы произведения, которые признаются наиболее значимыми с лингвистической и литературоведческой точек зрения. Языковая ситуация, сложившаяся к этому времени на Британских островах, характеризуется определенной двойственностью. С одной стороны, долгая борьба за первенство между английским и французским языком завершилась окончательной победой первого во всех сферах общения и во всех слоях английского языкового социума. С другой стороны, тогда же достигает пика массированный приток в английский язык французских заимствований [Jespersen, 1958], что фиксируется в письменных памятниках той эпохи. Эталонными в этом отношении надо признать поэтические и прозаические произведения Джеффри Чосера (ок. 1340/1345–1400) – общепризнанного основоположника литературной нормы английского национального языка [Crystal, 2003].

Из чосеровских произведений особого внимания заслуживает «Трактат об астрольбии» («Tretys of the Astrelabie») как текст нового типа, один из первых текстов, послуживших строительным материалом при закладке фундамента будущего научно-популярного дискурса. Широко известен интерес Чосера к астрономии [Smuser, 1970]. Трактат был написан им в 1391 году и сохранился до наших дней в 22 рукописях¹. Это произведение вполне отражает преднаучное, натурфилософское видение мира, присущее Чосеру как одному из ярчайших деятелей Раннего Возрождения. В то же время лингвопрагматика данного конкретного текста обуславливает достаточно простой в понимании разговорный стиль изложения, что в плане подбора лексики обеспечивается использованием частотных единиц с общепонятным значением. Таким образом, лексический состав трактата реально отражает значимость и удельный вес лексики романского происхождения в письменной речи современной Чосеру эпохи.

Данное прозаическое произведение – своего рода подробная инструкция, имеющая конкретный адресат – 10-летнего мальчика, к которому автор обращается *Lyte Lowys my sone (мальчик Льюис, мой сын)*. Трактат представляет собой самую раннюю в истории английского языка и литературы технически-ориентированную инструкцию, в которой излагаются правила обращения с астрольбией [The

Way...] – многофункциональным устройством, которое можно было использовать как компас, часы, карту звездного неба, калькулятор и даже накопитель данных [Mitchell, 2018]. Описание этого инструмента, в трактате достаточно точно соответствует дошедшим до наших дней образцам астрольбии (см. рис. 1).

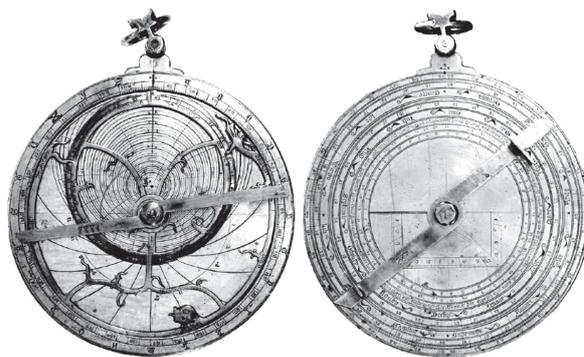

Рис. 1. «Чосеровская» астрольбия из Британского музея. Вторая четверть XIV в.

С языковой точки зрения рассматриваемое произведение ценно тем, что оно является одним из наиболее ярких средневековых образцов нового вида литературы – научно-популярной, находившейся в начале становления. В настоящем исследовании ставится цель изучить этимологический состав лексики «Трактата об астрольбии», в частности соотношение между лексикой романского и германского происхождения, определить частеречный состав исходно романской лексики и проанализировать ее семантические характеристики в сопоставлении с семантикой исконно английской лексики. Для достижения поставленных целей используются лингвистические методы этимологического и контекстуального анализа, а также анализа словарных дефиниций.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ ТРАКТАТА

В качестве примера этимологического анализа чосеровского текста рассмотрим отрывок, представляющий собой самое начало трактата. Безусловно, текст такого небольшого объема недостаточен, чтобы обеспечить высокую репрезентативность данных в объеме всего произведения, общий объем которого составляет немногим менее 15 тыс. слов. Однако анализ различных частей «Трактата об астрольбии» позволяет убедиться, что в этимологическом отношении чосеровский текст однороден и, таким образом, данные, полученные на основе приведенного отрывка, демонстрируют типичную картину пропорциональных соотношений.

¹Skeat W. The Complete Works of Geoffrey Chaucer. V. III. Oxford, 1912. URL: [https://en.wikisource.org/wiki/Chaucer%27s_Works_\(ed._Skeat\)_Vol._III/Treatise_on_the_Astrolabe_Introduction](https://en.wikisource.org/wiki/Chaucer%27s_Works_(ed._Skeat)_Vol._III/Treatise_on_the_Astrolabe_Introduction)

Lyte Lowys my sone, I aperceyve wel by certeyne evidences thyn abilite to lerne sciences touching nombres and proporciouns; and as wel considre I thy besy praier in special to lerne the tretys of the Astrelabie. Than for as mochel as a philosofre saith, "he wrappith him in his frend, that condescendith to the rightfulle praier of his frend," therefore have I latitude of Oxenforde; upon which, by mediacioun of this litel tretys, I purpose to teche the a certain nombre of conclusions aperteynyng to the same instrument. I seie a certain of conclusions, for thre causes. The first cause is this: truste wel that alle the conclusions that han be founde, or ellys possibly might be founde in so noble an instrument as is an Astrelabie ben unknowe parfitly to eny mortal man in this regioun, as I suppose. An-other cause is this, that sothly in any tretis of the Astrelabie that I have seyn there be somme conclusions that wol not in alle thinges parformen her bihestes; and somme of hem ben to harde to thy tendir age of ten yeer to conceyve. This tretis, divided in 5 parties, wol I shewe the under full light reules and naked wordes in Englissh, for Latyn ne canst thou yit but small, my litel sone.

Приведенный отрывок состоит из 215 словоформ. Этимологический анализ, проведенный с помощью трех авторитетных этимологических словарей английского языка «Barnhart Dictionary of Etymology»¹, «A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language»² и «Middle English Dictionary»³, позволяет определить, что к романским заимствованиям здесь относятся 52 словоформы (24%), представленные следующими 37 лексемами⁴:

существительные: Lowys (Луи, Льюис), evydence (признак), abilite (способность), science (наука), nombre (число), proporcioun (соотношение), praier (просьба), tretys (трактат), Astrelabie (астролябия), philosofre (философ), latitude (широта), mediacioun (посредство), conclusion (факт), instrument (прибор), cause (причина), regioun (местность), age (возраст), partie (часть), reule (правило), Latyn (латынь);

прилагательные: certeyn (явный), special (особый), tendir (нежный), mortal (смертный), noble (благородный), divided (разделенный);

глаголы: aperceyven (замечать), touchen (касаться), considren (рассматривать), condescenden (снисходить), purposen (предполагать), aperteunen (принадлежать), supposen (полагать), parformen (выполнять), conceyven (постигать);

наречия: possibly (возможно), parfitly (совершенно).

Все без исключения слова из данного списка представляют собой лексику, заимствованную из старофранцузского языка. Помимо галлицизмов, непосредственным источником заимствования которых стал старофранцузский язык, можно выделить небольшую группу лексем, заимствованных в среднеанглийский язык непосредственно из латыни, в частности названия знаков Зодиака:

Under the compas of thilke degrees ben writen the names of the Twelve Signes: as Aries, Taurus, Gemini, Cancer, Leo, Virgo, Libra, Scorpio, Sagittarius, Capricornus, Aquarius, Pisces. – Под градуированным кругом написаны названия двенадцати знаков: Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы⁵.

Таким образом, этимологически лексика трактата об астролябии делится на две группы: слова исконно английского (германского) происхождения и романские заимствования. Небольшое число единиц, непосредственным источником заимствования которых явился старофранцузский язык, уже в нем самом были заимствованы из других языков, например в приведенном списке существительное *philosofre* (*философ*) греческого происхождения, форма которого, согласно «Middle English Dictionary»⁶, указывает на то, что в среднеанглийский язык оно вошло из старофранцузского.⁷

Небольшое количество существительных, в основном имен собственных, употребляемых в тексте трактата, не являются исконно английскими или старофранцузскими. Так, в соответствии с речевыми нормами эпохи Чосер использовал арабские названия звезд, в отличие от норм

¹Barnhart R. K., ed. Barnhart Dictionary of Etymology. New York: H. W. Wilson Co., 1988.

²Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language, Amsterdam: Elsevier Scientific Publishing Co., 1971.

³Middle English Dictionary. Middle English Compendium. URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary>

⁴Существительные даются в форме общего падежа единственного числа, прилагательные – в сильной форме единственного числа, глаголы – в форме инфинитива.

⁵Зд. и далее перевод наш. – С. М.

⁶Middle English Dictionary. Middle English Compendium. URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary>

⁷Ср. в древнеанглийском существительное *philosoph* с тем же значением, позже вытесненное старофранцузской формой с агентивным суффиксом *-re*.

Таблица 1

АРАБСКИЕ НАЗВАНИЯ ЗВЕЗД В «ТРАКТАТЕ
ОБ АСТРОЛЯБИИ» И ИХ СОВРЕМЕННЫЕ
ГРЕКО-ЛАТИНСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ

Арабские названия	Греко-латинские названия
Alkab	Iota Aurigæ
Alramih	Arcturus
Alpheta	Alpha Coronæ Borealis
Alkaid	Eta Ursæ Majoris
K.Alasad	Alpha Leonis
Algomisa	Procyon
Alhabor	Sirius
Alghul	Beta Persei
Alnath	Beta Tauri
Markab	Alpha Pegasi
Alradif	Delta Cephei
Alnasir	Alpha Andromedæ

Таблица 2

РОМАНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ И ИСКОННЫЕ
ЛЕКСЕМЫ В РАССМАТРИВАЕМОМ ОТОРЫВКЕ

Романские заимствования	Исконно английская лексика
Lowys, evydence, abilite, science, nombre, proporcoun, praier, tretys, Astrelabie, filosofre, latitude, mediacioun, conclusion, instrument, cause, regioun, age, partie, reule, Latyn, certeyn, special, tendir, mortal, noble, divided, aperceyven, touchen, considren, condescenden, purposen, aperteynen, supposen, parformen, conceyven, possibly, parfitly.	lyte, sone, wel, lernen, besy, than, mochel, sayen, wrappen, frend, rightfull, haven, Oxenforde, litel, techen, same, thre, first, trusten, finden, mowen, unknowe, man, sothly, seyten, thing, biheste, harde, ten, yeer, shewen, full, light, naked, word, Englissh, can, yit, small

современного британской научно-технического дискурса, предполагающих употребление греко-латинских наименований:

Сравнивая количество словоформ старофранцузского происхождения с количеством исконно английских словоформ, принадлежащих к значимым частям речи, можно убедиться, что обе группы находятся в численном балансе. Так, в приведенном выше отрывке число значимых словоформ исконно английского происхождения равно 46 (21% от общего объема текста) – примерно равное количество со старофранцузскими – 52 (24%). Подобное

равное соотношение соблюдается в трактате, учитывая уже упоминавшуюся этимологическую однородность его текста. При этом количество исконных лексических единиц несколько меньше, чем старофранцузских – 30 против 37.

АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ ЗАИМСТВОВАНИЙ И ИСКОННОЙ ЛЕКСИКИ

Частеречная семантика лексики трактата

Как можно видеть, представленная лексика романского происхождения относится к значимым частям речи. В приведенном списке нет ни одного служебного слова. Данное обстоятельство выступает первым наблюдением относительно семантики исходно старофранцузских лексем. Нечастым исключением в этом отношении являются составные союзные и предложные образования, включающие в себя исходно значимые романские компоненты, например:

by cause that thou shalt have the gretter knowing of thyn owne instrument – **потому, что** ты должен лучше знать этот твой инструмент;

to resceyve the stremes of the sonne by day, and eke **by mediacioun of** thin eye to knowe the altitude of sterres by night – чтобы улавливать лучи солнца днем, а также **посредством** твоего зрения видеть высоту звезд ночью.

В приведенных примерах составные служебные единицы содержат в своем составе, соответственно, субстантивные компоненты старофранцузского происхождения *cause* и *mediacioun*. Таким образом, четко выраженной особенностью частеречной семантики лексического состава трактата является то, что служебная лексика практически целиком относится к исконному этимологическому слою.

Другое существенное наблюдение можно сделать, сопоставляя семантику исконных и заимствованных значимых единиц по признаку отвлеченности / конкретности. В лингвистической литературе часто параллельно используются термины «абстрактное значение» и «отвлеченное значение» по отношению к лексическим единицам, прежде всего субстантивным, которые служат обозначениями понятий, относящихся только к области умопостигаемого, понимаемого и не обладающих чувственными образами. Такие лексемы обозначают мыслительные конструкты, у которых нет чувственно осязаемых денотатов, при этом степень абстракции, обобщения в их семантике может разниться [Новицкая, 2014].

Сравнивая и, по сути, противопоставляя семантику исконных и заимствованных единиц, можно сделать наблюдение, что исконным словам в большей мере присуще конкретное значение.

Если исключить из рассмотрения имена собственные, то степень абстракции в семантике исконных лексем невелика. Сравнительно высокая степень абстракции здесь обнаруживается в существительном *bihest* (обещание), глаголе *trusten* (доверять), глаголе *towen* (мочь), прилагательном *unknowe* (неизвестный), прилагательном *rightfull* (справедливый) и наречии *sothly* (истинно), однако можно сказать, что перед нами самая обычная разговорная, повседневная, бытовая лексика, у которой имеются чувственно осязаемые либо предметно-вещественные денотаты. В наибольшей степени это относится к существительным *son* (сын), *frend* (друг), *man* (человек), *thing* (вещь), а также прилагательным, называющим качества, которые воспринимаются чувствами: *light* (легкий, зд. в значении «простой»), *small* (малый), *naked* (голый, зд. в значении «доступный») и т. п.

ТЕРМИНОЛОГИЯ ТРАКТАТА

Третьим существенным наблюдением относительно лексического состава чосеровского трактата выступает то, что его терминологический аппарат состоит в основном из старофранцузских заимствований. Рассмотрим конкретные примеры.

Thus sayn somme auctours; and somme of hem sayn that yf men clepe the **latitude** of a cuntrey **the arch meridian** that is contened or intercept bitwix the **cenyth** and the **equinoxial**, than say they that the distance fro the **equinoxial** unto the ende of a **climat** evene ageynst **the pool artik** is the **latitude** of a **clymat** forsoothe. – Так заявляют некоторые авторы, и некоторые из них утверждают, что, если называть широту местности дугой меридиана, которая содержится либо пересекается между зенитом и экватором, то тогда, говорят они, расстояние от экватора до конца климатического пояса¹ строго по направлению к северному полюсу является истинной широтой климатического пояса.

В приведенном отрывке используется ряд терминологических единиц, выделенных жирным шрифтом и относящихся к сфере астрономии

¹В данном случае автор, очевидно, прибегает к понятию «климата», «климатического пояса», введенному в употребление античными географами, согласно которым северное полушарие разделяется на определенные зоны (греч. *κλίματα*), у которых продолжительность самого длинного дня разнится с неким установленным шагом [D'Hollander, 2003].

и геофизики: *latitude* (широта), *arch meridian* (дуга меридиана), *cenyth* (зенит), *equinoxial* (экватор), *climat* (климатический пояс), *pool artik* (северный полюс). Примечательно, что все они в среднеанглийском языке представляют собой заимствования, непосредственным источником которых является старофранцузский язык. В данном контексте нет ни одного термина исконно английского происхождения.

Рассмотрим еще один пример.

The same **conclusion** sey I by the centre of eny **sterre fix** by nyght. And more over, by **experience** I wot wel that in our **orisounte**, from xi of the clokke unto oon of the clokke, in taking of a **just ascendent** in a **portatif Astrelabie** it is to hard to knowe. – То же правило я отношу к замеру по центру любой неподвижной звезды ночью. И даже по своему опыту я знаю, что на нашей широте с 11 часов до 1 часа трудно произвести точный замер высоты с помощью переносной астролэбии.

В данном контексте фиксируется употребление следующих выделенных жирным шрифтом лексем с терминологическим значением, относящихся к областям астрономии, техники и общенаучного знания: *conclusion* (правило, умозаключение), *sterre fix* (неподвижное небесное тело, звезда), *experience* (опыт), *orisounte* (горизонт), *just ascendent* (точное значение высоты), *portatif* (переносной), *astrelabie* (астролэбия). Как и в предыдущем примере, почти все данные термины являются заимствованиями, а старофранцузский язык – их непосредственным источником. Исключением здесь выступает лишь существительное *sterre* (звезда) исконно германского происхождения.

В отличие от явлений и понятий астрономии и геофизики, которые преимущественно именуются заимствованными лексемами старофранцузского происхождения, при описании технических деталей астролэбии может употребляться исконная лексика, как в приводимом ниже примере.

The **moder** of thin Astrelabye is thickest plate, perced with a large **hool**, that resceiveth in hir **wombe** the thynne plates compowned for diverse clymates, and thy **reet** shapen in manere of a nett or of a webbe of a loppe. – Главная часть твоей астролэбии – это самая толстая пластина с большим отверстием, которая содержит в себе тонкие пластины, предназначенные для различных широт, и таблицу в форме рыболовной сети или паутины.

В приведенном контексте Чосер пользуется приемом сравнения в целях описания конструктивных

деталей астролэбии. Как можно видеть, почти все они представляют собой исконные существительные, большинство из которых употреблены в терминологическом значении, причем в основе терминологизации лежит метафора: *moder* (букв. *мать* – основная часть корпуса инструмента), *hool* (*отверстие*), *wombe* (букв.: *лоно* – внутренняя часть астролэбии). Исключением здесь выступает заимствованное существительное *reet* латинского происхождения (*сеть, сплетение*), которому автор считает необходимым привести пояснение в виде сравнения с рыболовной сетью или паутиной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог исследования лексики «Трактата об астролэбии» как достаточно показательного для своей эпохи произведения в плане этимологического состава лексики, подчеркнем следующие основные наблюдения и выводы.

Во-первых, количественное соотношение исконно английской и заимствованной лексики романского происхождения находится в балансе. Это относится как к числу словоформ, так и к числу

употребляемых лексем. Подавляющее большинство иноязычной лексики состоит из единиц, заимствованных из старофранцузского языка. Такая картина наглядно свидетельствует о слиянии английской и французской (в ее англо-нормандском варианте) лингвокультур к концу XIV века.

Во-вторых, почти вся лексика, относящаяся к служебным частям речи, представлена исконными единицами. Исключением выступают составные союзы и предлоги с исходно романскими компонентами.

В-третьих, в отличие от семантики исконно английских лексем, в целом обнаруживающих тенденцию к наименованию предметов и понятий материально-вещественного мира, для романских заимствований в гораздо большей степени характерны абстрактные, отвлеченные значения.

В-четвертых, заимствованные лексемы гораздо шире, чем исконные, употребляются в качестве астрономических и геофизических терминов. В то же время при описании технических деталей астролэбии достаточно широко используются исконные существительные, терминологическое значение которых основано на метафоре.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Jespersen. Growth and Structure of the English Language. Oxford: Basil Blackwell, 1958.
2. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
3. Smyser H. M. A View of Chaucer's Astronomy. *Speculum: A Journal of Mediaeval Studies*. 1970. 3. pp. 359–373.
4. The Way to the Stars: Build your Own Astrolabe. Geoffrey Chaucer's Treatise on the Astrolabe. URL: https://www.joh.cam.ac.uk/library/library_exhibitions/schoolresources/astrolabe/chaucer
5. Mitchell J.A. Transmedial Technics in Chaucer's Treatise on the Astrolabe: Translation, Instrumentation, and Scientific Imagination // *Studies in the Age of Chaucer*. № 40. 2018. P. 1–41.
6. Новицкая И. В. Древнегерманские абстрактные существительные: когнитивные основания становления словообразовательных типов на материале готского, древневерхненемецкого и древнеисландского языков: дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2014.
7. D'Hollander R. *Sciences géographiques dans l'Antiquité: Connaissance du monde, conception de l'univers*. Paris: Association française de topographie, 2003.

REFERENCES

1. Jespersen, O. (1958). Growth and Structure of the English Language. Oxford: Basil Blackwell.
2. Crystal, D. (2003). The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Smyser, H. M. (1970). A View of Chaucer's Astronomy. *Speculum: A Journal of Mediaeval Studies*, 3, 359–373.
4. The Way to the Stars: Build your Own Astrolabe. Geoffrey Chaucer's Treatise on the Astrolabe. URL: https://www.joh.cam.ac.uk/library/library_exhibitions/schoolresources/astrolabe/chaucer
5. Mitchell, J.A. (2018). Transmedial Technics in Chaucer's Treatise on the Astrolabe: Translation, Instrumentation, and Scientific Imagination. *Studies in the Age of Chaucer*, 40, 1–41.
6. Novitskaya, I. V. (2014). Drevnegermanskije abstraktnye suschestvitelnye: kognitivnye osnovanija stanovlenija slovoobrazovatelnyh tipov na materiale gotskogo, drevneverhnenemetskogo i drevneislandskogo yazykov = Germanic Abstract Nouns: Cognitive Foundations of Word-forming Types Exemplified by Gothic, Old High German and Old Icelandic: abstract of Senior Doctorate in Philology. Barnaul. (In Russ.)

7. D'Hollander, R. (2003). Sciences géographiques dans l'Antiquité: Connaissance du monde, conception de l'univers. Paris: Association française de topographie.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мухин Сергей Владимирович

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры английского языка № 1
Московского государственного института международных отношений МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mukhin Sergey Vladimirovich

PhD (Philology)
Associate Professor of the English Language Department № 1
of Moscow State Institute of International Relations of the Foreign Ministry of Russia

Статья поступила в редакцию	21.12.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	29.01.2024	
принята к публикации	28.02.2024	

Научная статья
УДК 81.367

Язык Дж. Чосера (синтаксический аспект)

Е. Б. Павлова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
lena.pavlova@live.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные синтаксические особенности языка Дж. Чосера на примере его «Кентерберийских рассказов», порядок слов в которых отличается относительной свободой. При этом следует отметить явную тенденцию к его большей фиксированности по сравнению с древнеанглийским периодом. Язык Дж. Чосера характеризуется разнообразием сложноподчиненных предложений с широким спектром связующих элементов. Особое внимание уделяется исследованию вводных конструкций как средств установления анафорической связи.

Ключевые слова: Дж. Чосер, синтаксис, подлежащее, сказуемое, порядок слов, сложноподчиненные предложения, вводные выражения

Для цитирования: Павлова Е. Б. Язык Дж. Чосера (синтаксический аспект) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 96–103.

Original article

The Syntactic Aspect of G. Chaucer's Language

Elena B. Pavlova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
lena.pavlova@live.ru

Abstract. The article looks into the syntactic peculiarities of G. Chaucer's language. The order of words in "The Canterbury Tales" possesses considerable positional freedom, but, at the same time, is becoming more fixed. An important feature of Chaucer's language is the use of compound nominal and verbal (modal and aspective) predicates. The language of "The Canterbury Tales" is characterized by a variety of complex sentences with a wide range of connectives. Special attention is paid to parenthetical expressions as means of establishing anaphoric relations.

Keywords: G. Chaucer, syntax, subject, predicate, word order, complex sentences, parenthetical expressions

For citation: Pavlova, E. B. (2024). The syntactic aspect of G. Chaucer's language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(885), 96–103.

ВВЕДЕНИЕ

Произведения Дж. Чосера (1340–1400), величайшего автора классического среднеанглийского периода, несомненно, сыграли важную роль в формировании английского литературного языка. Язык Дж. Чосера по праву считается образцом лондонского диалекта XIV века [Расторгуева, 1983]. В этой связи, классический среднеанглийский язык в его литературном оформлении приравнивается именно к языку Дж. Чосера. Выявление синтаксических особенностей произведений Чосера является ключевым для изучения синтаксиса среднеанглийского периода.

При исследовании синтаксиса английского языка в диахронном аспекте необходимо принимать во внимание изменения в области морфологии. Перестройка синтаксиса в среднеанглийский период, результатом которой явилась тенденция к использованию более фиксированного порядка слов и широкое использование предлогов, обусловлена разрушением системы склонений, характерной для древнеанглийского периода. Таким образом, трансформация морфологической системы привела к увеличению функциональных возможностей синтаксических средств [Denison, 1993; Иванова, 1973; Смирницкий, 1998].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом для статьи послужили «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера.

В статье применяются методы поверхностного и глубокого (полного) синтаксического анализа, а также проводится анализ средств выразительности речи на синтаксическом уровне. В качестве дополнительных методов используются анализ и синтез, индукция и сопоставительный анализ.

ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Для поэтического языка Дж. Чосера характерны разнообразные связующие элементы и сложно-подчиненные предложения, что позволяет речи автора литься непрерывным потоком. Часто используются придаточные причины, вводимые союзом *for*. Представляется, что такое преобладание данного типа придаточных придает обоснованность описываемым событиям и достоверность всему повествованию.

And, as I trowe, with love offended moost
That evere was any lyves creature,
For she that dooth me al this wo endure.¹ –

¹Зд. и далее цитируется по: Chaucer G. The Canterbury Tales. Moscow: Rugram, 2018.

И, как я полагаю, обижен любовью больше,
Чем какое-либо другое живое существо,
Так как именно она причиняет мне все эти
страдания.²

Придаточные причины также могут вводиться союзами *by cause, syn (sithen), that* и *for that*:

By cause he was of carpenteris craft,
A litel ire is in his herte ylaft. –
Так как он был плотником по профессии,
В его сердце осталось немного гнева.

Для обстоятельственных придаточных сравнения характерны союзы *as* и *as though*:

As he were wood, with face deed and pale,
He stirte hym up out of the buskes thikke. –
Как будто он был сумасшедшим, с лицом мертвым
и бледным,
Он выпрыгнул из густых кустов.

He cherisseth hire as though she were a queene. –
Он лелеет ее, как будто она королева.

Придаточные времени вводятся союзами *whan, er, whil, as, til, after, sith(en) (syn), as soone as*:

The moone, whan it was nyght, ful brighte shoon. –
Луна, когда была ночь, очень ярко светила.

And on the morwe, er it were dayes light. –
И утром, прежде чем рассвело.

Придаточные цели вводятся союзами *for* и *lest*:

For he sholde alwey upon hire thynke,
She yaf hym swich a manere love-drynke. –
Чтобы он всегда о ней думал,
Она дала ему такое любовное зелье,
Чтобы он умер до того, как наступило утро.

But lest that precious folk be with me wrooth,
How that he wroghte, I dar nat to yow telle –
Но чтобы благонравный народ не прогневался,
как работал он,
Я не осмелюсь вам рассказать.

Придаточные результата вводятся союзом *that*, с которым коррелирует наречие *so* в главном предложении или союзом *so that*:

And it am
That loveth so hote Emelye the brighte

²Зд. и далее перевод наш. – Е. П.

That I wol dye present in hir sighte. –
И это я люблю прекрасную Эмилию так страстно,
Что хочу умереть сейчас при виде нее.

The Millere, that for dronken was al pale,
So that unnethe upon his hors he sat. –
Мельник, который от пьянства был весь бледный,
так что едва мог сидеть на лошади.

Указанный тип придаточных предложений может вводиться посредством бессоюзной связи:

So glad he was, he nyste what to seye.
Он был так рад, что не знал, что сказать.

Придаточные уступки вводятся союзами *thogh*, *althogh*, *whoso*, *whatsoever*, *wheither*:

And haddest hire in armes at thy wille
Although thee ones on a tyme mysfille –
И она была в твоих руках, как ты того и желал,
хотя когда-то всё не ладилось.

Whoso that halt hym payd of his poverté
I holde hym riche, al hadde he nat a sherte –
Кто бы ни считал себя удовлетворенным своей
бедностью,
я считаю его богатым, хотя у него нет рубашки.

Данный тип придаточных также может вводиться посредством бессоюзной связи. При этом в придаточном наблюдается инверсия и употребляется сослагательное наклонение:

And he wol vanysse anoon
Out of the sighte of every maner wight,
And come agaun, be it by day or nyght. –
И он внезапно исчезнет
Из поля зрения каждого живого существа
И появится снова, неважно днем или ночью.

Придаточные условия обычно вводятся союзом *if*:

And if that evere ye shul ben a wyf,
Foryet nat Palamon –
И если когда-нибудь ты будешь женой,
не забудь Паламона

Кроме того, придаточные условия вводятся союзом *but* в значении современного *unless*:

“The devel,” quod she, “so fecche hym er he deye,
And panne and al, but he wol hym repente!” –
«Дьявол, – сказала она, – возьми его перед тем,
как он у умрет,

и поджаривай его на сковороде и делай всё
остальное, если он не раскается!»

Данный тип придаточных предложений также может вводиться посредством бессоюзной связи, при этом обязательной является инверсия:

Fayn wolde I doon yow myrthe, wiste I how. –
Я бы с радостью сделал вас счастливыми, если бы
знал, как.

Have thou ynogh, thee thar nat pleyne thee.
Если ты имеешь достаточно, тебе не нужно жаловаться.

Придаточные определительные вводились с помощью *that*, *which*, *which that*, *wherinne*, причем относительное местоимение *which* могло также употребляться по отношению к неодушевленным объектам:

Amonges thise povre folk ther dwelte a man
Which that was holden povrest of hem alle. –
Среди этого бедного народа жил человек,
Который считался самым бедным из всех.

Save of his brother, which that was a clerk. –
Кроме брата, который был клерком.

Придаточные дополнительные вводятся союзами *that* и *wheither*:

...Whan we thynken and consideren that we han
disserved to have hem. –
...Когда мы думаем и полагаем, что мы их заслужили.

Chese he, for me, wheither he wol lyve or dye. –
Пусть он выбирает, будет он жить или умрет.

Данный тип придаточных часто вводится посредством бессоюзной связи:

Now,” said the first, “thou knowest well we are two. –
«Итак, – сказал первый, – ты хорошо знаешь, что
нас двое».

Придаточные дополнительные после глаголов, обозначающих страх, вводятся с помощью союза *lest*:

For yet alwey the peple somewhat dredde,
Lest that the markys no wyf wolde wedde. –
Так как люди всегда, однако, немного боялись,
Что маркиз никогда не женится.

Особенности употребления придаточных предложений в произведениях Чосера отличаются

значительной свободой. Так, придаточные времени могут приобретать семантический оттенок причины:

I do vengeance and pleyn correccioun,
Whil I dwelle in the signe of the leoun. –
Я требую мести, строго наказываю,
Пока (так как) я лев по знаку зодиака.

Союз (*al*)*though*, который обычно вводит придаточные уступки, может также использоваться в придаточных условия:

Thogh I hadde been his wyf,
He sholde nat han daunted me fro drynke! –
Если бы я была его женой,
Он бы не заставил меня страхом бросить пить!

Союз *so that*, который характерен для придаточных результата, в ряде случаев вводит придаточные условия:

I took no kep, so that he liked me. –
Я не обращала внимания при условии, что он доставлял мне удовольствие.

Таким образом, для языка Дж. Чосера характерно использование разнообразных типов придаточных предложений (дополнительных, определительных и обстоятельственных), которые могли присоединяться к главному предложению как посредством союзной, так и бессоюзной связи. Использование тех или иных связующих элементов в определенных типах придаточных не было закреплено – одни и те же союзы могли использоваться для присоединения различных типов придаточных предложений.

ПОРЯДОК СЛОВ

Порядок слов в произведениях Чосера отличается значительной свободой. Сказуемое часто располагается перед подлежащим. Здесь возможны следующие модели:

Pred. + Adv. mod. + Subj.

Was nevere trompe of half so greet a soun. –
Никогда не было трубы более сильной по звучанию.

Adv. mod. + Pred. + Subj.

First on the wal was peynted a forest. –
Сначала на стене был нарисован лес.

Между сказуемым и подлежащим могут располагаться обстоятельства.

At nyght was come into that hostelrye
Wel nyne and twenty in a compaignye
Of sondry folk, by aventure yfalle. –
Ночью пришла в трактир компания из двадцати
девяти человек,
Случайно подружившихся,
И все они были пилигримами.

При этом после обстоятельства возможен и прямой порядок слов, особенно, если подлежащее выражено местоимением:

...and into ship she wente. –
...и на корабль она взшла.

В составном именном сказуемом именная часть может располагаться перед глаголом-связкой, при этом порядок следования подлежащего и сказуемого может быть как прямым, так инвертированным.

Predicative + Link verb + Subj.

Ful worthy was he in his lordes were
And therto hadde he riden, no man ferre. –
Очень достойно он проявил себя на войне своего
господина
И ездил так далеко, как ни один человек.

Predicative + Subj. + Link verb

The senatoures wyf hir aunte was. –
Жена сенатора была ее тетей.

Дополнение часто располагается в начале предложения, перед подлежащим и сказуемым.

Obj. + Pred. + Subj.

Ful many a deyntee hors hadde he in stable –
У него было много хороших лошадей в конюшне.

Прямой порядок слов после дополнения в начальной позиции также возможен.

Obj. + Subj. + Pred.

And Frenssh she spak ful faire and fetisly. –
По-французски она говорила хорошо и элегантно.

Определение может находиться в постпозиции по отношению к определяемому слову, а также располагаться на определенном расстоянии от него:

Estward ther stood a gate of marbul whit. –
В восточной части находились ворота из белого
мрамора.

Порядок следования компонентов аналитических форм также отличается определенной свободой.

Adv. mod. + auxiliary + Subj. + Part. I (Part. II) of the notional verb

At mortal batailles hadde he been fifteen. –
Он побывал на пятнадцати смертельных битвах.

Part. I (Part. II) of the notional verb + Subj. + auxiliary

Syngyng he was, or floytyng, al the day. –
Пел он и играл на флейте весь день.

Part. I (Part. II) of the notional verb+ auxiliary + Subj.

And stolen were his lettres pryvely. –
И его письма были тайно украдены.

Между вспомогательным глаголом и причастием смыслового глагола могут располагаться другие члены предложения:

This senatour is to kyng Alla go
To feste. –
Этот сенатор пошел к королю Алле
На праздник.

В формах перфекта, образованных с помощью вспомогательного глагола *han*, который в 3-м лице единственного числа имеет форму *hath*, прямое дополнение может располагаться между вспомогательным глаголом и причастием:

And she
Hath every chambre arrayed and his hall. –
И она
Подготовила каждую комнату и его зал.

При прямом порядке слов между подлежащим и сказуемым могут располагаться другие члены предложения.

The statue of Mars upon a carte stood. –
На колеснице стояла статуя Марса.

Таким образом, порядок слов в произведениях Дж. Чосера отличается значительной свободой. Так, сказуемое может располагаться перед

подлежащим; после обстоятельства, наряду с прямым, возможен инвертированный порядок слов; дополнение может располагаться перед подлежащим и сказуемым; определение может располагаться на определенном расстоянии от определяемого слова; порядок следования компонентов аналитических форм не является фиксированным.

Несмотря на относительную свободу порядка слов в произведениях Дж. Чосера, для них уже характерна тенденция к его большей фиксированности. Так, для языка Чосера уже не свойственно расположение предиката в конце придаточных предложений, а дополнения больше не занимают позицию между подлежащим и глаголом-сказуемым.

ТИПЫ СКАЗУЕМЫХ

Для языка Чосера характерно использование составных именных и составных глагольных сказуемых: комбинаций модальных и аспектных глаголов с инфинитивами.

How myghty and how greet a lord is he! –
Какой он могущественный и великий господин!

Paraventure it may the bettre be. –
Это, возможно, лучшее.

Именная часть составного именного сказуемого усложняется за счет использования предложных сочетаний и сравнительных структур:

Al ful of chirkyng was that sory place. –
Это печальное место было полно скрипа.

As piled as an ape was his skulle. –
Его череп был лысым, как обезьяна.

В произведениях Чосера также встречается составное именное двойное сказуемое, состоящее из полнозначного глагола (вместо глагола-связки) и именной части, выраженной прилагательным:

Sik lay the maunciple on a maladye. –
Эконом лежал, страдая от болезни (лежал больной).

Таким образом, язык Дж. Чосера отличается употреблением составных сказуемых, что свидетельствует о постепенном усложнении синтаксической системы по сравнению с древнеанглийским периодом.

ТИПЫ ПОДЛЕЖАЩИХ И ДОПОЛНЕНИЙ

Подлежащее приобретает более широкий спектр значений. В употребление входит так называемое

пассивное подлежащее, которое может обозначать реципиента действия:

And afterward this knyght was bode appeere. –
И после этого этому рыцарю было приказано явиться.

Расширяется сфера использования формального подлежащего *it*. Для произведений Дж. Чосера характерно использование как безличного, так и вводящего *it*.

It is nat honest; it may nat avaunce
For to deelen with no swich poraille. –
Нечестно и, возможно, невыгодно
Иметь дело с бедными людьми,

It snewed in his hous of mete and drynke –
В его доме было изобилие еды и питья
(букв. 'шел снегопад из еды и питья').

It fel that in the seventhe yer, of May. –
Случилось, что в седьмой год, в мае.

Для языка Дж. Чосера характерно использование безличных структур типа *Me thinketh*:

But greet harm was it, as it thoughte me. –
Это был большой вред, как мне казалось.

Upon a nyght in sleep as he hym leyde,
Hym thoughte how that the wynged god Mercurie
Befor him stood. –
Однажды ночью, когда он укладывался спать,
Ему показалось, что крылатый бог Меркурий
Перед ним стоял.

В единичных случаях уже употребляются личные предложения типа *I thynke*:

I laughe whan I thynke
How pitously a-nyght I made hem swynke! –
Я смеюсь, когда я думаю о том,
как ужасно я заставляла их работать по ночам!

Для произведений Чосера характерно использование предложений с формальным подлежащим *ther* для обозначения существования объектов в мире или наличия объектов в определенном месте. *Ther* в ряде случаев может употребляться с более широким спектром глаголов, и не только с глаголами существования и наличия:

Nat fer fro Cantebrigge
Ther gooth a brook, and over that a brigge,
Upon the whiche brook ther stant a melle. –

Недалеко от Кембриджа течет ручей,
через него расположен мост,
на этом ручье стоит мельница.

And ny the castel swiche ther dwelten three. –
И рядом с замком жили трое таких (христиан).

В ряде случаев структуры с формальным подлежащим *ther* оказываются синонимичными со структурами с формальным *it*, что свидетельствует о том, что употребление данных типов формальных подлежащих еще не является полностью фиксированным:

Ther fil, as it bifalleth tymes mo. –
Случилось так, как случается много раз.

Таким образом, важной синтаксической особенностью языка Дж. Чосера является использование формальных подлежащих *it* и *ther*, при этом в ряде случаев данные подлежащие конкурируют друг с другом, и их употребление еще не является полностью фиксированным.

Несмотря на частое употребление в произведениях Дж. Чосера безличных конструкций типа *Me thinketh* в них уже начинают употребляться личные структуры типа *I thynke*, что свидетельствует о тенденции к аналицизму, проявляющейся на синтаксическом уровне.

В произведениях Чосера часто встречаются сложные дополнения (комбинации существительных или местоимений с причастиями и инфинитивами после глаголов чувственного восприятия и глаголов *let* и *make*):

Whan Palamon the larke herde synge. –
Когда он услышал, как поет жаворонок.

And al above, depeynted in a tour,
Saugh I Conquest, sittynge in greet honour. –
И в самом верху, нарисованного в башне,
увидел я Завоевателя, сидящего в почете.

Ye, lat the children pleye. –
Да, позвольте детям играть.

Употребление сложных дополнений, а также расширение спектра глаголов, после которых они используются, свидетельствует об усложнении синтаксиса среднеанглийского периода.

ВВОДНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Для произведений Дж. Чосера характерно употребление вводных конструкций, которые могут

выражать отношение автора к описываемым событиям, придавать им большую достоверность или делать повествование логически структурированным:

That a monk, whan he is recchelees, is likned til a fissh
that is waterlees –
This is to seyn, a monk out of his cloystre.
Что монах, пренебрегающий правилами, как рыба
без воды, то есть, как монах вне монастыря.

This is the poynt, to speken short and pleyn
В этом суть, если говорить коротко и ясно.

And shortly to concluden al his wo,
So muche sorwe hadde nevere creature.
И если коротко рассказать о его страданиях,
столько печали не испытывало ни одно существо.

When he endured had a year or two
This cruel torment, and this pain and woe,
At Thebes, in his country, as I sayde,
Когда он претерпел год или два
эти жестокие муки, эту боль и это горе
в Фивах, в своей стране, как я говорил...

В последнем примере вводная конструкция является средством отсылки к ранее сказанному:

When that Arcite to Thebes comen was,
Full oft a day he swelt, and said, "Alas!"
For see this lady he shall never mo'.
Когда Аркита приехал в Фивы,
Он целый день умирал и говорил «Увы»,
Ибо эту даму он никогда не увидит.

Вводные конструкции являются важными средствами акцентирования определенных фактов, привлечения внимания читателя к сообщаемому. Кроме того, выступая в качестве способов выражения анафорической связи, они способствуют созданию когезии (внутренней структурной связности) текста.

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

В произведениях Дж. Чосера часто встречается двойное (или тройное) отрицание, которое употребляется автором для эмфазы и может рассматриваться в качестве выразительного синтаксического средства; в других случаях используются структуры с одним отрицанием:

He nevere yet no vileynye ne sayd
In al his lyf unto no maner wight.
Он никогда еще не говорил грубостей

в своей жизни ни одному человеку.

Wel koude she carie a morsel and wel kepe
That no drope ne fille upon hire brest.
Она хорошо умела подносить кусок (еды) ко рту
и заботилась о том,
Чтобы ни одна капля не упала ей на грудь.

Ther nas no man nowher so virtuous
Нигде не было человека более добродетельного.

Важной синтаксической особенностью литературного языка Дж. Чосера является многосоюзие (повторение союзов в качестве стилистического приема для эмфазы):

He koude rooste, and sethe, and broille, and frye.
Он умел жарить и парить, и варить, и запекать.

They ete, and drynke, and daunce, and syng, and pleye.
Они едят и пьют, и танцуют, и поют, и играют.

Таким образом, согласно проведенному анализу, основными выразительными синтаксическими средствами в языке Дж. Чосера являются многосоюзие и двойное (тройное) отрицание, которые делают высказывание стилистически маркированным, отличным от нейтрального способа его изложения. Случаев эмфатической инверсии выявлено не было. Инвертированный порядок слов является проявлением его относительной свободы, свойственной классическому среднеанглийскому периоду, и не несет стилистической окраски.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для языка Дж. Чосера характерны следующие синтаксические особенности:

- 1) спектр значений подлежащего расширяется. Наряду со смысловыми подлежащими, широко используются формальные подлежащие *it* и *ther*. При глаголе в страдательном залоге подлежащее может обозначать как деятеля, так и реципиента действия;
- 2) в языке Дж. Чосера широко представлены безличные структуры типа *Me thinketh*, однако наряду с ними, уже используются личные предложения типа *I thynke*;
- 3) в «Кентерберийских рассказах» широко используются составные именные и глагольные сказуемые. Структура именной части становится более сложной;
- 4) порядок слов в произведениях Дж. Чосера характеризуется значительной степенью свободы. Однако при этом достаточно ярко проявляется тенденция к его большей фиксированности –

глагол-сказуемое уже не располагается в конце придаточных предложений, а дополнения не занимают позицию между подлежащим и сказуемым;

5) язык Дж. Чосера характеризуется разнообразием сложноподчиненных предложений с широким спектром связующих элементов. При этом позиция придаточных предложений относительно главного предложения, а также употребление связующих элементов не являются фиксированными, обладая большой степенью свободы;

6) для языка Дж. Чосера характерно двойное (или тройное отрицание), которое используется автором для эмфазы;

7) в «Кентерберийских рассказах» широко представлены вводные выражения как средства установления анафорической связи.

В заключение следует отметить, что хотя язык Дж. Чосера, несомненно, является наиболее ярким образцом лондонского диалекта, следует проводить различие между общими чертами синтаксической системы анализируемого периода и индивидуальными особенностями поэтических произведений Дж. Чосера. С целью выявления подобных различий следует провести комплексный сравнительный анализ литературных памятников среднеанглийского периода.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Adv. mod. – adverbial modifier

Obj. – object

Part. I – participle I

Part. II – participle II

Pred. – predicate

Subj. – subject

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Расторгуева Т. А. История английского языка. М.: Высшая школа, 1983.
2. Denison D. English Historical Syntax: Verbal Constructions. L.: Longman, 1993.
3. Иванова И. П. Хрестоматия по истории английского языка: пособие для студентов педагогических институтов. Л.: Просвещение, 1973.
4. Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык. М.: МГУ, 1998.

REFERENCES

1. Rastorgueva, T.A. (1983) A History of English. Moscow: Vyššaja škola.
2. Denison, D. (1993) English Historical Syntax: Verbal Constructions. London: Longman.
3. Ivanova, I.P. (1973). Xrestomatiya po istorii anglijskogo yazy`ka = A reader in the history of English: A handbook for students of pedagogical faculties. Leningrad: Prosveshhenie. (In Russ.)
4. Smirnickij, A.I. (1998) Drevneanglijskij yazy` = The old English language. Moscow: The Publishing House of Moscow State University (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павлова Елена Борисовна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка

Московского государственного лингвистического университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavlova Elena Borisovna

PhD (Philology), Associate Professor

Assistant Professor at the Department of Grammar and History of the English Language

Faculty of the English language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

22.12.2023
26.01.2024
28.02.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 811.134.2

Frijolero: формирование метаобраза в языковой картине мира мексиканца

Е. А. Попова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
o-genia@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается экспрессивная этнономинация в мексиканском национальном варианте испанского языка. Проводится лингвоимагологический анализ этнофолизма *frijolero* и метаобраза, связанного с его переосмыслением в мексиканской национальной картине мира. Особое внимание уделяется зависимости его семантики от этнических стереотипов. Делается вывод о том, что развитие указанного метаобраза может идти как по пути семантической мелиоризации, так и нарочитой гиперболизации негативных коннотаций.

Ключевые слова: испанский язык, метаобраз, экспрессивный этноним, семантика, стереотип

Для цитирования: *Frijolero*: формирование метаобраза в языковой картине мира мексиканца // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 104–110.

Original article

Frijolero: Shaping a Meta-Image in the Mexican Linguistic Worldview

Evgeniya A. Popova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
o-genia@yandex.ru

Abstract. The article deals with expressive ethnic nomination in the Mexican national variant of Spanish. It carries out a linguistic and imagological analysis of the ethnophaulism *frijolero* and the meta-image associated with its reinterpretation in the Mexican national worldview. Particular attention is paid to the development of semantics of the unit under investigation, which depends on ethnic stereotypes. The article concludes that the meta-image can be formed either by means of semantic melioration or deliberate hyperbolization of negative connotations.

Keywords: Spanish language, meta-image, expressive ethnonym, semantics, stereotype

For citation: Popova, E. A. (2024). *Frijolero*: Shaping a Meta-Image in the Mexican Linguistic Worldview. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(885), 104–110.

ВВЕДЕНИЕ

Экспрессивные этнонимы (*далее ЭЭ*) как лексические единицы, обладающие эмоциональной окраской и выражающие оценочное отношение к себе и другим (гордость, уважение, или, наоборот, пренебрежение, презрение), выступают важным элементом в процессе создания образов, изучаемых в рамках лингвистической имагологии. Степень экспрессивности этнонима и его идентификационной окраски может варьироваться в зависимости от контекста использования, социокультурной обстановки и отношения говорящего к собственной этничности. Понимание прагматической подобности лексем актуально для изучения языкового поведения этнических групп, использующих ЭЭ для авто- или гетерономинации, а также языковых средств, с помощью которых «происходит отображение разных степеней отчужденности авто- и гетерообраза, а именно образа «иноного», «чужого» и «образа врага» [Камалова, 2020, с. 163].

Понимание носителями одной культуры того, какими их видят представители другой культуры, в имагологии обозначается термином «метаобраз» [Leerssen, 2007]. Цель настоящей статьи – проследить процесс формирования метаобраза, выраженного экспрессивным этнонимом *frijolero* в испанском языке, с точки зрения его языковой структуры, семантики и культурных ассоциаций. Основанием для выбора указанной лексической единицы стала популярность в испаноязычной среде песни мексиканской рок-группы «Molotov» с одноименным названием, которая не снижается, несмотря на двадцатилетнюю историю композиции (вышла в 2003 г.), подчеркивая сложность мексиканско-американских отношений *amor (y) odio* – сочетания взаимной любви и ненависти, тесной связи и зависимости друг от друга, (например, работы А. А. Манухина, В. Н. Селиванова, В. П. Сударева, П. П. Яковлева). Их языковая репрезентация также является предметом изучения в трудах ряда отечественных испанистов – И. В. Гусевой, Н. Ф. Михеевой, О. С. Чесноковой и др.

В качестве материала для данного исследования, помимо вышеупомянутой песни, используются словари Королевской академии Испании (RAE)¹, английский онлайн-словарь этнофолизмов «The Racial Slur Database»² и подкорпус Web / Dialectos (создан в 2016 г.) лингвистического корпуса Corpus del Español М. Дэвиса³. Его выбор, во-первых, обусловлен объемом, почти в 10 раз превышающим самый крупный и современный корпус CORPES

XXI Академии RAE. Во-вторых, база данных, включающая интернет-ресурсы из 21 испаноязычной страны, пользуется неоспоримым преимуществом в процессе лингвоимагологического анализа.

ПРАГМАСЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭТНОНИМА *FRIJOLERO*

При анализе семантических особенностей лексики *frijolero* необходимо, в первую очередь, разграничить ее первичное, прямое значение от вторичного – переносного, ставшего основанием для экспрессивной этнической номинации. Авторитетные словари испанского языка фиксируют следующие дефиниции:

- 1) Col. Persona que cultiva frijoles o negocia con su fruto⁴. (В Колумбии: человек, который выращивает фасоль или имеет дело с ее плодами)⁵;
- 2) Mx, Gu, Ho, ES, Ni. Referido a persona, que le gusta comer frijoles⁶ (В Мексике, Гватемале, Гондурасе, Сальвадоре, Никарагуа: используется по отношению к человеку, которому нравится есть фасоль).

Из приведенных определений видно, что, во-первых, они относятся к прямому значению лексической единицы, образованной от существительного *frijol(es)* – *фасоль* с помощью агентивного суффикса *-ero*. Во-вторых, оба толкования сопровождают пометы латиноамериканских национальных вариантов испанского языка, поскольку в Латинской Америке фасоль имеет множество видов, является частью национального алиментарного кода и обозначается целым рядом межвариантных синонимов: *frijoles, frijoles, frejoles, fréjoles, porotos, habas, judías, alubias...* Вариант *frijol* характерен в основном для Мексики и стран Центральной Америки.

Именно любовь мексиканцев, проживающих в США, к фасоли стала поводом для насмешек со стороны «гринго» (так американцев именуют в большинстве испаноязычных стран), что привело к возникновению в американском варианте английского языка многочисленных экспрессивных этнонимов с корнем *bean* (*фасоль*) и уничижительными коннотациями. Приведенные ниже примеры взяты нами из словаря этнофолизмов «The Racial Slur Database»⁷:

- Bean Bandit (*букв.* ‘фасолевый бандит’):

⁴Diccionario de la lengua española. (Толковый словарь DRAE). URL: <https://dle.rae.es/frijolero> (дата обращения: 15.12.2023)

⁵Зд. и далее перевод наш. – Е. П.

⁶Diccionario de americanismos (Словарь американизмов RAE-amer). URL: <https://www.asale.org/damer/frijolero> (дата обращения: 15.12.2023).

⁷URL: <http://www.rsd.org/races#hispanics> (дата обращения: 15.12.2023).

¹URL: <https://www.rae.es/> (дата обращения: 15.12.2023).

²URL: <http://www.rsd.org/races> (дата обращения: 15.12.2023).

³URL: <https://www.corpusdelespanol.org/web-dial/> (дата обращения: 15.12.2023).

They eat beans. – Они [представители латиноамериканских стран] едят фасоль.

- **Bean Burrito** (букв. 'буррито из фасоли'): Common Hispanic food is bean burritos and the coloring of the beans is similar to the coloring of their skin. – Название повседневной пищи в странах Латинской Америки, а также сравнение цвета фасоли с цветом кожи жителей этих стран.
- **Beanbag** (букв. 'сума / мешок с фасолью'): Another slur based on the Hispanics consumption of beans. – Еще одно оскорбление, основанное на «фасолевого диеты» жителей Латинской Америки.
- **Beaner / Bean Eater** (букв. 'поедатель фасоли'): Because they are known to have a lot of beans in their diet and are also hired many times to pick beans for (sometimes less than) minimum wage. – Они включают много фасоли в свой рацион, а также их часто нанимают для сбора урожая фасоли за мизерную оплату труда, которая иногда бывает даже ниже минимально возможной.
- **Beaner Ball** (букв. 'фасолевый мяч'): Soccer is quite popular in Mexico and South America. – Футбол – популярный вид спорта в Мексике и Южной Америке.
- **Beaniard** (букв. 'фасолец'): Refers to the Spanish origin "Spaniard" mixed "Bean", with a common food in many Mexican dishes. – Намекает на испанское происхождение латиноамериканцев, контаминация слов *испанец* и *фасоль* – типичный продукт мексиканской кухни.

В лингвистической имагологии языковым средствам, актуализирующим ярлыки, мифологемы, стереотипы, отводится ведущая роль при создании образа «врага», а этнонимы и лексика, обозначающая зрительную перцепцию, играют ключевую роль в репрезентации образа «чужого» [Камалова, 2020]. Исходя из объяснения оснований для возникновения этнофолизмов, которые предлагает указанный словарь, мы наблюдаем все перечисленные способы дегуманизации образа представителей латиноамериканских стран (*Hispanics*), прежде всего мексиканцев, проживающих на территории США. Через метафорический и метонимический перенос (а с точки зрения словообразования – с помощью суффиксации, словосложения разных типов и контаминации) сознание американцев рисует крайне негативный гетерообраз: «любители фасоли» ассоциируются с нищетой,

преступностью, ограниченностью, в отношении их действует расовая дискриминация.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что переносное значение лексемы *frijolero* и ее актуализация в качестве экспрессивного этнонима появились посредством кальки английского этнофолизма *beaner* (*bean eater*) в мексиканском национальном варианте испанского языка. Корпус М. Дэвиса подтверждает именно мексиканское переосмысление ее семантики: из 96 вхождений (поиск проводился по всем возможным формам слова), обнаруженных в интернет-источниках 17 испаноязычных стран (включая испанский язык на территории США), 35 примеров (37%) относятся к испанскому языку Мексики, из них в нейтральном прямом значении, зарегистрированном в словарях, – только 1. Из оставшихся вхождений прямое значение *frijolero* имеется в 30 случаях, в 2 примерах экспрессивно окрашенный этноним используется по отношению ко всем жителям Латинской Америки, в 29 – по отношению к мексиканцам.

Интересно отметить, что треть примеров не из Мексики (10 из 29) представляет собой отсылки к обсуждению песни группы «Molotov», что является доказательством постепенного проникновения метаобраза мексиканца («я знаю, каким меня видят другие, но горжусь тем, что я именно такой») в сознание жителей соседних стран. Развитие метаобраза также характеризуется сменой коннотаций с отрицательных на положительные, чаще – через иронию. Так, в большинстве примеров корпуса с пометой US (источники на испанском языке в США) при гетерономии этноним *frijolero* сочетается с дерогативно маркированной лексикой:

pueblo hambriento (голодающий народ) y frijolero;
maricón (зруб. гомосексуалист) frijolero;
pinche (проклятый) frijolero;
olor frijolero de un hombrecillo medio borracho
(запах фасоли от полупьяного человечки) и др.

Тем не менее хотя сами мексиканские исследователи относят понятие *frijolero* к мексиканцам, которые едут работать в Штаты в качестве дешевой рабочей силы, и четко разграничивают его от термина «chicano» (проживающие здесь потомки мексиканских мигрантов, для которых все чаще используется нейтральный политкорректный этноним *mexicoamericano* – *американец мексиканского происхождения*) [Rodríguez Ortiz, 2011], в корпусе также можно встретить ироничные контексты употребления данного ЭЭ в Штатах с ноткой дружеского подтрунивания. В качестве примера приведем цитату из блога перуанского преподавателя, живущего в США:

Los mexicanos pueden jactarse lo que quieran de ser frijoleros netos... – Мексиканцы могут сколько угодно хвастаться тем, что являются истинными ценителями фасоли...¹

Что касается автономии, т. е. высказываний мексиканцев о самих себе, ЭЭ *frijolero*, согласно данным корпуса, может употребляться как с положительной оценкой (*frijolero más poderoso del mundo – самые могущественные любители фасоли в мире*), так и в контексте попыток нейтрализации отрицательного отношения:

Los americanos no discriminan al mexicano llamándolo frijolero jaja ¿cómo? Si frijol es un alimento... – Нет дискриминации в том, что американцы называют мексиканцев поедателями фасоли, ха-ха, как это возможно, если фасоль – это еда...

Так происходит переосмысление образа через язык и культурные концепции.

МЕТАОБРАЗ *FRIJOLERO* В ПЕСНЕ ГРУППЫ «МОЛОТОВ»

Сложность и противоречивость мексиканско-американских отношений обусловлена многими факторами, поскольку «два абсолютно разных по менталитету народа оказались связаны общей границей и общими проблемами» и вынуждены находить пути выстраивания взаимовыгодного сотрудничества [Лукашук, 2019, с. 53]. Существенная разница в уровне экономического развития двух стран влияет на неуважительное поведение США в отношении южного соседа, что нашло отражение как в языке, так и в национальном сознании мексиканцев.

Песня «Frijolero» остается у группы «Molotov» одной из самых известных в связи со злободневностью тем, поднимаемых в ее тексте, среди которых – расизм, незаконный оборот наркотиков, вмешательство США во внутреннюю политику других стран, «техасский вопрос» и др. Автором песни является барабанщик группы Рэнди Эбрайт – американец, который, женившись на мексиканке, стал вместе с семьей подвергаться дискриминации со стороны сограждан. Например, в аэропорту его попросили показать вещи, а также – открыть подгузник дочери, чтобы проверить, не провозят ли они запрещенные вещества, только из-за того, что его жена и дочь выглядят как «латиносы». По словам Эбрайта, его постоянно проверяют и допрашивают (в оригинальной цитате используется более

¹URL: <https://mecaseconunagringa.blogspot.com/2008/07/fiestas-patrias-en-fiesta.html> (дата обращения: 15.12.2023).

резкое слово, примерно переводимое как *шмонают*) на таможне, видя, что у его дочери латинская фамилия матери, а жене вообще приходится стоять в отдельной очереди:

Me 'basculean' (revisan) en la aduana solo porque ven que mi hija tiene un apellido materno latino... Mi esposa tiene que ir en una fila diferente a la mía y me interrogan siempre².

Напомним, что важной ступенью формирования метаобраза является переосмысление межнациональных и межкультурных отношений и их отражения в языке лидерами мнений в публичном пространстве (СМИ, блоги и комментарии к ним, художественная литература и литературная публицистика, киноиндустрия и др.). Раскрытие остросоциальных тем музыкальными группами полностью соответствует данной концепции. Ниже мы рассмотрим основные средства создания метаобраза, которые используются в композиции «Frijolero».

Стоит отметить, что большая часть песни исполняется на испанском языке с американским акцентом, а нарочито ломаная речь, по утверждению С. Д. Камаловой, является одним из способов создания образа «врага» в художественной литературе [Камалова, 2020]. Тем самым Эбрайт как бы «отзеркаливает» и высмеивает отношение американцев к мексиканцам с точки зрения превосходства. Эту же цель, на наш взгляд, преследует куплет и часть припева, которые поются на английском языке от лица американца.

Песня написана в форме диалога, в котором мексиканец высказывает американцу всё, что думает о стереотипах, укоренившихся в его сознании, и предлагает пересмотреть его отношение к собственным амбициям³. Так, в первых же строках: *Yo ya estoy hasta la madre / de que me pongan sombrero* (букв. 'Меня достало, что на меня постоянно надевают сомбреро') – мы видим эмоционально окрашенное выражение *estar hasta la madre*, характерное именно для мексиканского национального варианта испанского языка, а также отсылку к стереотипу о том, что все мексиканцы обязательно носят сомбреро.

Второй стереотип, подвергаемый критике, – отношение к мексиканцам как наркоторговцам и постоянные обвинения Мексики в наркотрафике,

²URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OnTVZapPbxE> (дата обращения: 15.12.2023).

³Полный текст песни: <https://genius.com/Molotov-frijolero-lyrics>; официальный клип к песне: <https://www.youtube.com/watch?v=8iJMOB-cPQug> (дата обращения: 15.12.2023).

хотя США сами являются крупнейшим рынком сбыта запрещенных веществ:

Aunque nos hagan la fama
De que somos vendedores
De la droga que sembramos,
Ustedes son consumidores

букв. 'Даже если вы клеймите нас, что мы производим и продаем наркотики, именно вы их употребляете.'

Здесь же мы наблюдаем обвинение Америки в попытках усилить доллар за счет вмешательства во внутреннюю политику других стран, разжигания войн и продажи оружия:

No metamos las narices,
Nunca inflamamos la moneda
Haciendo guerra a otros países

букв. 'Мы хотя бы не суем нос в чужие дела, мы никогда не «раздуваем» свою валюту, устраивая войны в других странах.'

Герой-мексиканец прямо называет американского оппонента расистом (*racista*) и трусом (используя грубое определение *culero*), предполагая, что все выпады США в сторону Мексики обусловлены страхом по отношению к южному соседу: *te sacaré un susto* (данное выражение, в отличие от пиренейского *dar un susto*, также характеризует мексиканский национальный вариант испанского языка). Дискриминация в Штатах людей латиноамериканского происхождения по расовому признаку метафорически описывается и в строках, которые, что примечательно, мексиканец поет по-английски, пытаясь таким образом более доходчиво объяснить оппоненту свою точку зрения:

Now I wish I had a dime
For every single time
I've gotten stared down
For being in the wrong side of town

букв. 'Теперь я хочу, чтобы мне платили каждый раз, когда косо на меня смотрят за то, что я нахожусь не в той части города'¹.

Еще одним средством формирования образа взаимной непримиримой вражды являются лексико-грамматические кальки на двух языках, создающие эффект яростного спора на эмоциях без аргументов и возможности услышать друг друга, ср.:

¹Имеются в виду так называемые районы для белых, более обеспеченных слоев населения.

Don't call me gringo
You fuckin' beaner
vs. No me llames frijolero
Pinche gringo puñetero

букв. 'Не называй меня *gringo*, ты, проклятый *frijolero*
vs. Не называй меня *frijolero*, ты, проклятый *gringo*.'

Подчеркнем, что мы даем максимально литературный перевод потока очень резких, грубых, иногда – обценных определений, которые сопровождают и без того негативно окрашенные этнонимы на протяжении всей песни.

Аллюзия на еще один этнофолизм *wetback* (испанская калька – *espalda mojada* – *мокрая спина*) встречается в позиции американца:

Stay on your side
Of that goddamn river

букв. 'Оставайся на своей стороне той проклятой реки'

Здесь поднимается проблема мексиканской нелегальной иммиграции путем пересечения вплавь границы США, проходящей по реке Рио-Гранде (испанское название – Рио-Браво), поскольку в родной стране часто нет работы и, следовательно, возможности прокормить семью.

Мексиканец в ответ пытается воззвать к совести оппонента, спрашивая, называл бы он его «бесплезным нелегалом» (*good for nothing wetback*), если бы ему самому пришлось пересекать границу, чтобы начать жизнь с нуля, думая лишь о своей семье и уворачиваясь от пуль:

¿Podrás imaginarte desde afuera
Ser un mexicano cruzando la frontera
Pensando en tu familia mientras que pasas
<...>
Si tuvieras tú que esquivar las balas <...>
Si tuvieras tú que empezar de cero?

В связи с этим он также апеллирует к историческим фактам о том, что многие территории современных США (Калифорния, Техас, Невада, Юта, Нью-Мексико, частично – Аризона, Колорадо, Оклахома, Канзас и др.) являются исконно мексиканскими землями, которые в XIX веке Мексика потеряла из-за политики тогдашнего президента Санта-Анны:

If not for Santa Ana, just to let you know
That where your feet are planted would be Mexico.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что метаобраз *frijolero* в данном случае

строится не на иронии и семантических сдвигах в сторону положительной оценки, как в некоторых приведенных выше примерах из корпуса М. Дэвиса, а наоборот – на гиперболизации и семантической пейоратизации, эксплицируя обвинение американцев в супремасизме по отношению не только к Мексике, но и к Латинской Америке в целом и шире – ко всему миру. Экспрессивная этническая номинация становится ядром образа «чужого» и в определенной степени – «врага», на котором строится в песне языковая реализация дихотомии «США – Мексика».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Метаобраз в лингвистической имагологии – это абстрактное представление о сущности или характере определенного объекта, понятия или явления, которое формируется через язык и культурные концепции. Говоря о метаобразе, мы обращаем внимание на то, как определенный объект воспринимается и интерпретируется в различных культурных и языковых контекстах. Исследования в области лингвистической имагологии помогают нам понять, как языковые структуры и культурные нормы влияют на формирование метаобразов и их толкование в рамках различных сообществ, что имеет первостепенное значение как для понимания особенностей межъязыковой и межкультурной коммуникации, так и в сфере перевода и обучения иностранному языку.

Экспрессивные этнонимы, являясь наглядным средством формирования метаобраза, могут

вызывать разные ассоциации у носителей разных языков и культур. Их переосмысление может влиять на самоощущение этнических, социальных, территориальных и иных групп, мотивирует на борьбу с авто- и гетеростереотипами. Этнофоллизм *frijolero*, отражающий резко отрицательное отношение США к мексиканцам, находящимся на их территории (включая легально проживающих в Штатах) проходит ряд шагов на пути развития соответствующего метаобраза. Так, первой ступенью становится калькирование из английского языка, в котором появился ЭЭ *beaner*. Далее наблюдается постепенное вытеснение метафорическим прямым значением лексемы *frijolero* не только из мексиканского, но и из других национальных вариантов испанского языка, о чем свидетельствует анализ ее актуализации в лингвистическом корпусе.

Наконец, происходит популяризация этнонима в остросоциальной песне известной группы. Примечательно, что с точки зрения национального состава ее участников, группа является мексиканско-американской. Разногласия и противоречия между двумя совершенно разными, но тесно связанными между собой странами корнями уходят глубоко в историю, а языковая репрезентация мексиканско-американских отношений через метаобразы, играя важную роль в формировании представлений о мире и взаимодействии между различными культурами, «своими» и «чужими», открывает перспективы для дальнейших исследований в области лингвистической имагологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Камалова С. Д. Образ «чужих» в мультикультурной литературе с позиции лингвистической имагологии (на материале англоязычной художественной литературе о палестино-израильском конфликте): дис. ... канд. филол. наук. М., 2020.
2. Leerssen J. Imagology: The cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey. Amsterdam: Rodopi, 2007.
3. Rodríguez Ortiz R. Deconstrucción del uso de la lengua materna en la literatura fronteriza // Semiosis. México: UNAM, 2011. Vol. VII. Núm. 13. P. 143–164.
4. Лукашук А. А. Факторы развития взаимоотношений Мексики и США // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и политика. 2019. № 1. С. 47–53.

REFERENCES

1. Kamalova, S. D. (2020). *Obraz "chuzhih" v mul'tikul'turnoj literature s pozicii lingvisticheskoj imagologii (na materiale angloyazychnoj hudozhestvennoj literature o palestino-izrail'skom konflikte) = Image of "Aliens" in Multicultural Literature from the Point of View of Linguistic Imagology (Based on English-Speaking Fiction about the Israel-Palestine Conflict): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)*

2. Leerssen, J. (2007). *Imagology: The cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey*. Amsterdam: Rodopi.
3. Rodríguez Ortiz, R. (2011). Deconstrucción del uso de la lengua materna en la literatura fronteriza. *Semiosis*, VII(13), 143–164. México: UNAM.
4. Lukashuk, A. (2019). Factors of Development of Mexico-United States Relations. *Bulletin of Moscow University. Series 27: Global Studies and Geopolitics*, 1, 47–53. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Евгения Андреевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры подготовки преподавателей редких языков
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Popova Evgeniya Andreevna

PhD (Philology), Assistant Professor
Assistant Professor at the Department of Rare Languages Teaching Methodology
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	25.12.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	22.01.2024	
принята к публикации	28.02.2024	

Диалектика «норма – аномалия, или другая норма» как обоснование смыслового согласования

М. А. Салькова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
bestgrammar@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты рефлексивного рассуждения об аномальности в структурах со смысловым согласованием в современном английском языке. Применение диалектического метода позволяет обратиться к известным трактовкам явления и обосновать для него свойство «другой нормативности», ошибочной при формально-прескриптивном подходе и состоятельной при функционально-дескриптивной интерпретации, объясняющей отклоняющееся языковое оформление с позиции когнитивно-коммуникативных потребностей пользователей.

Ключевые слова: смысловое (понятийное) согласование, норма, аномалия, когнитивные потребности, коммуникативные потребности

Для цитирования: Салькова М. А. Диалектика «норма – аномалия, или другая норма» как обоснование смыслового согласования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 111–118.

Original article

Dialectics “Norm – Anomaly, or Another Norm” as Foundation of Notional Agreement

Marina A. Sal'kova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
bestgrammar@yandex.ru*

Abstract. The article presents the results of a reflexive speculation about anomaly in structures with notional agreement in modern English. Application of a dialectic method prompts a review of the known treatments of the phenomenon and suggests discussing it as a representation of ‘another’ norm, which seems erroneous for a formal-and-prescriptive analysis but relevant for a functional-and-descriptive interpretation, the latter explaining language deviations as cognitive and communicative demands of language users.

Keywords: notional agreement, norm, anomaly, cognitive demands, communicative demands

For citation: Salkova, M. A. (2024). Dialectics “Norm – Anomaly, or Another Norm” as Foundation of Notional Agreement. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(885), 111–118.

ВВЕДЕНИЕ

Целью статьи является обоснование нормативности особого типа для смыслового согласования в современном английском языке. В основу описания положена идея о том, что, несмотря на выраженные признаки аномальности у предложений, регулярно реализующих такое согласование, с точки зрения классической грамматики, итоговое оформление структуры может считаться нормативным, поскольку оно целенаправленно приводится в соответствие потребностям коммуникантов. Отсюда объектом исследования выступили случаи понятийного согласования, где при конструировании синтаксических отношений между подлежащим и сказуемым приоритет отдается содержательным особенностям внутри пары главных членов, в то время как формализация этих отношений демонстрирует очевидный конфликт на поверхностном уровне предложения [Кобрин и др., 1999]. Так, например, в предложении: *The team have done really well (The Guardian. 13.05.2015)* суть конфликта – дискорд в употреблении подлежащего-существительного в единственном числе с личной формой глагола-сказуемого в форме множественного числа; и наоборот, известны конструкции, где структурно сложное подлежащее демонстрирует признаки множественности, отмеченные формально, в то время как глагол-сказуемое употребляется в форме единственного числа, например: *Ten years is a long time, but it's still only part of a whole (The New Yorker. 23.04.2013)*.

Все комбинации с признаками грамматической конфликтности, будучи вариантами передачи структуры и семантики предложения в английском языке, являются яркими образцами диалектического сосуществования нормативности и аномальности как успешного способа бытия элементов сложных систем, к которым, несомненно, относится грамматический уровень языка. Понятийным источником упомянутого дискорда является потребность в передаче взаимоисключающих смыслов – дискретности / холистичности одноименного группового объекта. Существенно, что смысловые приоритеты и их языковое оформление при этом не могут пониматься как факультативные, т. е. необязательные или произвольные для выбора, что иногда используется во время доказательства или опровержения теории смыслового согласования, но имеют отношение к сосуществованию альтернатив в языковой системе, которые поддерживают контрастирующие смыслы.

Свойства оппозиции «нормативность – аномальность» не сходят с повестки дня лингвистического анализа, начиная с Античности. В современной

лингвистике, ориентирующейся не только на номенклатурный состав языковых систем, но в большей мере на дискурсивную функциональность этого состава, вопрос нормативности и аномальности был дополнен проблематикой варьирования и факультативности, что позволило придать общей картине более объективный, неконнотированный характер, а также сформировало известную гибкость интерпретаций [Билялова, 2011]. Практические задачи изучения языков усилили обсуждение упомянутой дихотомии трактовками правильности и ошибочности [Леонтьев, 1970; Цейтлин, 2022].

Принципиальный характер для обсуждения специфики смыслового согласования носит, во-первых, установка на релятивный характер нормативности и аномальности [Апресян, 1990; Арутюнова, 1987; Радбиль, 2006], во-вторых, высокая частотность таких комбинаций, как значимых синтаксических вариантов, и в-третьих, явная недостаточность имеющихся интерпретаций, фокусирующихся на форме числа глагольного сказуемого [Борзилов, Салькова, 2023]. Очевидно, последнее для смыслового согласования не может возникать «автоматически» (подробнее ниже).

МЕТОДОЛОГИЯ. МАТЕРИАЛЫ

Методологически значимой для работы является современная когнитивно-функциональная парадигма лингвистического знания: она дескриптивна и ориентирована на целостность и целеположенность речемыслительной деятельности, а также контекстный характер реального коммуникативного взаимодействия. В статье использовались диалектическая аналитическая рефлексия, на основании которой создавался теоретический фундамент для сделанных наблюдений, семантический и контекстуальный анализ, раскрывающие особенности изучаемых структур и дополняющие известные грамматические трактовки. Обращение к корпусам и подкорпусам английского языка и поисковые запросы с применением специальных приложений (например, *app.ludwig.guru*) позволили отобрать качественные аутентичные иллюстрации.

РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Описание языковых единиц традиционно формируется относительно понятия нормы – сложной совокупности социально-исторических и лингвистических параметров, отвечающей за успешность диалога благодаря относительной ретроспективной стабильности. Однако абсолютизация строгого противопоставления «норма – аномалия (не-норма, ошибка)» существенно ограничивает

понимание конфликтных языковых решений в лингвистической реальности (в узусе). Так, смысловое согласование, связанное с понятием конфликтности между содержательно-понятийными и формальными характеристиками языковых знаков, представляет собой проявление аномального с точки зрения регулярности реализации грамматической системы. В то же время, принятие пользователями аномального объясняется причинностью, стремлением подобрать удовлетворительное с точки зрения языковых возможностей решение, которое в текущем коммуникативном контексте будет отвечать максимальному количеству потребностей. Существенно, что при устранении аномальности утрачивается и нормативность, поскольку утрачивается способность структуры к передаче искомого смысла.

2. К субъектам, нарушающим формальную сторону языковой программы при создании предложения, относятся: тематические подлежащие с семантикой композиционности; подлежащие, выраженные местоимениями и другими не-существительными, а также придаточными предложениями; подлежащие, которые связаны с функционированием в их составе союзов; подлежащие, концептуально относящиеся к количественным характеристикам реальности. Синтаксически аномальность грамматической основы в английском языке также связана с рематизацией подлежащего (ее реализуют экзистенциальные и клефтированные структуры). При семантическом согласовании в таких грамматических основах происходит «нейтрализация» аномальности, поскольку они полностью адаптированы к основным системным и когнитивно-коммуникативным потребностям пользователей. На уровне формы принципиальное соответствие между подлежащим и сказуемым достигается сохранением прямого порядка слов либо полной грамматической инверсией, что носит фундаментальный характер для грамматического строя современного английского языка: тематическое подлежащее поддерживает потребности в ассимиляции, неизменности и краткости языковой структуры; рематическое дополнительно обеспечивает экспрессивность. На уровне содержания соответствие подлежащего и сказуемого основывается на их взаимной семантической согласованности, в то время как уместность только одного способа раскрытия концептуальной альтернативы в конкретном контексте (холистичности или дискретности) есть проявление потребности в дифференциации.

3. В то время как особые когнитивные и коммуникативные потребности говорящих в смысловом согласовании проявились как признаки

грамматической аномальности – в прескриптивном прочтении, основанном на изоморфизме плана выражения и плана содержания, в функциональном смысле эти потребности стимулировали парадигматическое расширение для грамматических основ, где один из вариантов требует нарушения базового правила, а другой – конформен к нему. Это расширение, принимающее выбор грамматического диссонанса как рабочую программу, и является здесь «другой» нормой для компактного кодирования, поскольку именно таким образом можно передать необходимую смысловую доминанту; при этом правильность выбора поддерживается общей семантико-синтаксической оппозиционностью вариантов языкового выражения. Подобная специфика семантического согласования как «другая» норма регулирует как качественные характеристики сообщаемой информации, так и ее количество (например, обязательность или устранимость).

ОБСУЖДЕНИЕ

Грамматическое описание связывает появление предложения с возможностью значимого логико-смыслового отношения между субъектом мысли и его признаком. Соответственно, в грамматической основе обнаруживаются необходимые признаки «увязанности», которые детерминируются общей логикой мыслительных процессов и грамматикой конкретного языка.

Для современного английского языка эксплицитные показатели синтаксических отношений минимизированы:

- 1) подлежащее и сказуемое занимают строго определенные позиции по отношению друг к другу [S→P];
- 2) сказуемое согласуется с подлежащим предложения в лице и числе.

Оформление грамматической основы в соответствии с указанными требованиями терминологически обозначается как грамматическое (формальное) согласование. Таким образом, грамматическая норма, кодифицированная для современного английского языка, представлена либо как модель [Ssg↔Psg], либо как [Spl↔Ppl], что исходно закладывает для согласования естественную перспективу варьирования при случайном или намеренном соположении словоформ с разными показателями числа.

В общетеоретическом смысле, реальность существования языка, обнаруживаемая в узусе, т. е. его воспроизведении усилиями коммуникантов в различных коммуникативных условиях, проявляется в варьировании употребления языковой единицы: «...Само бытие отдельной единицы языка есть её варьирование, сосуществование множества её

вариантов»¹. В качестве варианта возможно рассматривать «представление о разных способах выражения какой-либо языковой сущности как об ее модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы»². В этом случае, «то, что видоизменяется, понимается как некоторый образец, эталон или норма, а вариант – как модификация этой нормы или отклонение от нее»³. Отклонение от нормы, широко обозначенное Л. Щербой как «отрицательный языковой материал» [Щерба, 1974], также допустимо описывать с помощью таких терминов, как аномалия (девиация, отклонение) [Арутюнова 1987; Апресян 1990] и т. п. Во всех случаях имеется в виду отход от стандарта, стереотипа, регулярности, программы и т. д.

В то время как языковой нормативности придается либо узкий понятийный статус кодифицированности, лежащей в основе литературного языка, либо широкую трактовку традиционности, общепринятости, узуальности вне каких-либо дополнительных коннотаций [Крысин 2005], аномальность чаще всего вызывает лингводидактические ассоциации с ошибочностью и недопустимостью ни в языковой системе, ни в речевой деятельности: под «общее название <...> ошибок обычно подводятся явления, различающиеся по своему генезису, но объединяемые признаком неадекватности речевого действия по тем или иным параметрам, обуславливающим это речевое действие» [Леонтьев, 1970, с. 79].

Для обсуждения синтаксического согласования такое определение ошибочности, в целом, выполняет положительную методологическую функцию. Оно позволяет систематизировать и дифференцировать предложения, в которых обнаруживается грамматическая нормативность (сочетаемость подлежащего и сказуемого по числу) и грамматическая аномальность (рассогласованность), иными словами, есть признаки «ошибочной» грамматической операции, где реализуется последовательная контактная линеаризация компонентов, один из которых маркирован по числу, а другой – в противовес ожиданиям, нет. Проще говоря, правило пригодно для решения типовых ортологических задач в учебной аудитории. Будучи ориентировано на прямой порядок слов в повествовательном предложении [Ssg↔Psg] / [Spl↔Ppl], оно регламентирует число глагола-сказуемого после подлежащего, относящегося к классу конкретных и абстрактных исчисляемых существительных. Базовое правило также прогнозирует форму числа глагола при подлежащих-существительных из групп *Tantum*;

дает возможность избежать ошибочных операций в предложениях с подлежащими – неисчисляемыми абстрактными и вещественными существительными, которые способны к переходам в другие грамматические классы и передаче иной семантики (*brick – a brick, hope – a hope*); распространяется на употребление в качестве подлежащего личного местоимения, референтного к соответствующему существительному. Сбои, возникающие при порождении таких предложений, оцениваются правилом как безусловно ошибочные и должны быть устранены.

В то же время, грамматики английского языка, прескриптивно рассматривающие проблематику согласования «от подлежащего», подтверждают, что для некоторых грамматических основ оказывается возможным варьирование с возникновением модифицированных, отклоняющихся вариантов согласования. В «Результатах» обобщены виды подлежащих, которые подают сигналы «разошедшегося шва», в формулировке А. А. Леонтьева. В частности, в тематической позиции классическим источником аномальности станут подлежащие – групповые существительные, репрезентирующие концепты «холистичность» / «дискретность», при этом недифференцируемые на уровне слова, например:

In “The Friends” Phyllisia, also fourteen, had moved from the West Indies with her sister and mother, to New York where her father owns a restaurant. **Her family are** quite well off whereas **Celie’s family is** poor (<http://phrasesinenglish.org/searchBNC.php 27092022>).

Аномальность грамматического оформления при использовании рематических подлежащих обнаруживается в конструкциях *there be, here be*, клефтированных эмфатических конструкциях с формальным подлежащим *it* и придаточным относительным:

There’s **two kinds of man**, you see. And here **was a man, was experience and culture** (John Galsworthy. *The Man of Property*).

Заметим, что и морфологические, и структурно-синтаксические проявления аномальности неубедительно «объясняются» прескриптивистами абстрактной отсылкой к способности говорящих понимать смысловые нюансы.

Количество аномальных структур в сочетании с высокой частотностью таких единиц позволяют предположить, что консервативный взгляд на аномальность как ошибочность, дефект языковой операции, является лишь отчасти верным. Как свидетельствует развитие теории познания, аномальность в каком-то смысле более значима, чем

¹Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html> (дата обращения: 03.12.2023)

²Там же.

³Там же.

нормативность, поскольку оценивается относительно последней и позволяет обнаружить ее иные проявления, раскрыть феномен во всей его полноте. В работе «Структура научных революций» Т. Кун рассуждает: «Открытие начинается с осознания аномалии, то есть с установления того факта, что природа каким-то образом нарушила навеянные парадигмой ожидания...»¹.

Осознание аномальности в организации грамматической основы зафиксировало рядом с термином «согласование» определения «смысловое», «понятнейшее», что позволило высветить целый ряд процессов, которые обнаруживаются в лингвистической реальности: в действительности, для адекватной передачи собственных идей коммуниканты манипулируют семантикой языковых единиц и активно задействуют компенсаторные структурные и семантические механизмы, оперируют формальными возможностями системы с целью их адаптации к доносимому смыслу, а также обыгрывают правила коммуникации, которые составляют один из аспектов существования разнообразных типов дискурса.

Попытка описать эти лингвокогнитивные усилия говорящих была предпринята французским лингвистом А. Фреем [Фрей, 2006]. Согласно логике автора, возможно рассмотрение аномалий – примеров непреднамеренного нарушения тех или иных кодифицированных правил – как ошибок «в пользу говорящего». В этом смысле, отклонения в грамматических основах при семантическом согласовании представляют собой попытки исправления недостатков правильной речи для реализации тех или иных коммуникативных и, добавим, когнитивных потребностей.

Рассмотрим примеры с тематическим подлежащим, которые, сохраняя структурный приоритет [S + P], выбором спорной формы сказуемого профилируют передачу актуального в текущем контексте смысла (из двух противопоставленных).

1. По А. Фрею, потребность в ассимиляции проявляется в том, что всякий языковой факт стремится к дополнению системы другими аналогичными фактами и к объединению с ними.

Many cars on the roads means many traffic accidents

В приведенном примере множественность / дискретность в группе подлежащего, зафиксированная лексически и грамматически, но сводимая к одному факту – загруженности дорог транспортом, концептуально осмысливается как фактическая причина, а сказуемое – как связка причины и следствия, на что указывают как семантика, так и форма глагола *mean*. Подобного рода фактуальные

¹<https://gtmarket.ru/library/basis/3811/3817>

выражения в форме множественного числа, помимо глагола *mean*, сочетаются с глаголами-предикатами рациональной оценки и выводного знания типа *entail, imply, involve*. Грамматисты также указывают на другие случаи, где грамматическая основа выстраивается сходным образом [Bache, 2000]. Например:

High production costs prevents reasonable consumer prices.

2. Потребность в дифференциации (ясности) отражает стремление к различению лингвистических элементов с целью избежать скрытого или явного смешения, возможного при функционировании знака в речи. Примером дифференциации можно считать практику употребления композиционного существительного-подлежащего *court*, семантически конфликтующего с предикатом в единственном числе:

The court is fiercely independent
(*The Economist*. 23.06.2005).

Однако согласно профессиональному лингвистическому комментарию для студентов-правоведов только это употребление отражает специфику группового отправления правосудия². Если же требуется отразить разобщенность в действиях судей или передать индивидуальное мнение отдельных юристов, вместо слова *court* должно использоваться слово *judges*, сочетающееся с предикатом во множественном числе:

Other judges have followed suit
(*New York Times*. 02.07.2013).

Аналогичным образом, языковая дифференциация находит свое выражение в предложениях с модальностью утверждения и отрицания:

The committee was agreed on the most important question.

The committee were divided in regard to implementing rules.

Стремление к дифференциации для композиционных существительных и использование их в предпочитаемом современным сообществом групповом осмыслении в противовес исторической тенденции к овеществлению приобретает статистическое выражение: *a family who (are)*

²URL: <https://sites.utexas.edu/legalwriting/2017/06/05/collective-nouns-singular-or-plural/>

показывает 118,900,000 поисковых результатов в браузере Google, *a family that (is)* – 11,030,000. Потребностью в дифференциации объясняется приоритет предикатов во множественном числе в сочетаниях групповых существительных с глаголами, обозначающими различные действия и состояния индивидуального исполнения, например:

My family prefer to eat at home / *are* very close.

3. Потребность в неизменяемости, обеспечивая лингвистическую экономию, стремится к возможному облегчению работы памяти при сохранении формы конкретного языкового элемента, несмотря на разнообразие комбинаций, частью которого он может быть. Существует мнение, что эту потребность отражает приоритет формы единственного числа предиката после группового существительного в формально-письменном и публицистическом английском [Quirk et al., 1985]:

A Swedish family has eaten only organic food for two weeks as part of a study conducted by The Swedish Environmental Research Institute (SBS. 12.05.2015).

4. Противоположная предыдущему аспекту лингвистической экономии потребность в краткости стремится обеспечить возможное сокращение длины и числа элементов, взаимодействие которых составляет речевой поток, т. е. норма неэкономна, например:

We had a wonderful time! *The crew was great* we were able to see reefs, rays, sunken ship and go over the ledge of cozumel... definitely A+++ (Tripadvisor. Из отзыва "": Mobile Photo Upload" об объекте Atlantis Submarines Cozumel)

В примере оценочный предикат апеллирует к мастерству всей команды, однако пишущий не использует построение *The (WORK OF THE) crew was great...*, где семантический потенциал формы единственного числа узконаправлен на словоформу *work*; в действительности, предложение объединяет группу по более масштабному интегративному признаку или качеству.

Еще одна потребность – потребность в экспрессивности – объясняется тем, что чем больше знак находится в употреблении, тем он менее эффективен, тем сильнее потребность его обновить. Семантическое согласование с использованием инвертированного порядка слов позволяет не только рематизировать подлежащее, поместив его в фокус коммуникации, но также остаться в рамках имеющегося сегодня узкого набора

формальных морфологических показателей грамматических отношений:

Where there's food, *there's people* (<https://chuckstudios.com/ru/portfolio-item/showreel-food-people/>).

Так, традиционная интерпретация структуры *there be* предписывает формальное согласование с подлежащим-ремой и нарушает тем самым принцип иконичности естественного мышления, однако отражает особенности кодифицирования, направленного в первую очередь на отредактированную письменную или подготовленную устную речь. Когнитивно-функциональное объяснение тенденции к единичности у сказуемого апеллирует, во-первых, к проксимации *there* и *be* в позиции грамматической основы, и, во-вторых, к важной формальной характеристике *there* как тематического подлежащего. Не являясь существительным, т. е. не имея категории числа, оно структурно является одним словом, что и поддерживает форма *is* (где действует ассимиляция). Аналогичным образом действуют механизмы в структурах *here be* и клефтированных предложениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описание особенностей смыслового согласования представляет собой проблему, где ярко проявляется диалектика языка и мышления. Источником диалектического взаимодействия являются когнитивные процессы и коммуникативные потребности говорящих, реализацией диалектики – выбор как воплощение причинной связи между нормой и аномалией. Выяснение причины аномального грамматического решения как успешного кодирования одного из двух представленных в мышлении смыслов снижает теоретическую напряженность в описании понятийно ориентированной структуры и сводит аномальное к норме, точнее, к обнаружению «другой» нормы, в рамках которой сосуществуют два противопоставленных друг другу правильных решения.

Понятие «другой» нормы не противоречит имеющимся в современных грамматических описаниях возможностям употребления вышперечисленных структур. Во-первых, для ряда из них отмечается известная неустойчивость в оформлении, допускающая возможность использовать «более очевидную» грамматическую версию, ср.: *Two minutes is all I need* (смысловое согласование) / *Two minutes are all I need* (грамматическое согласование) [Крылова, Гордон, 2003; Loberger, Shourp, 2009]. Во-вторых, как подчеркивает Л. А. Крысин, «норма – это прежде всего выбор из множества

системных возможностей таких, которые оптимальны для тех или иных условий общения, и лишь во вторую очередь запрет, ограничение использования тех или иных языковых средств (как «разрешенных» системой, так и находящихся за ее

пределами)» [Крысин, 2010, с. 11–12]. Таким образом, описание аномалии как «другой» нормы – это методологически верный способ объективации антропоцентрического параметра грамматической системы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кобрин Н. А. [и др.]. Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис: учебное пособие для студентов педагогических институтов и университетов по специальности «Иностранные языки» / Н. А. Кобрин, Е. А. Корнеева, М. И. Оссовская, К. А. Гузеева. СПб.: Союз, 1999.
2. Билялова А. А. Факультативность в системе языковых изменений: на материале грамматических вариантов в английском языке // Вестник Иркутский государственный технический университет. Гуманитарные науки. 2011. № 3 (50). С.193–197.
3. Леонтьев А. А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному (психолингвистические очерки). М.: Изд. МГУ, 1970.
4. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение: Учебное пособие. Изд. стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2022.
5. Апресян Ю. Д. Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica: Филологические исследования / под ред. Д. С. Лихачева. М. – Л.: Наука, 1990. С. 50–71.
6. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. Вып. 3. С. 3–19.
7. Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М.: МПГУ, 2006.
8. Борзилов А. Д., Салькова М. А. Смысловое согласование в английском языке и семантика композиционности подлежащего // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 22–29.
9. Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24–39.
10. Крысин Л. П. Языковая норма и речевая практика // Отечественные записки: Общество в зеркале языка. 2005. № 2. С. 36–47.
11. Фрей А. Грамматика ошибок. М.: КомКнига, 2006.
12. Bache C. Essentials of Mastering English: A Concise Grammar. Berlin ; New York: Walter de Gruyter, 2000.
13. Quirk R. [et al.] A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. L.: Pearson Longman, 1985.
14. Крылова И. П., Гордон Е. М. Грамматика современного английского языка: учебник для институтов и факультетов иностранных языков. 9-е изд. М.: Книжный дом «Университет»: Высшая школа, 2003. (на англ. яз.)
15. Loberger G., Shoup K. Webster's New World English Grammar Handbook. 2nd ed. Hoboken, NJ: Wiley Publishing, 2009.
16. Крысин Л. П. Проблема соотношения языковой системы, нормы и узуса // Современный русский язык: система – норма – узус / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2010.

REFERENCES

1. Kobrina, N. A. [et al.] (1999). A grammar of the English language. Morphology. Syntax. A teaching manual for pedagogical institute students and universities with № 2103 “Foreign languages” profile / N. A. Kobrina, E. A. Korneeva, M. I. Ossovskaya, K. A. Guzeeva. St. Petersburg: Sojuz. (In Russ.)
2. Bilyalova, A. A. (2011). Facultativity in the system of languages changes: based on grammar variation in English. Vestnik of Irkutsk State Technical University. Humanities, № 3 (50), 193–197. (In Russ.)
3. Leont`ev, A.A. (1970). Nekotory`e problemy` obucheniya russkomu yazy`ku kak inostrannomu (psixolingvistichekieskie ocherki) = Some issues of teaching Russian as a second language (psycholingiosctic reviews). Moscow.: Moscow State University. (In Russ.)
4. Cejtlin, S. N. (2022). Rechevye oshibki i ikh preduprezhdenie = Speech mistakes and their control: A teaching manual. Moscow: LENAND. (In Russ.)

5. Apresyan, Yu. D. (1990). Language anomalies: types and functions. *Res Philologica: Filologicheskie issledovaniya* (pp. 50–71). Moscow – Leningrad: Nauka. (In Russ.)
6. Arutyunova, N. D. (1987). Anomalies in language (contributing to the problem of the world language mapping). *Voprosy jazykoznanija*, 3, 3–19. (In Russ.)
7. Radbil', T. B. (2006) *Yazy'kovy'e anomalii v xudozhestvennom tekste: Andrej Platonov i drugie* = Language anomalies in a literary text: Andrej Platonov and others. Moscow: Moscow Pedagogic State University. (In Russ.)
8. Borzilov, A. D., Salkova, M. A. (2023). Notional Agreement in Modern English and Semantics of Compositionality of the Subject. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3(871), 22–30. (In Russ.).
9. Shherba, L. V. (1974). O troyakom aspekte yazy'kovy'x yavlenij i ob e'ksperimente v yazy'koznanii = About the three-side aspect of language phenomena and the experiment in linguistics. In: *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* (pp. 24–39). Leningrad: Nauka. (In Russ.)
10. Kry'sin, L. P. (2005). Language norm and speech practice. *Otechestvenny'e zapiski: Obshhestvo v zerkale yazy'ka*, 2, 36–47. (In Russ.)
11. Frei, A. (2006). *Grammatika oshibok* = Grammar of mistakes. Moscow: KomKniga. (In Russ.)
12. Bache, C. (2000). *Essentials of Mastering English: A Concise Grammar*. Walter de Gruyter. Berlin ; New York.
13. Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., Svartvik, J. (1985). *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London: Pearson Longman.
14. Krylova, I. P., Gordon, E. M. (2003). *A grammar of modern English: A book for foreign language institutes and departments*. 9th ed. Moscow: Knizhnii dom "Universitet": Visshaya shkola. (In English)
15. Gordon Loberger, G., Shoup, K. (2009). *Webster's New World English Grammar Handbook*. 2nd ed. Hoboken, NJ: Wiley Publishing.
16. Krysin, L. P. (2010). Problema sootnosheniya jazykovoju sistemy, normy i uzusa = The problem of correlation between language system, norm, and usage. In *Sovremennyj russkij jazyk: sistema – norma – uzus*. V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur. (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Салькова Марина Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент
 заведующая кафедрой грамматики и истории английского языка факультета английского языка
 Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sal'kova Marina Alekseevna

PhD in Philology, Associate Professor
 Head of Department of Grammar and History of the English Language
 Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	20.12.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	22.01.2024	
принята к публикации	28.02.2024	

Прагматика двойного отрицания в английском языке

О. В. Смурова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
olsmurova@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются грамматические и неграмматические виды двойного отрицания на примерах устных высказываний, взятых из Британского национального корпуса. Показано, что грамматические высказывания с двойным отрицанием имеют прагматические ограничения, тогда как у ненормативных высказываний с согласованием по отрицательности подобные ограничения отсутствуют. Целый ряд значений, зависящих от коммуникативно-прагматических условий, выявлен у высказываний, содержащих конструкцию «not + прилагательное с отрицательной приставкой».

Ключевые слова: двойное отрицание, семантическое отрицание, синтаксическое отрицание, обязательное согласование по отрицательности, факультативное согласование по отрицательности, контексты опровержения, семантический плеоназм, мейозис, литота

Для цитирования: Смурова О. В. Прагматика двойного отрицания в английском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 119–125.

Original article

The Pragmatics of Double Negation in the English Language

Olga V. Smurova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
olsmurova@yandex.ru

Abstract. The article examines grammatical and ungrammatical types of double negation using examples of oral statements taken from BNC. It is shown that grammatical statements with double negation have pragmatic limitations, whereas non-normative statements with agreement on negativity have no such restrictions. A number of meanings depending on communicative and pragmatic conditions have been identified in statements containing the construction “not + adjective with a negative prefix”.

Keywords: double negation, semantic negation, syntactic negation, obligatory negative concord, optional negative concord, denial contexts, semantic pleonasm, meiosis, litotes

For citation: Smurova, O. V. (2024). The Pragmatics of Double Negation in the English Language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(885), 119–125.

ВВЕДЕНИЕ

Хотя отрицание как лингвистическое явление давно находится в фокусе внимания исследователей английского языка, такая его разновидность как двойное отрицание рассматривается главным образом в прескриптивных грамматиках, поскольку считается нарушением литературной нормы. Как пишет Дж. Лич, «In English, unlike some other languages, negative concord is a feature of vernacular grammar not acceptable in the standard language» [Leech, 2006, с. 72] (В английском языке, в отличие от некоторых других языков, согласование по отрицательности, т. е. использование для выражения отрицания двух и более отрицательных элементов подряд, рассматривается как особенность разговорного синтаксиса, неприемлемая в стандартном языке)¹.

Существующий запрет на согласование по отрицательности в английском языке имеет следствием то, что в высказывании типа *I didn't see nobody* каждый отрицательный элемент должен работать как самостоятельный оператор отрицания, изменяющий истинностное значение пропозиции *p* на его противоположность $\neg p$. Из этого следует, что в соответствии с правилами пропозициональной логики, высказывание, содержащее глагол в отрицательной форме и еще один отрицательный элемент, следует понимать как утвердительное, поскольку пропозиция дважды подвергается изменению: утверждение переходит в отрицание, а затем опять становится утверждением. Так, высказывание *I didn't see nobody* с этой точки зрения следует трактовать как *I saw somebody* и рассматривать как высказывание, соответствующее грамматической норме. Однако довольно часто английские высказывания с двойным отрицанием трактуются как негативные. Такие примеры встречаются в разговорной речи, в речи героев фильмов и сериалов и, особенно часто, в песнях современных авторов (например, *You don't want no drama* – строчка из песни группы «Black Eyed Peas»).

Таким образом, высказывания с двойным отрицанием имеют по меньшей мере две возможных интерпретации. В одной из них каждое отрицание вносит свой отдельный вклад в семантику высказывания, образуя высказывание логически эквивалентное утвердительному, тогда как в другом случае оба отрицания действуют согласованно, создавая семантически единое отрицание.

Несмотря на начавшуюся еще в XVIII веке стигматизацию негативных высказываний с двойным отрицанием, такие высказывания порождают

и понимают носители всех вариантов английского языка, включая тех, кто использует его стандартный нормативный вариант, что показано в серии градиентных исследований приемлемости английских предложений с двумя отрицательными элементами [Blanchette, 2015].

Исследование семантико-прагматических значений разновидностей двойного отрицания, встречающихся в английском языке, позволит выявить факторы, влияющие на производство и понимание высказываний с двойным отрицанием, и глубже понять роль этого явления в коммуникации.

ВИДЫ ДВОЙНОГО ОТРИЦАНИЯ

Прежде всего, заметим, что термином «двойное отрицание» обозначают несколько лингвистических явлений:

- 1) нормативное согласование по отрицательности, при котором наличие в высказывании отрицательного местоимения и / или наречия требует отрицания также и при предикатном глаголе;
- 2) факультативное согласование по отрицательности, в котором при наличии в высказывании одного отрицательного элемента употребление других возможно, но не строго обязательно;
- 3) нормативное двойное отрицание, приводящее к пониманию высказывания с двумя отрицательными элементами как утвердительного;
- 4) стилистически окрашенное двойное отрицание, в результате которого происходит усиление или ослабление отрицательного значения высказывания.

В языках, в которых в норме действует обязательное согласование по отрицательности (например в славянских языках), последнее из перечисленных явлений не встречается. Примером языка с факультативным согласованием по отрицательности может служить итальянский: высказывание *Nessuno ha detto una parola* (Никто не сказал ни слова) содержит только один отрицательный элемент – местоимение *nessuno*, а в высказывании *Non ho nessun libro* (У меня нет ни одной книги) имеется отрицание еще и при предикатном глаголе, при этом оба высказывания трактуются как негативные.

Английский язык относится к языкам, в норме не допускающим согласования по отрицательности. Высказывания с двойным отрицанием в соответствии с литературной нормой предписывается трактовать как утвердительные. Однако носители английского языка часто используют двойное отрицание не только в логически утвердительных

¹Эд. и далее перевод наш. – О. С.

высказываниях типа *I don't dislike nobody*, но и в высказываниях, трактуемых как отрицательные, причем как в эмоционально окрашенных (ср. строчки из известной песни группы «Pink Floyd»: *We don't need no education. We don't need no sort of control!*), так и в стилистически нейтральных. Высказывания с двумя отрицательными элементами можно рассматривать как случаи факультативного согласования по отрицательности. Таким образом, в английском языке встречаются три из четырех разновидностей двойного отрицания. Семантико-прагматические особенности каждого лингвистического явления мы рассмотрим ниже.

ФАКУЛЬТАТИВНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ ПО ОТРИЦАТЕЛЬНОСТИ VS НОРМАТИВНОЕ ДВОЙНОЕ ОТРИЦАНИЕ

Х. Зейлстра предположил, что в языках мира существует два несомещающихся способа выражения отрицания: семантический и синтаксический. При семантическом отрицании каждый отрицательный элемент в высказывании представляет собой оператор («every negative element corresponds 1:1 to a negative operator»), тогда как при синтаксическом способе отрицания отрицательные элементы лишь маркируют наличие в высказывании единственного оператора отрицания [Zejlstra, 2004]. Однако Ф. Бланшетт показала, что в английском языке встречается не только нормативное для этого языка семантическое отрицание, но говорящие нередко используют и синтаксический способ. Приведем два примера из работы Ф. Бланшетт, в которых один и тот же говорящий использует оба способа отрицания:

1. We used to pick a lot of Balm of Gilead buds up here, but they got so cheap now you **can't** make **nothing** [by selling them] [Blanchette, 2015, с. 18].
2. (Regarding appendicitis, and the fact that it was a treatable disease that killed many people): Yeah, that's killed many a one, and they **didn't** know it was **nothing** [там же].

Не вызывает сомнений, что в примере (1) фраза *you can't make nothing* имеет ясно выраженное отрицательное значение, поскольку очевидно, что эту фразу, следующую за фразой говорящего о слишком большой дешевизне почек крупнолистного тополя (*they got so cheap*), можно понимать только в отрицательном смысле, т. е. говорящий утверждает, что из-за дешевизны почек в настоящее время на них ничего нельзя заработать. Таким образом, в этом примере мы имеем дело с синтаксическим способом отрицания, так как второй отрицательный элемент во фразе (местоимение *nothing*) не

является самостоятельным оператором отрицания, а выступает как элемент отрицательной полярности, которому в нормативном варианте соответствует местоимение *anything*.

В примере (2), где речь идет об аппендиците, в прежние времена уносившим множество жизней, те же элементы (глагольное отрицание *-n't* и отрицательное местоимение *nothing*), напротив, работают как самостоятельные операторы отрицания, поскольку фраза *They didn't know it was nothing* означает, что они (скорее всего, врачи) не знали, что аппендицит – это не серьезная болезнь, а пустяк (*nothing*), т. е. совсем не то, от чего люди должны умирать.

Таким образом, наличие в англоязычном высказывании двух отрицательных элементов не всегда позволяет трактовать его как утвердительное. Приведенные примеры демонстрируют, что в английском языке наряду с нормативным двойным отрицанием (соответствующим утверждению) встречается и согласование по отрицательности, приводящие к пониманию высказывания как отрицательного. Несмотря на несоответствие согласования по отрицательности литературной норме, авторы книги «English accents and dialects an introduction to social and regional varieties of British English» утверждают, что «Constructions of the type *I didn't have no dinner* are employed by the majority of English speakers, both in the British Isles and worldwide» [Hughes, Trudgill, Watt, 2013, с. 26]. (Конструкции типа *I didn't have no dinner* используются большинством англоговорящих людей как на Британских островах, так и по всему миру). Согласно авторам книги, высказывание *I didn't have no dinner* является стилистически нейтральным отрицательным высказыванием, которому в прескриптивной норме соответствует либо *I didn't have any dinner*, либо чуть более официальное *I had no dinner*. Таким образом, двойное отрицание как в примере, приведенном в вышеупомянутой книге, так и в примере (1), можно рассматривать как случаи факультативного согласования по отрицательности.

Можно показать, что выбор англоговорящим нетипичного для английского языка синтаксического способа отрицания не является случайным, а, напротив, прагматически оправдан.

В зависимости от того, к какому из двух способов отрицания решил прибегнуть говорящий, высказывание типа *I didn't eat nothing for dinner* может пониматься либо как утвердительное (*I ate something*), либо как отрицательное (*I didn't eat anything*); в последнем случае мы будем иметь дело с факультативным согласованием по отрицательности. Д. Коулс-Уайт показал, что потенциально двусмысленные высказывания с двумя негативными элементами (отрицательным предикатом

и отрицательным местоимением или наречием) в большинстве случаев трактуются как отрицательные (т. е. как высказывания с согласованием по отрицательности), предположив, что это объясняется тем, что семантический способ отрицания сложнее по своей сути. Д. Коулс-Уайт предполагает, что избыточную информацию, содержащуюся в высказываниях с согласованием по отрицательности, легче обработать, чем провести логическую операцию отмены отрицания в высказываниях с двойным отрицанием [Coles-White, 2004]. Однако есть случаи, когда высказывание с двумя отрицательными элементами однозначно трактуется либо как отрицательное, либо как утвердительное.

Так, использование говорящим высказывания *I didn't eat nothing for dinner* в ответ на реплику собеседника типа *I had fish and chips for dinner* однозначно понимается собеседником как отрицательное и отражает синтаксический способ отрицания:

3. A: I had fish and chips for dinner.
B: I didn't eat **nothing** for dinner (= I didn't eat anything for dinner).

Семантический способ отрицания, приводящий к трактовке высказывания *I didn't eat nothing for dinner* как утвердительного, может быть выбран говорящим, только при определенных условиях, а именно, если он намеревается опровергнуть реплику собеседника *you ate nothing for dinner*, т. е. только в контекстах опровержения, например:

4. A: You'll get late-night cravings again. You ate nothing for dinner.
B: I didn't eat **nothing** for dinner.

Заметим, что реплика В из примера (4), несмотря на ее однозначную трактовку, малоинформативна и, согласно упомянутому выше исследованию Д. Коулс-Уайта, сложна для понимания. Из чего можно заключить, что утвердительные высказывания с двойным отрицанием нарушают сразу два постулата речевого общения Г. П. Грайса. Согласно этим постулатам, высказывание должно содержать столько информации, сколько необходимо говорящему для достижения поставленной им цели (постулат количества), а постулат способа требует от говорящего избегать двусмысленности и быть максимально понятным [Грайс, 1985], поэтому более приемлемой альтернативой высказыванию (4) может служить высказывание типа:

5. A: You'll get late-night cravings again. You ate nothing for dinner.
B: You're wrong. I had a hamburger.

В отличие от высказывания (4), высказывание (5) лишено двусмысленности и содержит конкретную информацию.

Ф. Бланшетт провела экспериментальное исследование, показавшее, что носители английского языка в контекстах опровержения действительно предпочитают высказывания такого типа высказываниям с двойным отрицанием [Blanchette, 2015].

Таким образом, нормативные с грамматической точки зрения высказывания с двойным отрицанием имеют прагматические ограничения, тогда как высказывания с факультативным согласованием по отрицательности, являясь менее приемлемыми грамматически, подобных прагматических ограничений не имеют, что объясняет их широкую распространенность, несмотря на многовековую стигматизацию.

СТИЛИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННОЕ ДВОЙНОЕ ОТРИЦАНИЕ

Примеры стилистически окрашенных высказываний с двойным отрицанием можно разбить на две группы.

1. Случаи, когда двойное отрицание используется как усилительная стратегия, чтобы подчеркнуть отрицательное значение высказывания. Строго говоря, в этом случае мы имеем дело не с двойным отрицанием, а с согласованием по отрицательности. В этом смысле использование двух подряд отрицательных элементов для усиления отрицательного значения можно считать примером оправданного семантического плеоназма. Таких примеров множество, особенно часто они встречаются в песнях современных авторов. Два подряд отрицательных элемента (*can't* и *no*) во фразе *I can't get no sleep* (Я никак не могу заснуть) в строчках из песни «Insomnia» группы «Faithless» подчеркивают невозможность уснуть и служат для усиления эмоциональной окраски (тот же эффект достигается и в русском переводе с помощью плеонастического употребления наречия с отрицательным значением «никак»):

6. I can't get **no** sleep. I can't get **no** sleep.
I need to sleep. I can't get **no** sleep.
I need to sleep. I can't get **no** sleep.

2. Случаи истинно двойного отрицания, т. е. использование двойного отрицания в утвердительных по смыслу высказываниях. Довольно часто встречаются высказывания, содержащие двойное отрицание типа «*not* + прилагательное с отрицательной приставкой». Высказывания с двумя отрицательными элементами традиционно расцениваются как более слабые по сравнению с соответствующими утвердительными высказываниями:

«the doubly negated expression is somewhat weaker than the straightforwardly positive one» [Wouden, 1996, с. 150]. Подобное более слабое значение имеет фраза *not unfamiliar* в примере ниже, т. е. высказывание в этом примере означает, что проблему искусственного интеллекта нельзя считать полностью знакомой большинству людей:

7. The concept of artificial intelligence is **not unfamiliar** to many people, but its applications in everyday life are still not entirely familiar to most.

Однако можно показать, что высказывания, содержащие двойное отрицание типа «*not* + прилагательное с отрицательной приставкой» могут иметь несколько прагматических значений, далеко не все из которых являются ослабленными вариантами утверждений. Приведем примеры высказываний, содержащих такую структуру, из Британского национального корпуса BNC:

8. Your answer is **not** entirely **incorrect**, but it could be more precise.
9. No, it's **not illegal** to park here, but it's not recommended.
10. Noah was **not unaware** of the dangers that lay ahead. He had meticulously planned and constructed the ark to ensure the safety of all the animals and his family.
11. I dare say I'm **not unhappy** about winning the lottery.
13. I'm **not unhappy** with my current job, but I do feel like I could be achieving more.

Выбор говорящим высказывания с двойным отрицанием в примере (8) служит для смягчения негативной оценки говорящим (по всей вероятности, учителем) ответа собеседника (скорее всего, ученика), т. е. является смягченным вариантом не соответствующего утвердительного, а соответствующего отрицательного высказывания типа *Your answer is not correct*. Высказывание из примера (8) можно рассматривать как вариант мейозиса – стилистического приема, представляющего собой сознательное преуменьшение какого-либо явления, и тем самым позволяющего говорящему избежать слишком резкого высказывания. Восприятие говорящим ответа собеседника как неправильного, проявляется еще и в использовании им наречия *entirely* (*not entirely incorrect* – не полностью неправильный). Выбор говорящим смягченного высказывания отражает одну из стратегий негативной вежливости.

Пример (9), скорее всего, является простым возражением на реплику *It's illegal to park here* и не

может считаться примером смягченного высказывания и, строго говоря, не является стилистически окрашенным высказыванием.

Пример (10) содержит стилистический прием литоты, которую «Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English»¹ определяет как использование отрицательного или слабого утверждения, чтобы подчеркнуть положительное значение, т. е. описываемое качество на первый взгляд ослабляется, но на самом деле это качество описывается как нечто более интенсивное. Эффект достигается за счет экспрессивности отрицания, т. е. в этом высказывании смысловое ударение падает на слово *not*. Таким образом, *He was NOT unaware of the dangers* воспринимается как эквивалентное, или даже более сильное высказывание, чем *He was quite aware of the dangers*. Использование литоты *not unaware* не просто подчеркивает, что Ной очень хорошо осознавал потенциальные опасности, но добавляет ощущение акцента, предполагая более глубокий уровень понимания, чем просто осведомленность. Глубина понимания Ноем опасностей, лежащих впереди, проявляется во втором предложении высказывания, в котором говорящий использовал выражения *meticulously planned* (*тщательно спланировал*) и *to ensure the safety* (*чтобы обеспечить безопасность*). Таким образом, в примере (10) двойное отрицание не ослабляет, а, напротив, усиливает идею, что у Ноя было четкое представление о ситуации и ее возможных последствиях, и может рассматриваться как прием передачи смыслового ударения в тексте.

В еще большей степени способность двойного отрицания через преднамеренное ослабление выражения, чаще всего связанное с преуменьшением описываемых качеств, добиваться противоположного эффекта проявляется в высказывании из примера (11). В этом примере мы имеем дело с преднамеренной деинтенсификацией оценки состояния говорящего, что ослабляет иллюкутивную силу высказывания, но усиливает его перлокутивный эффект. Это высказывание носит отчетливо ироничный характер: выражение *I'm not unhappy* на самом деле означает *I'm extremely happy*, так как говорящий выиграл в лотерею. Иронический эффект достигается за счет контраста смысла ситуации и выражения, выбранного говорящим для ее описания. Во всех рассмотренных выше примерах двойное отрицание является эквивалентом утверждения, иногда с эффектом усиления: *not entirely incorrect* = *partially correct*, *not illegal* = *legal*, *not unaware* = *quite aware*, *not unhappy* = *very happy*.

¹A. S. Hornby, S. Wehmeier, C. McIntosh, J. Turnbull, M. Ashby. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Совсем другое значение фраза *I'm not unhappy* имеет в примере (12). Прилагательные *happy* относятся к прилагательным, которые могут иметь разную интенсивность своего значения: *happy – quite happy – not quite happy – not unhappy – unhappy*. Фраза *I'm not unhappy with my current job* из примера (12) не является эквивалентом фразы *I'm happy with my current job*, а означает неполную удовлетворенность говорящего своей работой, т. е. промежуточное состояние между *happy* и *unhappy*, ближе к последнему. Заметим, что такой смысл не могут иметь прилагательные, не допускающие промежуточных состояний, типа *married – unmarried, honest – dishonest, efficient – inefficient* и т. п. Прилагательное *familiar* из примера (7), хотя и допускает промежуточное состояние, но только одно, поэтому если представить шкалу промежуточных состояний от «плюса» к «минусу» и расположить прилагательные из примеров (12) и (7) на этой шкале, то можно видеть, что значение *not unhappy* ближе к отрицательному полюсу (так как *не совсем счастлив* и *не совсем несчастлив* – это разные вещи), а *not unfamiliar* находится строго между утверждением и отрицанием, либо чуть ближе к положительному полюсу (так как *не совсем знаком* практически эквивалентно *не совсем незнаком*).

Таким образом, конструкция с двойным отрицанием «*not* + прилагательное с отрицательной приставкой» в зависимости от коммуникативно-прагматических условий может иметь целый ряд значений:

- смягченное утверждение, представляющее собой нечто среднее между утверждением и отрицанием (пример с прилагательным, допускающим только одно промежуточное состояние между прямым и обратным значениями);

- лишенное стилистической окраски простое опровержение;
- смягченное высказывание по сравнению с соответствующим отрицательным высказыванием (пример стратегии негативной вежливости);
- двойное отрицание, усиливающие положительное значение (примеры с литотой и иронией);
- смягченное утверждение ближе к отрицанию (пример с прилагательным, допускающим несколько промежуточных состояний между прямым и обратным значениями).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье мы исследовали семантико-прагматические значения разновидностей двойного отрицания, встречающихся в английском языке. Мы показали, что говорящий может использовать двойное отрицание как в буквальном, так и в переносном значении. Прибегая к стилистически окрашенным вариантам двойного отрицания, говорящий может не только передавать тонкие семантические различия, но также усиливать или ослаблять перлокутивный эффект высказывания. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что двойное отрицание представляет собой явление на стыке семантики и прагматики. Мы полагаем, что в перспективе может быть интересно рассмотреть двойное отрицание с когнитивной точки зрения, что позволило бы сделать выводы о механизмах и процессах обработки сознанием человека подобных высказываний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Leech G. A glossary of English grammar. Edinburgh University Press, 2006.
2. Blanchette F. English negative concord, negative polarity, and double negation. New York: City University of New York, 2015.
3. Zeijlstra H. Sentential negation and negative concord. Amsterdam: University of Amsterdam, 2004.
4. Hughes A., Trudgill P., Watt D. English accents and dialects an introduction to social and regional varieties of British English. London and New York: Routledge, 2013.
5. Coles-White D.J. Negative Concord in Child African American English: Implications for Specific Language Impairment. // Journal of Speech, Language, and Hearing Research, 2004. Vol. 47. № 1. P. 212–222.
6. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. XVI. С. 217–237.
7. Wouden van der T. Litotes and downward monotonicity // Negation: A Notion in Focus / H. Wansing (ed.). Berlin: de Gruyter, 1996. P. 145–167.

REFERENCES

1. Leech, G. (2006). A glossary of English grammar. Edinburgh University Press.
2. Blanchette, F. (2015). English negative concord, negative polarity, and double negation. New York: City University of New York.

3. Zeijlstra, H. (2004). Sentential negation and negative concord. Amsterdam: University of Amsterdam.
4. Hughes, A., Trudgill, P., Watt, D. (2013). English accents and dialects an introduction to social and regional varieties of British English. London and New York: Routledge.
5. Coles-White, D.J. (2004). Negative Concord in Child African American English: Implications for Specific Language Impairment. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 47(1), 212–222.
6. Grice, H. P. (1985) Logic and conversation. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, 16, 217–237. (In Russ.)
7. Wouden van der, Ton. (1996). Litotes and downward monotonicity. In H. Wansing (ed.), *Negation: A Notion in Focus* (pp. 145–167). Berlin: de Gruyter.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смурова Ольга Владимировна

кандидат филологических наук

доцент кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smurova Olga Vladimirovna

PhD (Philology)

Assistant Professor at the Department of Grammar and History of the English Language
Faculty of the English language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.12.2023
19.01.2024
28.02.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК: 81-112

Грамматические идиомы в диахронии (на материале английского языка)

Т. С. Сорокина

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
sotan1462116@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируются грамматические идиомы в английском языке с целью изучения процессов грамматической идиоматизации в диахронии. Материалом послужили грамматические явления, которые либо полностью идиоматизировались в процессе исторического развития, либо демонстрируют такую тенденцию в настоящее время. Обнаруживается, что этапу идиоматизации может предшествовать длительный процесс грамматикализации, а тенденция к идиоматизации языкового выражения может проявляться в контекстно обусловленном формате.

Ключевые слова: диахрония, грамматические идиомы, идиоматизация, грамматикализация, двойные модальные сочетания, контекстно обусловленный формат

Для цитирования: Сорокина Т. С. Грамматические идиомы в диахронии (на материале английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885), С. 126–131.

Original article

English Grammatical Idioms in Diachrony

Tatiana S. Sorokina

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
sotan1462116@gmail.com*

Abstract. The article presents English grammatical idioms and discusses means and ways of exploring the process of grammatical idiomatization in diachrony. Analysed were some grammatical phenomena that either were fully idiomatized in course of history or show a tendency to become idioms at present. Evidently gaining idiomatization is preceded by a long process of grammaticalization and idiomatization of a language unit can be realized in contextually determined use.

Keywords: diachrony, grammatical idioms, idiomatization, grammaticalization, double modals, contextually determined use

For citation: Sorokina, T. S. (2024). English Grammatical Idioms in Diachrony. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4 (885), 126–131.

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день понятие «идиома» по-прежнему остается предметом дискуссий: исследователи всё еще не пришли к единому определению этого понятия, к его общепринятому терминологическому обозначению. В широком смысле, вслед за А. Ланглотцем под идиомами понимаются «комплексные языковые символы, обладающие специфическими формальными, семантическими, прагматическими и социолингвистическими характеристиками»¹ [Langlotz, 2006, с. 7].

На основании разных свойств идиом, осуществляются их различные классификации. Например, В. М. Савицкий рассматривает ряд классификаций идиом по степени их семантической целостности, характеру семантической неравнообъемности, характеру интерпретации номинального значения, по степени мотивированности значений и виду языковых десигнаторов [Савицкий, 2006]. По последнему параметру идиомы подразделяются на фразовые, лексические и грамматические.

Целью статьи является обсуждение возможности исследования английских грамматических идиом в диахронии.

Материалом для иллюстрации обсуждаемых положений послужили некоторые явления английского языка, которые в процессе исторического развития либо полностью трансформировались в грамматические идиомы, либо демонстрируют тенденцию к идиоматизации в настоящее время.

ДАнные ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКИ. ДИСКУССИЯ

Идиоматичность является объектом лингвистических исследований сравнительно недавно. Так, С. Кавка и Дж. Зиберт в [Kavka, Zibert, 2004] выделяют, как минимум, три периода изучения идиом:

- 1) начало XX века;
- 2) 50-е годы XX века, когда исследования в этой области были возобновлены;
- 3) конец 80-х – 90-е годы XX века – период изучения идиом сквозь призму прагматики и психолингвистики.

В начале XX века большинство исследований представляли собой этимологические коллекции. Например, в работе Л. Смита «English Idioms» [Smith, 1925] представлен большой набор примеров идиоматичных единиц, классифицированных с точки зрения их этимологии. В России вопрос об изучении устойчивых сочетаний слов был поставлен в 20–40-х годах XX века Е. Д. Поливановым, С. И. Абакумовым, Б. А. Лариным, Л. А. Булаховским, что в

дальнейшем, на основе работ В. В. Виноградова, привело к оформлению фразеологии как отдельной лингвистической дисциплины.

В прошлом столетии сформировались два подхода к исследованию идиоматики и пониманию идиомы: англо-американская традиция и европейская континентальная традиция. В рамках этих двух школ можно выделить как общие черты, так и ряд важных различий.

Англо-американская традиция берет свое начало с работы Г. Суита, который рассматривал проблему функционирования идиом преимущественно в грамматике. При этом под идиомами Г. Суит понимал «особые предложения, у которых значение целого не может быть выведено из значений компонентов», например, *I cannot help it* [Sweet, 1891]. Отметим, что понятие «идиома» у исследователя было весьма ограничено: идиоматичность, по его мнению, присуща только предложениям. Дальнейшее развитие понятие «идиома» получает в трудах Ч. Фриза, Й. Бар-Хиллела, Дж. Катца, Н. Посталя, М. Пея, Ч. Хоккета, Л. Смита, Ф. Палмера и др. В их понимании идиоматичностью обладает широкий круг языковых выражений. Например, У. Макморди в качестве идиом рассматривает разные языковые единицы: звукоподражательные слова, междометные и модальные обороты, пословицы, поговорки, составные союзы, переосмысленные и непереосмысленные устойчивые сочетания слов. Это связано с тем, что под термином *idiom* в англо-американской лингвистике понимается «форма выражения, специфичная для какого-либо языка» (*idiom = form of expression peculiar to a language*)². Иными словами, понятие «идиома» подразумевает очень широкий круг значений, и идиоматичным может быть сочетание, устойчивое сочетание или любое слово при одном условии – если данная языковая единица демонстрирует национальное своеобразие [McMordie, 1974], т. е. является специфичной для рассматриваемого языка.

В рамках англо-американской школы не было выработано единой теории идиоматики, теоретические исследования в этой области представлены весьма фрагментарно. Изучение идиом не выделялось в отдельную отрасль, а лишь описывалось с точки зрения разных сфер лингвистики (грамматики, лексической семантики, трансформационной грамматики и др.), а также использовалось в практике преподавания. Лексикографическая практика в англо-американской традиции была значительно шире ее теоретической составляющей: было создано большое количество словарей, практических пособий и справочников по идиоматике.

¹Зд. и далее перевод наш. – Т. С.

²Oxford Advanced Learner's Dictionary.

Европейская континентальная традиция берет свое начало в XX веке с учения Ш. Балли, который указал на особую природу устойчивых словосочетаний. Она также связана с работами российских лингвистов Ф. Ф. Фортунатова, В. К. Поржезинского, А. А. Шахматова и др., в которых была «намечена первичная проблематика исследования «слитных речений» [Савицкий, 2006, с. 9]. В дальнейшем изучение идиоматики было продолжено в рамках французского, немецкого и советского языкознания. Отечественные ученые В. В. Виноградов, В. Л. Архангельский, Н. Н. Амосова, А. В. Кунин, И. И. Чернышева также внесли большой вклад в формирование и разработку новой отрасли лингвистики – фразеологии.

Понятие «идиома» в европейской континентальной традиции соотносится с понятием «фразеология»: если принять, что фразеологизм – это относительно устойчивое, воспроизводимое сочетание слов, обладающее целостным значением (идиоматичностью), то идиома – либо один из рядов фразеологических единиц (В. В. Виноградов, С. И. Ожегов), либо синоним термина «фразеологическая единица» (А. В. Кунин, О. С. Ахманова).

По данным исследовательской практики историком происхождения идиом в диахронии могут быть: 1) изменение семантики существующих слов (в частности, переинтерпретация значения [Баранов, Добровольский, 1996], 2) заимствования слов и форм (*persona non grata*, *on the qui vive*). Одним из примеров идиом, закрепившихся в языке вследствие процесса переосмысления значения компонентов (сужения, расширения, сдвига или переноса значения), является выражение *to follow the plough*: при своем первоначальном значении «to be a farmer», на сегодняшний день идиома обозначает «действовать в одиночку».

Этимологию идиом часто можно найти в словарях, которые в некоторых случаях позволяют проследить их происхождение в диахронии. Возникновение и употребление идиомы часто связаны с традициями, устоями народа, а также с другими экстралингвистическими факторами. Так, например, часто употребляемая идиома *red tape*, обозначающая формальности, которые замедляют ход дела (волокита), берет свое начало в XVI веке. Это связано с обычаем перевязывать важные документы красной лентой, чтобы отделить их от других материалов. Открыть такие бумаги было весьма трудно, что коррелирует со значением идиомы и ее происхождением.

Поскольку объектом рассмотрения в данной статье являются грамматические идиомы, мы, вслед за В. М. Савицким, будем трактовать такого рода идиомы как «структурно-семантические модели,

имеющие семантические константы, которые ограничивают диапазон лексического варьирования сверх обычных ограничений, накладываемых первичными правилами семантической комбинаторики» [Савицкий, 2006, с. 186]. Иными словами, грамматическая идиома – это модель, чья лексическая составляющая ограничивается компликативным семантическим компонентом конструкции.

В соответствии с этим определением словосочетания типа *a cat of a woman*, *a nightgown of a mackintosh* образованы от активной модели *a <NP> of a <NP>* (рус. <существительное>, а не <существительное>), которая имеет компликативный семантический элемент (эмотивно-оценочное сравнение). Отметим, что идиомой в этом случае будет являться именно модель, а не сами словосочетания: они только переменные, которые порождает эта модель. Грамматические идиомы можно также называть метаидиомами – моделями, которые 1) обладают целостным семантическим компонентом и 2) способны порождать потенциальные идиомы (протоидиомы).

Список примеров грамматических идиом находим у Ч. Филлмора [Fillmore, Kay, O'Connor, 1988, с. 510–511]:

- a. There goes Charlie again, ranting and raving about his cooking.
- b. Look who's here!
- c. What with the kids off to school and all.
- d. Why not fix it yourself?
- e. He's not half the doctor you are.
- f. Much as I like Ronnie, I don't approve of anything he does.
- g. He may be a professor, but he's an idiot.
- h. Him be a doctor?
- i. What do you say we stop here?
- j. It's time you brushed your teeth.
- k. One more and I'll leave.
- l. No writing on the walls!
- m. That's not big enough of a box.
- n. It satisfied my every wish.

Ч. Филлмор называет их специальными грамматическими конструкциями (*special grammatical constructions*) или формальными (по сути, грамматическими) идиомами (*formal idioms*). Отметим попутно, что автор теории грамматики конструкций вводит основные понятия этой теории именно на примере грамматической идиомы *let alone*.

В разных этимологических словарях можно найти примеры модальных грамматических идиом: *Modal idioms* are idiosyncratic verbal formations which consist of more than one word and which have modal meanings that are not predictable from the

constituent parts (compare the non-modal idiom *kick the bucket*). Under this heading we include *have got [to], had better / best, would rather / sooner / as soon, and be [to]* [Aarts, 2011].

В эту же группу относят *might as well*. Значение таких идиом нельзя вывести из значений их компонентов, и оно в целом синонимично значению какого-либо одного центрального модального глагола, например, *'d better=should*.

Описывая функциональные типы английских грамматических идиом Ф. Кермак в [Čermák, 2007] определяет их функциональность как возможность использования в тех же функциях, что и однословные выражения, принадлежащие к разным частям речи:

- существительное: *skeleton in the cupboard, an Indian summer*;
- глагол: *change horses in midstream, take a walk*;
- наречие: *with hands down, in the middle of nowhere*;
- местоимение: *anyone who, those who*;
- союз: *in order that, as long as*;
- предлог: *on behalf of, with the exception of*;
- частица: *all right, as well*.

По данным исследовательской практики основными параметрами грамматических идиом являются:

- 1) возможность их замены одним словом (многословные грамматические идиомы могут выступать как эквиваленты одного слова, т. е. как отдельные части речи: существительное, глагол, наречие и т. п.);
- 2) семантическая невыводимость и целостность значения (значения грамматических идиом, как и идиом вообще, являются не простой суммой значений составляющих их компонентов, но качественно иным целым, т. е. воспринимаются и используются как гештальт);
- 3) контекстная зависимость от грамматической конструкции: «...semantically interpreted objects are invariably first situated in contexts and then given their contextualized construals» [Fillmore et al., 1988, с. 534]. «Constructions may specify, not only syntactic, but also lexical, semantic, and pragmatic information; lexical items, being mentionable in syntactic constructions, may be viewed, in many cases at least, as constructions themselves» [там же, с. 501].

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИДИОМЫ В ДИАХРОНИИ

Хотя, как указывалось выше, понятию «идиома» и этимологии идиом уделялось много внимания, диахронный аспект функционирования

грамматических идиом пока не вызвал интереса лингвистов. Однако указание на такую возможность находим в книге И. В. Шапошниковой «История английского языка» [Шапошникова, 2011]. Автор описывает процессы, происходящие в глагольной подсистеме лексической номинации в английском языке с древнеанглийского (*далее* ДА) по среднеанглийский (*далее* СА) периоды, в частности, на примере диахронных изменений аналитических биномов типа V + N (дополнение) с эврисемическими глаголами *have, make, give, take, get, keep*. Характерный для ДА периода синкретизм конкретного и абстрактного в значениях существительных в дальнейшем способствовал расширению употребления второго компонента бинома (существительного) в абстрактных значениях. Параллельно действовал и когнитивный процесс реификации, т. е. перекатегоризации действия (процесса) в предметную сущность – его овеществления. Уже в СА период находим примеры типа *taken kepe, made a wente, yaf a knok, hadde a doute, maken desport, will take a purpose* и др [там же, с. 373]. Автор также отмечает, что к XIV–XV векам у новых аналитических биномов (правда, еще очень слабо) проявляется тенденция к метафорическому, переносному употреблению в текстах. Однако в полную силу этот процесс имеет место в новоанглийский и современный английский периоды. Хотя автор не использует термин «идиоматизация», по сути, речь идет именно о процессе превращения аналитических биномов в грамматические идиомы, поскольку в его основе лежит механизм когнитивной метафоры. Таким образом, здесь мы имеем пример исторического происхождения грамматической идиомы, где основным источником является изменение значения существующего слова (хотя заимствования также используются).

В итоге, современные языковые выражения с эврисемическими глаголами демонстрируют основные свойства грамматических идиом: 1) их значения не выводятся из значений компонентов структур и обладают семантической целостностью и 2) они могут заменяться одним словом (глаголом). Например:

have a look = to glance
take a seat = to sit down
get the message = to understand
make a start = to begin
keep guard = to watch
give a smile = to smile

Эти и другие критерии грамматической идиоматичности используются при выявлении

признаков идиоматизации двойных модальных сочетаний (далее ДМС) в работе Э. К. Барсуковой [Барсукова, 2023].

Необходимо пояснить, что в вышеупомянутой работе диагностика семантики компонентов ДМС, в частности определение статуса одного из компонентов структуры как корневого глагола, основана на общепринятой в современной исследовательской практике схеме «EPISTEMIC + ROOT», которая модифицируется в зависимости от типа ДМС и степени грамматикализации их компонентов и реализуется в семантических моделях ДМС. В частности, ДМС *might could* при диахронном анализе демонстрирует разную степень грамматикализации своих компонентов и, соответственно, разные семантические модели:

- EPISTEMIC + DYNAMIC (ability / possibility)
- EPISTEMIC + DEONTIC (permission / suggestion)
- EPISTEMIC + EPISTEMIC (probability).

Если первые две модели отмечаются в XIX–XX веках, то последняя – «EPISTEMIC + EPISTEMIC (probability)» – регистрируется в конце XX и в XXI веках. При этом оба компонента ДМС *might could* имеют высокую степень грамматикализации. Например:

- 1) She *might could* be a big help to you (Feagin, early 70s).
- 2) This *might could* be the best move we ever made (Mishoe, 1990).
- 3) When they got just above the house, Fletch said, 'You might stay here now. Give me time to case the joint'. "Here? This is about the place we saw the black wolf go into the woods last fall." "You think he's still here?" "*Might could be*" (Son of Fletch, 1994).

В примерах (1), (2) и (3) *might could* в значении вероятности часто употребляется в паре со смысловым глаголом *to be*, а в (3) – в эллиптическом предложении. Автор предполагает, что в современный

период это ДМС демонстрирует признаки идиоматизации в определенных контекстных условиях (в комбинации с глаголом *be* (*might could be + N*) и в эллиптических структурах типа *might could be* часто в ответах на вопросы. Эти употребления *might could* соответствуют следующим критериям идиоматизации:

- 1) они состоят как минимум из двух слов;
- 2) их значение не является суммой значений компонентов, не выводится из них и обладает целостностью;
- 3) целостность значений этих употреблений делает возможным их замену одним словом (наречием) MAYBE / PERHAPS;
- 4) их функционирование в качестве грамматических идиом контекстно обусловлено: оно задано компонентным составом структуры грамматической конструкции – в первом случае, употреблением с глаголом *be* как частью модального сказуемого полносоставного предложения, во втором случае, употреблением в эллиптической структуре.

Отсюда модель «EPISTEMIC + EPISTEMIC» двойного модального сочетания *might could* отвечает критериям идиоматизации и может трактоваться как контекстно обусловленная грамматическая идиома.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленные выше результаты исследований грамматических идиом, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что в диахронии:

- 1) грамматические явления могут трансформироваться в идиомы путем метафорического переноса;
- 2) идиоматизации грамматических явлений может предшествовать длительный процесс однонаправленной грамматикализации;
- 3) грамматические явления могут подвергаться контекстно обусловленной идиоматизации, что приводит к их гештальтному восприятию и употреблению в процессе коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Langlotz A. Idiomatic creativity: a cognitive-linguistic model of idiom – representation and idiom-variation in English. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006.
2. Савицкий В. М. Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006.
3. Kavka S., Zibert J. Glimpses on the History of Idiomaticity Issues // Skase Journal of Theoretical Linguistics. 2004. Vol. 1 (1). P. 54–66.
4. Smith L. Words and Idioms. Constable and Company Ltd, 1925.
5. Sweet H. A new English grammar. Oxford: Clarendon Press, 1891.
6. McMordie W. English Idioms and How to Use Them. Oxford: Oxford University Press, 1974.

7. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Идиоматичность и идиомы // Вопросы языкознания. 1996. Вып. 5. С. 51–64.
8. Fillmore C., Kay P., O'Connor C. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of 'Let Alone' // Language. 1988. Vol. 64, Pp. 501–538.
9. Čermák J. Shromáždím hluboký ze slov svých hvozď...': k možnostem překladu anglické středověké poezie ["I will gather deep woods of my words": On the translation possibilities of English medieval poetry // R. Tomášková (ed.), *Translatologica Ostraviensia: Sborník z konference Den s překladem*. Ostrava: Filozofická fakulta Ostravské univerzity, 2007. Pp. 29–36.
10. Шапошникова И. В. История английского языка. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.
11. Барсукова Э.К. Репрезентация двойной модальности в английском языке (диахронный аспект): дис. ...канд. филол. наук. М., 2024.

REFERENCES

1. Langlotz, A. (2006). *Idiomatic creativity: a cognitive-linguistic model of idiom – representation and idiom-variation in English*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
2. Savitskii V. M. (2006). *Osnovy obshchei teorii idiomatiki = Foundations of the general theory of idiomatics*. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
3. Kavka, S., Zibert, J. (2004). Glimpses on the History of Idiomaticity Issues. *Skase Journal of Theoretical Linguistics*, 1(1), 54–66.
4. Smith, L. (1925). *Words and Idioms*. Constable and Company Ltd.
5. Sweet, H. (1891). *A new English grammar*. Oxford: Clarendon Press.
6. McMordie, W. (1974). *English Idioms and How to Use Them*. Oxford: Oxford University Press.
7. Baranov, A.N., Dobrovol'skij, D. O. (1996). Idiomaticnost' i idiomy = Idiomaticity and idioms. *Issues of Linguistics*, 5, 51–64. (In Russ.)
8. Fillmore, C., Kay, P., O'Connor, C. (1988). Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of 'Let Alone'. *Language*, 64, 501–538.
9. Čermák, J. (2007). Shromáždím hluboký ze slov svých hvozď...': k možnostem překladu anglické středověké poezie ["I will gather deep woods of my words": On the translation possibilities of English medieval poetry]. In R. Tomášková (ed.), *Translatologica Ostraviensia* (pp. 29–36): Sborník z konference Den s překladem. Ostrava: Filozofická fakulta Ostravské univerzity.
10. Shaposhnikova, I.V. (2011). *Istorija anglijskogo jazyka = History of the English Language*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
11. Barsukova, Je. K. (2023). *Reprezentacija dvojnoj modal'nosti v anglijskom jazyke (diahronnyj aspekt) = Representation of double modality in English (diachronic aspect): PhD in Philology*. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сорокина Татьяна Сергеевна

доктор филологических наук, профессор

профессор кафедры грамматики и истории английского языка

факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sorokina Tatiana Sergeevna

Doctor of Philology (Dr. habil), Professor

Professor at the Department of Grammar and History of English

Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.12.2023
29.01.2024
28.02.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 811.1/.8

Особенности языковой игры в китайском политическом дискурсе

Юань Сяоци

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия
244344827@qq.com*

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы языковой игры в высказываниях китайских политиков. Проводится анализ способов образования шуток и каламбуров и целей их употребления в политическом дискурсе КНР. В статье поднимаются вопросы, связанные с трудностями перевода китайской языковой игры. Делается вывод о том, что юмористический эффект создается благодаря обращению к фоновым знаниям реципиента, использованию стилистических приемов (метафора, метонимия, оксюморон) и культурно обусловленных маркеров.

Ключевые слова: китайский язык, политический дискурс, языковая игра, шутка, метафора

Для цитирования: Сяоци Юань. Особенности языковой игры в китайском политическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 132–138.

Original article

Features of Language Game in Chinese Political Discourse

Yuan Xiaoqi

*People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia
244344827@qq.com*

Abstract. The article deals with mechanisms of language play in the statements of Chinese politicians. It analyses ways of forming jokes and puns and purposes of their use in the political discourse of the People's Republic of China. The article considers questions related to the difficulties of translating the Chinese language game. It concludes that humorous effect is created by means of referring to the recipient's background knowledge, use of stylistic devices (metaphor, metonymy, synecdoche, oxymoron, etc.) and culturally determined markers (features of Chinese writing and phraseology).

Keywords: Chinese language, political discourse, language game, joke, metaphor

For citation: Yuan Xiaoqi (2024). Features of Language Game in Chinese Political Discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(885), 132–138.

ВВЕДЕНИЕ

Языковая игра – вид языкового варьирования, когда отдельные слова, словосочетания или целые предложения используются в нестандартном, как правило, умышленно искаженном виде с целью более наглядного донесения информации, создания юмористического эффекта, выражения определенных эмоций, манипуляции человеческим сознанием и др. Подобное варьирование может осуществляться посредством игры слов (их форм и значений), намеренной тавтологии, звуковых эффектов (например, аллитерации, аспирации) или иных средств, в зависимости от языковой и культурной среды.

Вопросами языковой игры уже не одно столетие занимаются ученые по всему миру, от стоявших у истоков ее определения и типологии Л. Витгенштейна, Ф. Росси-Ланди и Й. Хейзинги до современных лингвистов В. Г. Гака, Т. А. Гридиной, И. А. Каргополовой, В. З. Санникова и др.

Языковая игра многообразна. По справедливому замечанию исследователей, она «становится определенным стандартом мышления и самовыражения и охватывает все сферы человеческой жизни» [Эрдынеева, 2015, с. 80], что обуславливает ее актуальность в качестве объекта исследования. Языковая игра используется в художественной литературе, песнях, рекламе, телешоу, на праздниках и в других сферах коммуникации. Важно отметить ее тесную связь с культурными особенностями и нюансами языка, поэтому иногда она может быть сложна для понимания людьми, изучающими язык как иностранный, а также, как правило, вызывает трудности при переводе на другие языки.

Цель данной статьи – выявить особенности языковой игры в китайском политическом дискурсе и возможности ее перевода на русский язык. Под политическим дискурсом в Китае мы понимаем язык, используемый правящей элитой страны для распространения своих идей и осуществления политических действий. Вслед за З. Н. Игнашиной и Е. А. Поповой, подчеркнем, что, изучая политическое мышление по языковым данным, исследователи имеют возможность определить и классифицировать «особенности этнокультурной и этнолингвистической специфики взаимодействия политических лидеров, партий, значимых политических сил и общества» [Игнашина, Попова, 2020, с. 204].

Отметим, что в отличие от России, где политическая лингвистика является самостоятельной научной дисциплиной, начало которой положили исследования А. П. Чудинова, в Китае данное направление еще не окончательно сформировано

[Пак, 2017], а изучение китайского политического дискурса имеет ряд слабых мест, среди которых исследователи выделяют отсутствие системности материала и глубоких трудов по теме, а также склонность авторов к теоретическим изысканиям в ущерб практике [汪少华, 2017; Хамити, 2021]. Вышесказанное подчеркивает актуальность и необходимость научных изысканий и практических результатов в данной области.

Материалом для исследования послужили публичные выступления китайских политиков разных периодов существования КНР, статьи в китайских и международных СМИ, в которых открыто или завуалированно представлены идеалы, цели, взгляды и особенности нации, зачастую не разделяемые «посторонними». Таким образом, чтобы максимально сохранить исходный смысл при переводе, необходимо учитывать ряд экстралингвистических факторов – историко-политические, культурно-идеологические, социально-экономические и др.

МЕТАФОРА КАК ОСНОВА ШУТКИ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ КИТАЙСКИХ ПОЛИТИКОВ

Т. А. Гридина выделяет три группы шуток в политическом дискурсе:

- подготовленные остроумные, шуточные высказывания политиков по поводу социально-политических событий;
- непреднамеренные, спонтанные шуточные высказывания на политические темы;
- насмешки – обидные шутки [Гридина, 2011].

В основе шуток может лежать разнообразные стилистические приемы и средства, таких как метафора, ирония, аллегория, метонимия, гипербола, пародия и т. д. [Семкин, 2012]. Говоря о китайском политическом дискурсе, можно отметить риторику, склонную, в первую очередь к метафоризации.

В качестве когнитивных оснований для сознательно сформулированных шуток зачастую выступают как концептуальные, так и художественные метафоры, а также обращение к фоновым знаниям реципиента. Например, 24 октября 2018 года в «New York Times» по результатам пресс-конференции в Белом Доме была опубликована информация о том, что китайские и российские спецслужбы отслеживают личный iPhone (смартфон американской компании «Эппл») президента США Д. Трампа. Статья сопровождалась комментарием «официальных представителей» страны: китайское правительство напрасно надеется, что использование отслеживаемых материалов поможет в стратегии устранения торговых

разногласий¹. Примечательно, что имена этих представителей в тексте статьи не упоминаются, при этом словосочетание *officials say / said* (официальные лица / представители говорят / сказали²) используется в нем 22 раза, вызывая вопросы в авторитетности такого источника.

В ответ официальный представитель Министерства иностранных дел КНР Хуа Чуньин заявила:

感觉现在美方有些人真的是想不遗余力地角逐“奥斯卡最佳剧本奖”。³ – Складывается такое впечатление, что некоторые люди в США действительно хотят приложить все усилия, чтобы побороться за Оскар за лучший сценарий.

В данном случае шутка политика основана на концептуальной метафоре «действия американских политических деятелей = голливудский фильм»; в сознании обывателя, обладающего фоновыми знаниями о Голливуде и премии Оскар, американские обвинения обесцениваются и звучат смешно.

Обращение к фоновым знаниям видно и в другом высказывании Хуа Чуньин по тому же поводу:

中国外交部发言人华春莹表示，如果很担心苹果手机被窃听的话，可以改用华为手机。⁴ – Если они [американцы] так обеспокоены тем, что кто-то прослушивает их смартфоны iPhone, они могут использовать Huawei.

В результате на следующий день, 25 октября в «New York Times» вышла статья под заголовком «China Mocks Report It Tapped Trump's iPhone» («Китай высмеивает сообщение о том, что он прослушивал iPhone Трампа»). Использование имеющих негативные коннотации глаголов *mock* в названии статьи и *ridicule* в ее тексте (*China on Thursday ridiculed...*⁵ – *В четверг Китай высмеял...*) показывает, что для американцев такая шутка является обидной.

Целью использования языковой игры, основанной на когнитивных метафорах, может быть критика. В качестве примера рассмотрим выступление Гэн Шуана (на данный момент – официального представителя КНР в ООН). 10 июля 2019 года вице-президент США М. Пенс на пресс-конференции на

семейной ферме Фрейтас в Калифорнии заявил, что Соединенные Штаты, являясь маяком свободы во всем мире (*The U.S. is a beacon of freedom for all the world*), собираются решать проблемы всего мира, включая Китай. 12 июля 2019 года, будучи на тот момент спикером МИД КНР, Гэн Шуан на пресс-конференции в Пекине в ответ на данную метафору пошутил:

这灯塔似乎不怎么亮了⁶ – Кажется, этот маяк светит не очень-то ярко.

Спикер критикует политику вмешательства США в жизнь других стран и считает, что для решения мировых проблем у американских властей недостаточно ни прав, ни способностей, а в первую очередь им следует сосредоточиться на решении собственных насущных вопросов.

Примером спонтанной шутки, основанной на метафоре, можно считать высказывание Ли Чжаосин, занимавшего пост чрезвычайного и полномочного посла КНР в США с 1998 до 2001 год. Однажды во время выступления с речью в Государственном университете Огайо ему был задан вопрос: «Почему вы хотите вторгнуться в Тибет?». Посол, на раздумывая, ответил:

您的胳膊本来就是您身体的一部分，您能说您的身体侵略了您的胳膊吗?⁷ – Рука – часть вашего тела, можно ли сказать, что ваше тело захватило вашу руку?

Ли Чжаосин сравнил Тибет и Китай с рукой и телом соответственно и, таким образом, с юмором объяснил, что Тибет является частью Китая.

Метафорические шутки в политике также используются для того, чтобы скрыть информацию или уйти от прямого ответа на вопрос. Когда репортер спросил Ли Жуйхуаня⁸ о ситуации в Гонконге, намекая на возможные протесты на территории, обладающей особым статусом:

您刚才在讲话中强调了团结的重要性，这是不是指香港人不够团结 – В своей речи вы только что подчеркнули важность единства. Означает ли это, что люди в Гонконге недостаточно сплочены?

Ли Жуйхуань ответил:

如果我祝你身体健康，是不是指你身体不健康呢？ [王娟现, 2011, с. 30] – Если я желаю Вам

¹When Trump Phones Friends, the Chinese and the Russians Listen and Learn. URL: <https://www.nytimes.com/2018/10/24/us/politics/trump-phone-security.html>

²Зд. и далее перевод наш. – Ю. С.

³中国回应窃听特朗普手机报道：可以改用华为。URL: <https://cn.nytimes.com/china/20181026/trump-iphone-china-eavesdrop/>

⁴Там же

⁵China Mocks Report It Tapped Trump's iPhone (and Plugs Its Own Competitor). URL: <https://www.nytimes.com/018/10/25/world/asia/trump-iphone-china-eavesdrop.html>

⁶Not very bright': China hits back at Pence's 'U.S. beacon of freedom' comment. URL: <https://news.cgtn.com/news/2019-07-13/China-hits-back-at-Pence-s-U-S-beacon-of-freedom-comment-1hTLCmxy0/index.html>

⁷Зд. и далее подчеркнуто нами. – Ю. С.

⁸Ли Жуйхуань – китайский политический деятель, член Посткома Политбюро ЦК КПК (1989–2002), председатель ВК НПКК (1993–2003).

крепкого здоровья, значит ли это, что у Вас проблемы со здоровьем?

Таким образом, используя метафорическое сравнение, Ли Жуйхуань смог дать остроумный ответ на каверзный вопрос.

МАРКЕРЫ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ИСТОЧНИК ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Языковая игра в китайском политическом дискурсе сильна своей культурной спецификой, в которой «обнаруживаются такие составляющие, как древность и традиция, с одной стороны, и современность и новизна, с другой» [Хамити, 2021, с. 29]. На наш взгляд, самыми важными, с точки зрения культурной составляющей, основаниями шуток и каламбуров в речах политиков КНР являются китайская иероглифика, фразеология и паремнологический фонд китайского языка. Перевод культурно обусловленной языковой игры на другие языки крайне сложен и требует большой подготовки и глубоких знаний переводчика.

Рассмотрим пример, связанный с дискурсом Чжоу Эньлая (1898–1976) – первого главы Госсовета КНР (1949–1976). Этот политик славился своей мудростью и умением остроумно отвечать на любой провокационный вопрос. Однажды иностранный журналист, желая посмеяться над китайским языком, поинтересовался: «Почему у вас в Китае дорога, по которой ходят люди, называется “лошадиная дорога”?»¹ По-китайски вопрос выглядит таким образом: 在你们中国，明明是人走的路为什么却要叫‘马路’呢? – где 马路 (Mǎlù) переводится как *проезжая дорога*. Исторически сложилось так, что 马路 – это еще и транслитерированное слово, образованное от имени дорожного инженера шотландского происхождения Джона МакАдама (John McAdam, по-китайски – 马卡丹). Однако 马路 состоит из 2 частей: 马 – *лошадь*, 路 – *дорога*, поэтому, задавая вопрос, репортер специально произнес каждый слог по отдельности, и в результате вместо обычной дороги получилась «лошадиная».

Чжоу Эньлай ответил:

我们走的是马克思主义道路，简称马路 [黄兰花, 2017, с. 220] – Мы следуем по пути марксизма – это наша дорога.

¹Three short stories are enough to reflect Premier Zhou's superb diplomatic wisdom and extraordinary charm. URL: <https://inf.news/en/history/a295d1e2e20010051617dccc379c7c251.html>

В данном примере Чжоу Эньлай сознательно приравнивает 马路 к 马克思主义道路, где 马克思主义 (Mǎkèsī zhǔyì) – *марксизм*, а 道路 (Dàolù) – *путь, дорога*. Такая интерпретация является игрой слов и, с одной стороны, отражает характерное для китайской культуры сочетание традиций и инноваций, с другой – показывает остроумие премьер-министра Эньлая.

В феврале 1972 года состоялась первая встреча Чжоу Эньлая и президента США Ричарда Никсона. Во время посещения спроектированного и построенного китайским народом Нанкинского моста, пересекающего реку Янцзы, Р. Никсон спросил у Ч. Эньлая:

总理阁下，请问南京长江大桥每天有多少人经过 – Глубокоуважаемый господин премьер-министр, сколько людей каждый день пересекают Нанкинский мост через реку Янцзы?

Чжоу Эньлай ответил:

总统阁下，南京长江大桥每天有5个人经过。每天经过南京长江大桥的人是工、农、兵、学、商，不是5个人吗？² – Господин президент, Нанкинский мост через реку Янцзы каждый день пересекают пять человек. Нанкинский мост, проходящий через реку Янцзы, пересекают рабочий, фермер, солдат, ученый, торговец, итого 5 человек, не так ли?

Если рассмотреть детально ответ Чжоу Эньлая на вопрос, заданный президентом США, то можно сказать, что число людей, о котором говорил премьер-министр, является условным значением. Образно используя такое стилистическое средство, как синекдоха, премьер-министр говорит о том, что мост предназначен для людей, вовлеченных в разные сферы деятельности: промышленность, сельское хозяйство, оборона, образование и торговля, и является символом народного единства и трудолюбия китайской нации.

Фраза, которую премьер Государственного совета КНР Ли Кэцян (2013 – 2023) сказал в конце пресс-конференции второй сессии XII Всекитайского собрания народных представителей, также отражает культурные ценности народа:

主持人说到吃午饭的时间了。中国人说民以食为天。所谓民是众的意思，你们的肚子加起来远远超过我一个人，还是要让大家不能挨饿。 [张福琳, 2016, с. 47] – Ведущий говорит, что уже время обеда. Как известно, для китайского народа приему пищи –

²Three short stories are enough to reflect Premier Zhou's superb diplomatic wisdom and extraordinary charm. URL: <https://inf.news/en/history/a295d1e2e20010051617dccc379c7c251.html>

первостепенный приоритет; упомянутый народ – это значит множество, (если) сложить все ваши животы вместе, то они намного превзойдут меня, всё-таки не буду больше вас томить голодом.

Во-первых, Ли Кэцян использовал следующую идиому: 民以食为天 (mín yǐ shí wéi tiān), которая буквально означает «народ считает пищу своим небом» (для народа пища – самое главное, для народа основой является пища). Во-вторых, говоря о количестве людей на конференции и затрагивая тему необходимости прерваться на обед, Ли Кэцян использует метонимию: 你们的肚子 – *ваши желудки*. Речь премьер-министра, сдобренная добрым юмором, свидетельствует о его мудрости, поскольку таким образом он ставит себя на место своих сограждан и показывает, что он с ними на равных.

4–6 ноября 2001 года в Брунее состоялась встреча лидеров Китая, Японии и Южной Кореи касательно сотрудничества Китая и АСЕАН. Еще одним примером использования игры слов в политическом дискурсе является вопрос репортера, заданный председателю Госсовета КНР Чжу Жунцзи и ответ политика. После встречи глав трех государств репортер спросил Чжу Жунцзи:

总理你好，能不能说一下，今天早晨跟日、韩两个国家的领导人谈的是什麼，有什么新闻？ – Здравствуй-те, Уважаемый премьер-министр, не могли бы Вы рассказать, что Вы обсуждали с лидерами Японии и Южной Кореи, есть ли какие-то свежие новости?

Чжу Жунцзи ответил:

有什么新闻？都是旧闻 [王娟现, 2011, с. 30]. – Есть ли какие-то свежие новости? Есть только старые новости.

Рассмотрим игру слов, которую использовал Чжу Жунцзи, чтобы с юмором уйти от ответа и не разглашать информацию государственной важности. Слово 新闻 (xīnwén) – *новости* состоит из двух частей, а именно: 新, т. е. *новый* и 闻, т. е. *слухи, известия, новости* или *сведения*. Используя слово 新闻 (*новости*), политик изменил первый иероглиф 新 *новый* на иероглиф противоположного значения 旧 (jiù), т. е. *старый*, получив таким образом слово 旧闻, которое можно перевести как *старые новости*. В китайском языке такой лексемы не существует, однако с помощью каламбура, в основе которого лежит оксюморон, Чжу Жунцзи смог остроумно отреагировать на заданный вопрос.

Ответ премьер-министра на вопрос журналиста, конечно, не являлся тем, который тот хотел получить, однако Чжу Жунцзи показал одну из типичных

черт китайского дискурса: политик не обязан отвечать на все вопросы, которые ему задают. Если же политик решает ответить, то может сделать это как прямо, так и косвенно, в зависимости от степени важности информации.

В 1946 году, после переговоров в Чунцине между Гоминьданом (Национальная партия – китайская политическая партия, основанная в 1894 году) и Коммунистической партией, Центральный комитет партии и Мао Цзэдун поручили Чжоу Эньлаю возглавить делегацию КПК в Нанкин для переговоров с правительством Гоминьдана. Во время переговоров возникло недопонимание между сторонами: Чжоу Эньлай раскритиковал абсурдные идеи Национальной партии, что разозлило и смутило противоположную сторону переговоров. Оппонент, защищая свою позицию, сказал, что переговоры с Коммунистической партией – то же самое, что метать *бисер перед свиньями* (对牛弹琴). Чжоу Эньлай ответил:

对，牛弹琴！¹ – Вы правы, свиньи мечут бисер!

В данном случае была использована идиома 对牛弹琴 (duìniú tánqín), букв. ‘играть на цитре перед быком’. Поскольку в русском языке такая идиома не используется, при переводе языковой игры мы решили использовать схожий по смыслу фразеологизм – *метать бисер перед свиньями*. Чжоу Эньлай, отвечая на провокационное высказывание противоположной стороны, использовал идиому своего оппонента, однако сделал долгую паузу после первого слова, и таким образом появилась структурно-синтаксическая двусмысленность.

Поскольку в китайском языке, один иероглиф может иметь несколько разных значений, то рассматривая наш пример, получаем, что слово 对 в первом случае является предлогом направления действия, вводит дополнение адресата, а во втором случае является прилагательным, которое означает «верно, вы правы». Таким образом, каламбур, использованный политиком, изменил направленность высказывания.

Бывший министр иностранных дел Ли Чжаосин, принимая участие во встрече коллег в рамках форума «Диалог о сотрудничестве в Азии», проходившего в его родном городе Циндао в 2005 году, беседуя с иностранными гостями сказал, что если бы он всегда хвалил родной город, то о нем бы говорили: 王婆卖瓜，自卖自夸 [李建平, 2008, с. 33] – *всякий купец свой товар хвалит*, букв. ‘старуха Ван продает тыкву, сама продает и сама хвалит’. Чтобы адаптировать ее для понимания

¹周恩来的外交幽默！ URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/94344378>

носителями русского языка, мы использовали похожую по смыслу русскую поговорку.

Примером шутки с использованием комплекса элементов языковой игры, от китайской идиоматики до концептуальных метафор, понятных американцам, являются слова Си Цзиньпина во время одного из его визитов в США:

近期，我们大力惩治贪腐，坚持“老虎”、“苍蝇”一起打，这就是顺应民心。这里边没有什么权力斗争，没有什么纸牌屋¹ – В рамках кампании против коррупции мы уже наказали как «тигров», так и «мух», подчиняясь воле народа. Здесь нет борьбы за власть, нет «карточного домика».

Юмор заключается в следующем: Си Цзиньпин использует понятие «карточный домик» («House of Cards» – телевизионная драма о перипетиях американской власти), говоря о природе антикоррупционных действий Китая, которые в корне отличаются от борьбы за власть на американской политической арене в «карточном домике». Чтобы понять данный пример, также необходимо знать, кого глава КНР называет «тиграми» и «мухами», а при переводе – дать комментарий о том, что в Китае так называют крупных и мелких взяточников.

Целый спектр факторов, приведших к языковой игре, можно наблюдать и в следующем примере, взятом из речи уже неоднократно упоминавшегося в статье Чжоу Эньлая. Целью ее использования стала попытка устранить непонимание, связанное с разницей культурных кодов, и сгладить назревавший конфликт. В 1950-х годах, после основания Китайской Народной Республики, на банкете для иностранных гостей были поданы блюда, которые вызвали восхищение не только своим разнообразием, но и неповторимым ароматом и непревзойденным вкусом. Во время встречи гостям подали суп, оформленный в китайском традиционном стиле. Ингредиенты в нем были вырезаны традиционными узорами, однако эти узоры были похожи на символ фашизма, что привело иностранцев в недоумение. На вопрос, который возник у гостей касательно фашистских символов, Чжоу Эньлай, несмотря на то, что проблема возникла внезапно, смог быстро подобрать правильные слова и действия, которые помогли не только не испортить отношения, но и развеселили окружающих. Эньлай ответил:

这不是法西斯标志！这是我们中国传统中的一种图案，叫‘万’字，象征‘福寿绵长’的意思，是对客

人的良好祝愿。就算是法西斯标志也没有关系嘛！我们大家一起消灭法西斯，把它吃掉！ [赵玉倩，杨明星；2018，с. 86]. – Это не символ фашизма! Этот китайский традиционный узор называется 万(wàn) и символизирует большую удачу и долгую жизнь, которые мы хотели бы пожелать нашим гостям. А даже если это и фашистский знак – неважно! Давайте все вместе избавимся от фашизма, поглотив его!

Поскольку форма нарезки продуктов в банкетном блюде случайно превратилась для представителей других культур в фашистский знак, отсутствие разумного объяснения такому явлению легко могло привести к негативным политическим последствиям. Таким образом, премьер-министр сначала объяснил значение данных иероглифов в Китае, а затем предложил символически избавиться от фашизма, съев его «знаки».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для выразительности и эмоциональности речи китайские политики часто используют элементы языковой игры, тем самым привлекая внимание аудитории как в родной стране, так и за рубежом. Языковая игра, (в первую очередь – каламбуры и шутки) в настоящее время является одним из самых актуальных и привлекательных инструментов для поддержания имиджа человека, который не только хорошо разбирается в социально-политической ситуации, но и способен, например, образно выразить свое мнение об оппоненте, чтобы не обидеть его, снять возможное напряжение во время переговоров или уйти от прямого ответа на вопрос. Шутки при этом могут быть как подготовленными, так и спонтанными.

Искусная игра со значениями слов и символов, создание определенных ассоциаций с помощью идиом и концептуальных метафор, палитра стилистических приемов и техник речи в китайском политическом дискурсе может вызвать трудности при передаче заложенных в него смыслов на другие языки. Учитывая культурные, политические, социальные особенности Китая, используя дополнительную информацию для более детального и близкого к оригинальному тексту, при переводе на русский язык предлагаемых в статье примеров мы использовали прямой, квазиэквивалентный и вольный перевод, в зависимости от ситуации. В некоторых случаях прямой перевод необходимо снабжать комментариями, для чего необходимы глубокие фоновые знания.

¹周周的外交幽默！ URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/94344378>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Эрдынеева Д. В. Языковая игра как источник вариативности // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 11. С. 77–80.
2. Игнашина З. Н., Попова Е. А. К вопросу о роли политической лингвистики в современной политике // Международный научно-исследовательский журнал «Современный ученый». 2020. № 6. С. 204–211.
3. Пак Е. М. Особенности политического языка в КНР // Научный вестник Южного института менеджмента. 2017. № 1. С. 88–92.
4. 汪少华, 张薇. 论中国政治话语体系的认知建构 – 以习近平 2017年瑞士两场演讲为例 // 南京 师大学报(社会科学版). 2017. №5. 146–153.
5. Хамити И. Китайский политический дискурс: концепт Нового Шулковского пути // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. Вып. 3. С. 25–31.
6. Гридина Т. А. Языковая игра в жанре политического прикола // Политическая лингвистика. 2011. Вып. 4 (38). С. 47–51.
7. Семкин М. А. Стилистические средства в дискурсе политического комментария // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. Вып. 2. С. 209–215.
8. 王娟现. 代外交辞令中冗余信息的语用研究. 中国学术期刊. 2011. 体积13, № 8. 28–34.
9. 黄兰花. 从合作原则看外交活动中的幽默交际策略/黄兰花. 中国学术期刊. 2017. 体积17, № 1. 218–226.
10. 张福琳, 王凤派. 外交场合中英汉幽默语言翻译策略的研究:/张福琳, 王凤派. 中国学术期刊. 2016. 体积 25, № 3. 44–50.
11. 李建平. 幽默语言的创造与应有研究. 中国学术期刊. 2008. 体积2, № 5. 30–36.
12. 赵玉倩, 杨明星. 外交幽默语的修辞原理与话语功. 中国学术期刊. 2018. №5. 84–90.

REFERENCES

1. Erdyneeva, D. V. (2015). Language game as the source of variation. The Buryat State University Bulletin, 11, 77–80. (In Russ.)
2. Ignashina, Z. N., Popova, E. A. (2020). To the question of the role of political linguistics in modern politics. Modern Scientist, 6, 204–211.
3. Pak, E. M. (2021). Particularity of Political Language in the People's Republic of China. Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management, 1, 88–92. (In Russ.)
4. 汪少华, 张薇. (2017). 论中国政治话语体系的认知建构 – 以习近平 2017年瑞士两场演讲为例 // 南京 师大学报(社会科学版). № 5. 146–153.
5. Hamiti, Y. (2021). Chinese political discourse: the concept of the New Silk Road. Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics, 3, 25–31. (In Russ.)
6. Gridina, T. A. (2011). Word game in the genre of political joke. Political Linguistics, 4 (38), 47–51. (In Russ.)
7. Semkin, M. A. (2012). Stylistic means in discourse of political comment. Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism, 2, 209–215. (In Russ.)
8. 王娟现. (2011). 代外交辞令中冗余信息的语用研究. 中国学术期刊, 13, № 8, 28–34.
9. 黄兰花. (2017). 从合作原则看外交活动中的幽默交际策略/黄兰花. 中国学术期刊, 17, № 1, 218–226.
10. 张福琳. (2016). 王凤派 外交场合中英汉幽默语言翻译策略的研究:/张福琳, 王凤派. 中国学术期刊, 25, № 3, 44–50.
11. 李建平. (2008). 幽默语言的创造与应有研究. 中国学术期刊, 2, №5, 30–36.
12. 赵玉倩, 杨明星. (2018). 外交幽默语的修辞原理与话语功. 中国学术期刊, 5, 84–90.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сяоци Юань

аспирантка кафедры теории и практики иностранных языков
Института иностранных языков Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Xiaoqi Yuan

postgraduate student at the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

21.12.2023
22.01.2024
28.02.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Лингвистические особенности текстов сообщений о ликвидации чрезвычайных ситуаций (на материале немецкого языка)

О. Н. Шмелева

Академия государственной противопожарной службы МЧС России, Москва, Россия
shmeleva_on@mail.ru

Аннотация. В статье представлен лингвостилистический анализ немецкоязычных сообщений о ликвидации чрезвычайных ситуаций. Описаны их конститутивные признаки, выявлены структурно-содержательные, лексические и грамматические особенности. В ходе исследования установлено, что выбор языковых и экстралингвистических средств оформления оперативной информации о ликвидации чрезвычайных ситуаций направлен не только на подачу объективной информации, но и на укрепление доверия граждан к спасательным организациям.

Ключевые слова: медиадискурс, дискурс чрезвычайных ситуаций, информационное сообщение, лингвистический анализ, профессиональная лексика, пожарно-технические термины

Для цитирования: Шмелева О. Н. Лингвистические особенности текстов сообщений о ликвидации чрезвычайных ситуаций (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 139–146.

Original article

The Linguistic Features of Texts of Emergency Response Reports (based on the Data of the German Language)

Olga N. Shmeleva

State Fire Academy of EMERCOM of Russia, Moscow, Russia
shmeleva_on@mail.ru

Abstract. The article presents a linguistic-stylistic analysis of German-language texts of emergency response reports. Their distinctive features are described, their lexical, grammar, structural and compositional features are revealed. It has been found out that the choice of language and extra-linguistic means for design of operative information about response to emergency situations is aimed not only at presenting objective information, but also at enhancing citizens' trust in rescue organizations.

Keywords: media discourse, emergency discourse, information report, linguistic analysis, professional vocabulary, fire-technical terms

For citation: Shmeleva, O. N. (2024). The Linguistic features of texts of emergency response reports (based on the data of the German language). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(885), 139–146.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из основных потребностей человека является потребность в безопасности его жизни. В современных условиях проблема обеспечения безопасности как отдельного человека, так и общества в целом стала одной из самых актуальных. Природные и техногенные катастрофы, социальные потрясения, военные конфликты, новые угрозы международной и национальной безопасности государств, нестабильность и хрупкость современного мира оказывают негативное воздействие на психику человека. Оказавшись в опасной ситуации, люди хотят быть уверенными, что помощь придет вовремя. Данные факторы являются импульсом для всестороннего научного изучения дискурса о чрезвычайных ситуациях (*далее* ЧС), особенно его языкового воплощения, поскольку эффективная профессиональная коммуникация в области предупреждения ЧС, проведения аварийно-спасательных работ и ликвидации последствий ЧС играет ключевую роль в обеспечении безопасности людей.

По справедливому замечанию Г. В. Самородина: «Анализ языковых средств, применяемых для вербализации чрезвычайных ситуаций, даёт возможность сделать вывод о языковых закономерностях и уточнить модель описания чрезвычайных ситуаций, повысить таким образом качество массового информирования населения о развивающихся и произошедших чрезвычайных событиях различного происхождения» [Самородин, 2022, с. 4].

В настоящее время существует лишь небольшое количество работ отечественных лингвистов в данной области, среди них выделим: изучение вербализации чрезвычайных ситуаций в медиадискурсе [Самородин, 2022]; изучение специальной лексики чрезвычайных ситуаций [Зайцева, 2019], изучение терминологии, представляющей важнейшую составляющую профессиональной отрасли оказания помощи в чрезвычайных ситуациях [Уютова, Вецпер, Казакова, 2022; Садовникова, 2023], изучение вопросов перевода терминологии ЧС [Намычкина, 2022].

По нашим наблюдениям, сообщение о ликвидации чрезвычайных ситуаций является одним из практически не исследованных типов информационных медиатекстов. В предлагаемой статье предпринята попытка хотя бы отчасти восполнить существующий пробел. Цель исследования – выявить и описать языковые особенности оформления сообщений о ликвидации ЧС. Материалом для данной работы послужили 87 сообщений о ликвидации чрезвычайных ситуаций техногенного характера, опубликованных на официальном сайте Берлинской пожарной охраны с 1 января по 30 сентября

2023 года¹. Основными методами исследования являются: метод сплошной выборки, метод контент-анализа, дескриптивный метод с его основными компонентами (наблюдением, интерпретацией и обобщением).

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СООБЩЕНИЙ О ЛИКВИДАЦИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ

Сообщение о ликвидации чрезвычайной ситуации представляет собой информационную сводку о произошедшем в результате совершившейся аварии или катастрофы чрезвычайном событии, представлявшем опасность для жизни и здоровья людей, и проведенных аварийно-спасательных работах, направленных на спасение жизни и сохранение здоровья людей, снижение размера ущерба, причиненного окружающей среде, и материальных потерь. Такое сообщение содержит краткие сведения о характере ЧС, о действиях привлекаемых оперативных сил спасательных организаций и об использованных средствах.

Основная цель сообщения о ликвидации ЧС состоит в оперативном информировании населения о проведенных аварийно-спасательных операциях. Первая, информирующая, функция проявляется в таких чертах, как документальность, фактологичность, официальность изложения, объективность и сдержанность. Вторая, воздействующая, функция выражается в особом способе подачи материала и выборе языковых средств, при которых у аудитории создается уверенность в компетентности и высоком профессионализме пожарных и спасателей.

Как вариант информативного медиажанра сообщение о ликвидации ЧС обладает такими его свойствами, как опосредованный характер общения (в роли посредника выступает официальный сайт спасательной организации, в нашем случае сайт Берлинской пожарной охраны); дистантность общения; институциональный характер (отсутствии авторского «я»), функциональный параметр.

МАКРОСТРУКТУРА СООБЩЕНИЙ О ЛИКВИДАЦИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ

Сообщения о ликвидации чрезвычайных ситуаций техногенного характера, опубликованные на официальном сайте Берлинской пожарной охраны, имеют свое постоянное место во вкладке «Aktuelles» («Актуальная информация»), они

¹Einsätze.: URL : <https://www.berliner-feuerwehr.de/aktuelles/einsaetze/>

помещены под рубрикой «Einsatzberichte» («Сообщения о ликвидации ЧС»). Здесь приводится кликабельный (интерактивный) список наиболее крупных происшествий за последние 12 месяцев. Тексты сообщений о ликвидации ЧС за более ранние периоды помещены в архив, который ведется с 2003 года, и на момент написания данной статьи их количество составило 3058 текстов.

Рассматривая анализируемые тексты с точки зрения их структурно-содержательной организации, необходимо отметить, что все они четко и логически структурированы и включают в себя следующие компоненты:

- 1) краткий заголовок. Содержательная функция заголовков анализируемых текстов ограничивается констатацией фактов, они дают информацию о тематике последующего сообщения и в основном строятся по модели «ЧС / вид аварийно-спасательной ситуации в районе города (Берлина)», например: *Brandbekämpfung in Charlottenburg*;
- 2) дата происшествия и точное время поступления информации о нем в диспетчерскую пожарной охраны;
- 3) улица (Straße) и район города (Ortsteil);
- 4) текст сообщения о ликвидации ЧС, который как правило состоит из трех смысловых частей: описания ситуации на месте происшествия на момент прибытия оперативных сил, описания проведения аварийно-спасательных работ и описания мероприятий после их окончания;
- 5) информация о силах и средствах Берлинской пожарной охраны, задействованных в ликвидации данной ЧС (Eingesetzt wurden);
- 6) информация о представителях других ведомств и структур, привлекаемых к ликвидации ЧС (Anwesend war);
- 7) фотографии с места происшествия.

Следует отметить, что дизайн анализируемых текстов сообщений о ликвидации ЧС и их цветовое оформление соответствуют основным принципам веб-типографики¹.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В результате анализа практического материала были выявлены следующие лексико-семантические особенности рассматриваемого типа текста:

¹Иваница С. В. Веб-типографика. Искусство оформления текстов для Интернета. Донецк: ГОУ ВПО «ДОННТУ», 2022. С. 286

1. Использование стилистически нейтральной лексики и отраслевой терминологии

Здесь можно выделить несколько тематических групп.

- 1.1. Участники.** В эту группу мы отнесли термины включающие семы: «человек», «трудовая деятельность человека», «участники конкретной деятельности», т. е. сюда вошли наименования как участников ликвидации ЧС, так и пострадавших. Для обозначения участников аварийно-спасательных работ используются родовые термины, обозначающие коллективные и индивидуальные субъекты.

1.1.1. Коллективные субъекты:

- пожарная охрана (die Feuerwehr) и ее подразделения: *Berliner Feuerwehr, Berufsfeuerwehr, Freiwillige Feuerwehr, Feuerwehrleitstelle, Wasserwehr*;
- служба (der Dienst): *Rettungsdienst, Führungsdienst, der Technische Dienst, Umweltdienst, Kampfmittelräumdienst, C-Dienst, Warndienst*;
- команда (das Team, das Kommando): *Notarztteam, Einsatz-Nachsorge-Team, Drohnenteam, Nachsorgeteam; Verkehrsunfallkommando*;
- вспомогательные силы (Kräfte): *Einsatzkräfte, Spezialkräfte, Rettungsdienstkräfte, Betreuungskräfte, Ordnungskräfte, Kräfte der Freiwilligen Feuerwehr*;
- тактическая единица (die Einheit): *Bergeinheit, Spezialeinheit zur Rettung aus Höhen und Tiefen, Erkundungseinheit*;
- караул, отделение, звено (die Gruppe, die Staffel, der Trupp): *Rüstgruppe, Führungsstaffel, Wassertrupp, Schlauchtrupp, Atemschutztrupp*.

1.1.2. Индивидуальные субъекты:

- пожарные, спасатели и представители других служб: *Einsatzkraft, Rettungskraft, Führungskraft; Einsatzleiter(in), Notarzt (-ärztin), Taucher(in), Katastrophenschutzbeauftragte(r), Notfallseelsorger(in), Wasserretter(in)*;
- пострадавший(-ая). Здесь самым частотным является существительное *die Person* (лицо) с определениями *verletzt, betroffen, verunglückt*. Однако в зависимости от степени вовлеченности в ЧС пострадавшие обозначаются также, как:
  - а) *der / die Verletzte* (травмированный / -ая) часто с наречиями *leicht / mittelschwer / schwer / lebensgefährlich*;
  - б) *der / die Betroffene* (пострадавший / -ая, находящийся / находившийся в зоне ЧС);
  - в) *der / die Vermisste* (пропавший / -ая без вести);
  - г) *das Opfer* (жертва).

В данных текстах для обозначения людей, используется гендерно-нейтральная лексика, не разделяющая их в чрезвычайных ситуациях на мужчин и женщин. Слова с ярко выраженным гендерным компонентом, например: *Feuerwehrmann, Einsatzleiter, Truppführer, Disponent* и т. п., а также феминитив *Feuerwehfrau*, здесь практически не используются. В официальных документах пожарные, спасатели и их руководители именуются словами с нейтральным компонентом *-kraft (-kräfte)*, например: *Einsatzkraft, Rettungskraft, Bergungskraft, Führungskraft* и т. п. Если необходимо подчеркнуть биологический пол, то используются маркеры *männlich / weiblich*. Гендерно-нейтральным можно назвать и а) употребление субстантивированных прилагательных и причастий во множественном числе, определяющих человека безотносительно к полу, например: *Feuerwehrangehörige; Betreuende, Einsatzleitende, Medienvertretende*; б) слова с обобщающим значением, например: *Rettungsdienstpersonal, Leitstellenpersonal; Einsatzleitung*. Значительно реже встречаются гендерно-симметричные обозначения, именуемые в равной степени и мужчин, и женщин, например, *Helperinnen und Helfer, Kolleginnen und Kollegen*.

1.2. Чрезвычайное происшествие. Семантику терминов, входящих в эту группу можно представить следующим набором сем: «фактор опасности», «объект», «событие, факт», «оценка качества / количества»;

1.2.1. Чрезвычайная / опасная ситуация (die Notfall-situation): *Notfall, Unfall, Ausnahmestand, Großschadensereignis, Sonderlage*.

Виды ЧС,
типичные для Берлинской пожарной охраны:

1.2.2. Пожар (der Brand). По семе «оценка качества / количества» можно выделить такие признаки, как **развитие пожара:** *Brandentstehung, Brandausbreitung, Brandüberschlag, Durchbrand, Folgebrand*; **масштаб пожара:** *Entstehungsbrand, Kleinbrand, Vollbrand, Großbrand*; **объект пожара:** *Brandobjekt, Lagerhallenbrand, Wohnungsbrand, Küchenbrand, Dachstuhlbrand Fahrzeugbrand, Böschungsbrand*; **место пожара:** *Brandort, Brandraum, Brandetage*; **пожарная а:** **нагрузка:** *Brandgut, Brandlast*; **продукты горения:** *Brandrauch*; **последствия пожара:** *Brandschutt Brandverletzungen, Brandschaden*.

1.2.2. Дорожно-транспортное происшествие (der Verkehrsunfall). Следует отметить, что при

описании данного вида ЧС составители анализируемых текстов наиболее часто используют слова, входящее в семантическую группу «столкновение»: *Zusammenstoß, Aufprall, kollidieren, kippen*, а пострадавшее транспортное средство именуется *Unfallfahrzeug*.

1.2.3. Взрыв (die Explosion), например: *Explosion in einem Wohngebäude, Explosion des 10 l Druckgasbehälters mit Sauerstoff*;

1.2.4. Обрушение (der Einsturz), например: *Einsturz großer Teile des Dachgeschosses, Deckeneinsturz, Teileinsturz einer Lagerhalle*.

1.3. Профессиональная деятельность. Действия пожарных и спасателей при ликвидации ЧС.

1.3.1. Мероприятия по ликвидации ЧС (Maßnahmen). Этот термин разграничивается на гипонимы по семе «конкретная деятельность»: *feuerwehrtechnische (feuerwehrrelevante) Maßnahmen, Schutzmaßnahmen, Bergungsmaßnahmen, Erkundungsmaßnahmen, Rettungsmaßnahmen*;

1.3.2. Тушение и ликвидация пожаров (Löschen): *Brandbekämpfung, Löscharbeiten, Löschangriff, Aufräum- und Kontrollarbeiten*;

1.3.3. Оказание технической помощи (technische Hilfeleistung): *technische Hilfeleistung, Amtshilfe, Bergung, Entschärfung einer Weltkriegsbombe*.

1.3.4. Мероприятия по спасению людей (Rettungsmaßnahmen): *Personenrettung, Personensuche, rettungsdienstliche Versorgung, Versorgung / Sichtung / Betreuung / Transport von Verletzten, Räumung / Evakuierung, Wasserrettung*;

1.3.5. Профилактика и контроль (Vorbeugung und Kontrolle): *Brandwache, Sicherungsarbeiten, Brandschutz, Bevölkerungswarnung*;

1.3.6. Оценка риска и степени опасности (Risiko-einschätzung): *Lageerkundung, Einschätzung über die mögliche Gefährdung, Alarmstufenerhöhung*.

Для описания профессиональной деятельности пожарных и спасателей наиболее релевантными оказываются следующие глаголы с семантикой «оказывать помощь» и «обеспечивать безопасность»: *retten, löschen, bergen, schützen, betreuen, sichern, sicherstellen, (medizinisch) versorgen, (Grundschatz) gewährleisten, verhindern, evakuieren*. Интересно, что первые четыре глагола из нашего списка составляют лозунг немецких пожарных «Retten, Löschen, Bergen, Schützen».

1.4. Пожарно-спасательное оборудование (Feuerwehrausrüstung)

Термины, относящиеся к этой группе, можно разделить на три категории:

- 1.4.1 Основное и сопутствующее оборудование, предназначенное для тушения пожаров, например: *C-Rohr, Mittelschaumrohr, Löschlanze, Tragkraftspritze, Wärmebildkamera, Pressluftatmer, Unterflurhydrant* и др.;
- 1.4.2. Оборудование, предназначенное для спасения людей и оказания технической помощи, например: *Steckleiter, Sprungpolster, Fluchthaube, Rauchmelder, mobiler Rauchverschluss, Brandmeldeanlage, Hebekissensatz*;
- 1.4.3. Пожарно-спасательные автомобили и спецтехника, например: *Drehleiter, Rüstwagen, Lösch-Hilfeleistungsfahrzeug, Löschboot, Intensiv-Transport-Hubschrauber*.

2. Употребление клишированных оборотов при описании этапов ликвидации чрезвычайной ситуации

Так, например, в первых абзацах текста всегда дается информация о том, что собственно произошло и какую картину увидели прибывшие на место ЧС спасатели и пожарные, при этом очень часто используется оборот *es kam zu...* (например, *Es kam zu zahlreichen wetterbedingten Einsätzen / zum kompletten Deckeneinsturz / zu einem Verkehrsunfall*); поскольку причина произошедшего не всегда очевидна, то часто употребляется канцеляризм *aus ungeklärter Ursache*; словосочетания *sich eigenständig / selbstständig in Sicherheit bringen* и *rettungsdienstlich versorgen / sichten* помогают прояснить ситуацию с людьми, находящимися в опасной зоне.

Стандартизованные языковые единицы пожарно-технической сферы используются и при описании непосредственного процесса ликвидации ЧС, например, *die Alarmstufe erhöhen, eine Lageerkundung durchführen, Löschwasserversorgung aufbauen, Glutnester ablöschen, Schlauchleitung verlegen, etw. in Stellung bringen, in den Dienst rufen*.

В заключительном абзаце текста подчеркивается время локализации и окончания аварийно-спасательных работ, а также факт передачи места происшествия полиции для дальнейшего расследования причин этой ситуации, здесь преимущественно употребляются конструкции: *übersichtlich / unter Kontrolle sein, die Einsatzstelle an die Polizei übergeben, Brandursache / Unfallhergang ermitteln*.

3. Использование аббревиатур и усеченных слов

В нашем корпусе примеров аббревиатуры и усеченные слова встречаются в следующих категориях:

- название пожарно-спасательных автомобилей и пожарно-технического оборудования, например, LHF = *Lösch-Hilfeleistungsfahrzeug*, DLK = *Drehleiter mit Korb*, NEF = *Notarzteinsatzfahrzeug*, PA = *Pressluftatmer*;
- название спасательных служб и организаций помощи, например, DRK = *Das Deutsche Rote Kreuz*, ASB = *Der Arbeiter-Samariter-Bund*;
- название подразделений и должностей, например, SEG = *Schnelleinsatzgruppe*, LNA = *Leitender Notarzt*, ENT = *Einsatznachsorgeteam*;
- название приложений и рангов опасностей, например, MANV = *Massenanzahl an Verletzten*, AAO = *Alarm- und Ausrückeordnung*, KAT-WARN = *kommunale Warn- und Informationssystem für die Bevölkerung*.

4. **Усилительные конструкции**, выражающие интенсификацию действий оперативных сил, переданные с помощью наречий, прилагательных и причастий, например: *erheblich, zügig, unverzüglich, (sehr) schnell, schlagartig, umgehend, frühzeitig, gezielt, umfassend, intensiv* и др. Приведем наиболее показательные примеры:

Eine Drehleiter (DLK) sowie ein Sprungpolster (SP-16) wurden *unverzüglich* in Stellung gebracht.

Durch einen *zügig* durchgeführten Innenangriff mit einem C-Rohr konnte der Brand dann *sehr schnell* unter Kontrolle gebracht werden.

В заключении этого раздела необходимо упомянуть, что самым частотным знаменательным словом в нашем материале является слово *Einsatz* и его производные, всего было обнаружено 397 словоупотреблений. Многозначное слово *der Einsatz* в релевантном для нас значении «Dienst (bes. im Rettungswesen)»¹, «Ausübung einer Tätigkeit, eines Dienstes»² стало очень продуктивным для образо-

¹Brockhaus Wahrig Deutsches Wörterbuch / von Renate Wahrig-Burfeind. – 9., vollständig neubearbeitete und aktualisierte Auflage. Gütersloh / München : wissenmedia, 2011. S. 426-427

²Onlinewörterbuch Duden. URL : <https://www.duden.de/rechtschreibung/Einsatz>

вания профессиональной лексики пожарно-технического направления, например, для обозначения:

- вида пожарно-спасательной операции: *Lösch-einsatz, Hilfeleistungseinsatz*;
- участников ликвидации ЧС: *Einsatzkräfte, Einsatzleitende(r)*;
- места проведения аварийно-спасательных работ: *Einsatzstelle*;
- времени (продолжительности) ликвидации ЧС: *Einsatzzeit, Einsatzdauer*;
- задач: *Einsatzaufkommen, Einsatzschwerpunkte*;
- средств: *Einsatzmittelaufgebot, Einsatzmittel*;
- оборудования: *Einsatzfahrzeug, Einsatzdrohne*;
- деятельности: *Einsatzfahrt, in Einsatzabschnitte aufteilen*;
- готовности к действиям: *einsatzbereit* и т. п.

В каждом из рассматриваемых нами текстов присутствуют лексемы с компонентом «Einsatz». Некоторые предложения даже перегружены ими, например:

Der Einsatz erforderte einen sehr hohen Kräfteinsatz. Die Einsatzstelle wurde in vier Einsatzabschnitte strukturiert.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Пассив действия является наиболее частотным грамматическим средством, применяемым для вербализации сообщений о ликвидации ЧС. Преимущественно здесь используются двучленные пассивные конструкции с глаголами в формах прошедшего времени Präteritum:

Am Donnerstagnachmittag *wurde* die Berliner Feuerwehr in die Grenzgrabenstraße nach Alt-Hohenschönhausen *alarmiert*. Dort *wurde* über den Notruf der Brand einer Lagerhalle *gemeldet*.

Eine Drehleiter sowie ein Sprungpolster *wurden* unverzüglich in Stellung *gebracht*. Insgesamt *wurden* 8 Personen *gerettet*.

Die Brandbekämpfung *wurde* im Außenangriff im Bereich der Lagerhalle über die zwei Einsatzabschnitte auf der Nord- und Südseite *durchgeführt*. Als Löschmittel *wurden* in unterschiedlichen Phasen Wasser, Netzmittel und Schaum *verwendet*.

Приведенные примеры представляют собой типичные случаи употребления пассива в анализируемом типе текста. И если в первом примере производитель действия абсолютно не важен, а важен сам факт оповещения о ЧС, то во

втором и третьем примерах производители действия очевидны и пояснения не требуются, здесь информация об участниках имеет имплицитный характер, при этом акцент смещается на действия пожарных и спасателей, демонстрируются их профессиональные навыки. Обращает на себя внимание и частое использование модальных глаголов *können* и *müssen* с пассивным инфинитивом, например:

Ein Übergreifen des Brandes auf benachbarte Gebäude und Fahrzeuge *konnte* von den zuerst eintreffenden Einsatzkräften *verhindert werden*.

Der ausgebaute Dachstuhl *musste* während der Löscharbeiten von außen aufwendig mit einer Rettungssäge *geöffnet werden*.

После некоторых сообщений о ликвидации ЧС читателям напоминают правила поведения в опасной ситуации, при этом в роли императива используется инфинитив, например:

Bei Auffinden von Kampfmitteln *nicht berühren* und an der Fundstelle *belassen!*

Синтаксический рисунок текстов сообщений о ликвидации ЧС во многом обусловлен их общей функционально-стилистической направленностью. Проведя анализ текстовых частей сообщений о ликвидации ЧС мы пришли к выводу, что основными синтаксическими особенностями в них являются:

1) использование полносоставных предложений преимущественно средней длины (12–15 слов). Это можно объяснить тем, что предложения среднего объема, с одной стороны, достаточно емки, чтобы вместить в себя все основные содержательно-мыслительные связи, с другой – достаточно обзримы и легки для восприятия;

2) частое использование конструкций, выражающих причинно-следственную связь, сложносочиненных предложений с придаточными причины и следствия, например:

Auf Grund der Vielzahl an Notrufen in Kombination mit Hinweisen auf mehrere eingeschlossene Personen wurde das initiale Stichwort noch vor Eintreffen der ersten Einsatzkräfte angepasst und ein erhöhtes Kräfte- und Mittelaufgebot entsendet, um für die vielfältigen Aufgaben frühzeitig ausreichend Ressourcen vor Ort zu haben.

Da Teile des Gebäudes aufgrund des Brandschadens von der Bauaufsicht gesperrt werden mussten, wurden 11 Anwohnende zunächst in einem Hotel untergebracht.

Durch das schnelle und gezielte Eingreifen der ersten Einsatzkräfte konnte eine weitere Brandausbreitung auf die angrenzenden Gebäudeteile verhindert werden.

3) использование распространенных определений для уточнения и конкретизации подаваемой информации, например:

Die kurz darauf eintreffenden Kräfte der Freiwilligen Feuerwehr Kladow fanden ein im Vollbrand stehendes Einfamilienhaus vor und leiteten umgehend die Brandbekämpfung ein.

Использование вышеперечисленных синтаксических средств позволяет создать компактный текст, передающий основную информацию о ликвидации чрезвычайных происшествий и действиях пожарных и спасателей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показало проведенное исследование, лексико-грамматическое оформление оперативной информации в проанализированных текстах передается в нейтральном обрамлении, здесь отсутствует оценочность, образность, экспрессивность и эмоциональность. Реализуя функцию информирования обычных читателей сайта о результатах ликвидации ситуации чрезвычайного характера, составители текстов используют профессиональную

лексику, термины, терминологические сокращения, клишированные выражения, а также пассивные конструкции, распространенные определения, причинно-следственные конструкции, неэмоциональный порядок слов, предложения средней длины.

Использование профессиональной и терминологической лексики не затрудняет понимание текста неспециалистами в данной области, для терминологических сокращений имеется ссылка на электронный словарь сокращений. Однако эта лексика помогает четко и убедительно показать успешность и грамотность действий пожарных и спасателей при ликвидации чрезвычайных ситуаций, создает доверие к их профессионализму, а также уверенность в их боеспособности и укомплектованности всем необходимым. А поскольку в Германии пожарная охрана является сферой ответственности каждой федеральной земли, то такие тексты косвенно демонстрируют то, что деньги налогоплательщиков потрачены не зря. Предоставляя реципиентам достоверную информацию, составители текстов с помощью пассивных конструкций как бы отодвигают главных участников ликвидации ЧС, спасателей и пожарных, на второй план. Такой способ лингвистической подачи информации в сочетании с экстралингвистическими маркерами (оформление и четкое структурирование текста; указание на время, за которое было ликвидировано ЧС; фотографии) повышает уровень воздействия на читательскую аудиторию и укрепляет ее доверие к спасательным службам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Самородин Г. В. Вербализация чрезвычайных ситуаций в СМИ Германии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2022.
2. Зайцева А. С. Специальная лексика чрезвычайных ситуаций: структурные и функциональные тенденции в новейших терминологиях: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019.
3. Уютова Е. В., Вецпер Н. Н., Казакова С. А. Аббревиатурная терминология иноязычного дискурса сферы ЧС в контрастивном аспекте (английский и немецкий языки) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 2. С. 524–531. doi.org/10.30853/phil20220093
4. Садовникова О. А. Формирование и развитие терминологии пожарной безопасности (на примере английского языка) // Современное педагогическое образование. 2023. № 5. С. 247–254.
5. Намычкина Е. В., Шейко А. А. К вопросу о лексических закономерностях перевода пожарно-технических терминов // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2022. Т. 11. № 3. С. 38–44. doi: 10.12737/2587-9103-2022-11-3-38-44

REFERENCES

1. Samorodin, G. V. (2022) Verbalizatsiya chrezvychainykh situatsii v SMI Germanii = Verbalization of situations of emergency in German media: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
2. Zaitseva, A. S. (2019) Spetsial'naia leksika chrezvychainykh situatsii: strukturnye i funktsional'nye tendentsii v noveishikh terminologiiakh. = Special lexis in situations of emergency: structural and functional trends in the newest terminologies: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)

3. Uyutova, E. V., Vetzper, N. N., & Kazakova, S. A. (2022). Abbreviated terminology of foreign-language discourse of emergency sphere in contrastive aspect (English and German languages). *Philology. Theory&Practice*, 15 (2), 524–531. doi.org/10.30853/phil20220093 (In Russ.)
4. Sadovnikova, O. A. (2023). Formation and development of fire safety terminology (on the example of the English language). *Modern Pedagogical Education*, 5, 247–254. (In Russ.)
5. Namychkina, E. V., Shejko, A. A. (2022) On the issue of lexical patterns of fire-technical terms translation. *Scientific Research and Development. Modern Communication Studies*, 11 (3), 38-44. 10.12737/2587-9103-2022-11-3-38-44 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шмелева Ольга Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры иностранных и русского языков
Академии государственной противопожарной службы МЧС России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shmeleva Olga Nikolaevna

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of Foreign and Russian Languages
State Fire Academy of EMERCOM of Russia

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	20.12.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	19.01.2024	
	28.02.2024	

Проблематика природы власти в романе Нгуен Суан Кханя «История, произошедшая в одном переулке»

Е. О. Муралова

*Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
murket96@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается неизученный в отечественном и западном литературоведении роман вьетнамского писателя Нгуен Суан Кханя «История, произошедшая в одном переулке» (2016). С помощью биографического и культурно-исторического методов в романе исследуется проблематика природы власти. Выявляется оценка писателем Национально-освободительной революции 1945 г. и установившегося после народно-демократического строя во Вьетнаме. Проводится интертекстуальный анализ через аллюзии в романе на произведения мировой литературы антиутопического и абсурдистского характера.

Ключевые слова: Нгуен Суан Кхань, «История, произошедшая в одном переулке», «Сумасшедшая свинья», вьетнамская литература, природа власти

Для цитирования: Муралова Е. О. Проблематика природа власти в романе Нгуен Суан Кханя «История, произошедшая в одном переулке» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 4 (885), С. 147–153.

Original article

The Question of the Nature of Power in Nguyen Xuan Khanh's Novel "A Story That Happened in One Alley".

Ekaterina O. Muralova

*Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
murket96@mail.ru*

Abstract. The article examines a novel by a Vietnamese writer Nguyen Xuan Khanh "A Story That Happened in One Alley" (2016), unexplored in either Russian or Western literary studies. Using biographical and cultural-historical methods, the article examines the issue of nature of power in the novel. It reveals the writer's assessment of the national liberation revolution of 1945 and the people's democratic system established after it. The article makes an intertextual analysis through allusions in the novel to works of world literature of a dystopian and absurdist nature.

Keywords: Nguyen Xuan Khanh, "A story that happened in One Alley", "Crazy swine", Vietnamese literature, the nature of power

For citation: Muralova, E. O. (2024). The question of the nature of power in Nguyen Xuan Khanh's novel "A Story That Happened in One Alley". Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(885), 147–153.

ВВЕДЕНИЕ

В конце 1986 года правительство Вьетнама приняло решение проводить политику обновления. Ее основной целью была экономическая либерализация, но изменения затронули политическую и общественно-культурную жизнь страны. Во вьетнамской литературе наметились постепенная деидеологизация и отход от соцреализма как единственно верного художественного метода. В литературные круги вернулись имена тех, кто вел свою творческую деятельность до 1986 года, но по той или иной причине не печатался. Среди них был и Нгуен Суан Кхань (1933–2021).

В плане эволюции творчества Нгуен Суан Кхань прошел длинный путь от коротких соцреалистических рассказов и повестей (кон. 1950 – нач. 1960) до серьезных исторических романов (2000–2011). Последние были отмечены многочисленными наградами, в том числе Союза вьетнамских писателей, Государственной премией в области литературы и искусства (2017). Параллельно с историческими произведениями в свет вышли еще два его романа: «Область паранойи» (Miền hoang tưởng, 1990) и «История, произошедшая в одном переулке» («Chuyện ngõ nghèo»; первоначальное название «Сумасшедшая свинья» («Tru điên»), 2016. Они не похожи как на сюжетно и композиционно незамысловатые ранние рассказы, так и на более поздние исторические романы. В рамках исследования деятельности писателя эти два произведения представляют интерес, поскольку были созданы Нгуен Суан Кханем в дни его «изгнания» с литературной сцены. Выступая связующим звеном начального и конечного этапов творческой жизни, романы отражают идейную и мировоззренческую трансформацию писателя. Особенно это касается «Истории, произошедшей в одном переулке», которая изобилует деталями из его собственной жизни. Если упомянутые исторические романы быстро завоевали признание и стали предметом анализа ряда вьетнамских научных работ, то «История, произошедшая в одном переулке» практически не изучена и сводится к разбору языка повествования [Ngô Thị Hờ, 2018]. Причина кроется в обращении литератора к острым политическим вопросам, связанным с периодом, который предшествовал политике обновления. Анализ произведения позволяет по-другому взглянуть на исторические события, освещенные в нем, определить отношение диссидентствующей интеллигенции в лице Нгуен Суан Кханя к власти.

Проблема власти и ее природы находится на стыке многих наук, в том числе литературоведения. Писателей, бывших очевидцами масштабных

событий в переломную эпоху, как то революция, война, смена основного идеологического дискурса и т. д., также волновала эта проблема. В их произведениях затрагиваются вопросы основ государства, мотивации представителей власти, их морально-этического выбора между благополучием граждан и собственной выгодой, жадностью власти. Анализом этих проблем занимались А. Безансон в «Извращении добра» (применительно к антиутопии Дж. Оруэлла «1984»), Ю. А. Борисенко в исследовании риторики власти в романах Дж. Оруэлла, О. Хаксли, Е. И. Замятина, М. С. Эверестов в исследовании мотива единовластия в романе братьев Стругацких «Обитаемый остров», Е. В. Синцов применительно к художественно-исторической концепции власти в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и др. Применительно к творчеству Нгуен Суан Кханя выделим разбор Т. Н. Филимоновой портрета реформатора, ставшего императором, в историческом романе «Хо Куи Ли» [Филимонова, 2012].

СЮЖЕТ РОМАНА «ИСТОРИЯ, ПРОИЗОШЕДШАЯ В ОДНОМ ПЕРЕУЛКЕ»

Период «изгнания» Нгуен Суан Кханя связан с делом об антипартийном ревизионизме, в рамках которого в 1967 году появилось распоряжение об отстранении от работы «идеологически ненадежных» деятелей искусства. Цензоры стали внимательно вчитываться в литературные произведения и искать в них скрытые политические смыслы. Некоторые писатели оказались в тюрьме. Нгуен Суан Кхань был снят с должности редактора газеты «Литература и искусство армии» («Văn nghệ quân đội»), исключен из коммунистической партии и уволен «на пенсию», когда ему еще не было сорока лет. Чтобы обеспечить жену, мать и четверых детей, писатель работал одновременно портным, свиноводом и сторожем складских помещений [Lại Nguyên Ân, 2012]. В это время и была написана «История, произошедшая в одном переулке» (1982).

Роман повествует о человеке, увлекшемся разведением свиней и на этой почве впадшем в безумие. Автор описывает Ханой второй половины 1970-х годов – голодное и материально скудное время, когда многие семьи выращивали двух–трех поросят даже в своих городских квартирах в многоэтажных домах. Структурно «История, произошедшая в одном переулке» разбита на три части:

- дневниковые записи главного героя. Каждое событие отделяется от последующего фразой «день...месяц...»;

- «Путешествие в хаос» («Hành trình vào Hỗn mang»), где записаны сны главного героя, мучающегося в болезненном бреду. Каждый сон является короткой историей-рассказом;
- возвращение к дневникам.

Повествование во всех трех частях ведется от первого лица. Главный персонаж – Хоанг, журналист, который, как и Нгуен Суан Кхань, был вынужден рано выйти на пенсию по причине «неправильного» идеологического мышления. Он жил вместе со старой матерью, женой и четырьмя детьми в пригороде Ханоя. Его семья бедствовала, и не имея возможности работать по профессии, главный герой в качестве способа заработка выбрал разведение свиней.

Хоанг очень увлекся процессом, считая, что это дело спасет его от бедности. Но свиноводство, наоборот, требовало всё больших вложений. Герой даже был вынужден распродать домашнюю библиотеку, чтобы на эти деньги продолжать покупать корм для животных. Среди книг были произведения У. Шекспира, А. Камю, Ж. Санд¹. Нарастающие трудности привели к тому, что главный герой слег с болезнью, сопровождаемой бредом и кошмарными снами. Тогда его семья частично продала, частично раздавала всех его поросят, чтобы купить лекарства. После чего Хоангу, наконец, удалось вылечиться.

ПРОБЛЕМА ПРИРОДЫ ВЛАСТИ В РОМАНЕ

В романе поднимается много вопросов, но по большей части они связаны с властью. Например, в чем заключается ее природа, на каком основании человек (группа лиц) может управлять остальными, как власть влияет на человека ею обличенного? На протяжении всей книги политик часто сравнивается с мясником, разделывателем свиных туш – профессия, традиционно считавшаяся во Вьетнаме недостойной, а политика – со скотобойней. Так однажды за семейным ужином старший сын Хоанга выразил желание жениться на дочке соседа. Обязательное условие последнего – будущий зять должен освоить профессию мясника, ведь раньше сосед сам занимался этим ремеслом, и не хотел бы, чтобы на него смотрели свысока. Сам же сосед «теперь сведущ в политике».

Читая трактат «Энциклопедия по свиньям» («Bách Khoa lợn»), написанный другом Хоанга Тамом, главный герой наткнулся на раздел, посвященный лингвистическому разбору слова «đồ tể»,

что в современном языке значит «палач, изверг, изувер», а его устаревшее значение – «мясник, скотобоец»:

Часть тể встречается только в двух других словах: *властелин (chúa tể)* и *канцлер (tể tướng)*. ... все трое схожи в том, что они имеют право убивать других. Властелин и канцлер вправе убивать людей, а мясник – свиней. Данное право – показатель величайшей и высшей власти из всех. Можно сказать, что профессия правителя и чиновника – это та же профессия мясника, с той лишь разницей, что объектами убийства здесь являются люди.

Однако ... общество гнушается тех, кто убивает свиней, считая их недобродетельными, поэтому перед словом было добавлено слово *đồ*. *Негодяи (đồ lưu manh)*, *грабители (đồ ăn cướp)* – в этих двух словах *đồ* используется для обозначения презрения. При этом люди считают недостойными тех, кто убивает свиней, но уважают тех, кто убивает людей. Каждый на свете мечтает стать правителем или канцлером... Безумная шкала ценностей!.. Но правителей и канцлеров слишком мало, а жаждущих этого положения, слишком много, поэтому люди неосознанно перенесли свое желание на профессию мясника (*Нгуен Суан Кхань. История, произошедшая в одном переулке*).²

В одном из своих болезненных снов Хоанг видел знакомого мясника Ти Зо (Tí Giò). В реальной жизни Ти стал сиротой в три года, его взял на воспитание дядя, но жизнь в доме родственника была полна лишений, Ти начал хулиганить и воровать. Когда началась земельная реформа 1950-х годов, сведшаяся к раскулачиванию небедных крестьян и массовым репрессиям, Ти оказался среди лидеров партийной ячейки, проводившей реформу на месте. Он лично донес на своего дядю, которого обвинил в эксплуатации. Потом стал сотрудником карательного отряда, который по «долгу службы» зарезал своего бывшего командира. Хотя командира оправдали посмертно, это никак не отразилось на Ти. Ведь

Есть ошибки, но необходимо понимать, что успех земельной реформы – это самое главное... А что касается кадров-активистов, то они, по сути, своей очень хорошие люди; они все еще являются опорой партии. Исправление ошибок заключается в объединении крестьян, а не в критике друг друга... Мы должны понимать, что товарищи-активисты – радикальные революционеры. Они ошиблись по причине своей излишней радикальности. Но это качество – есть высшее достоинство (*Нгуен Суан Кхань. История, произошедшая в одном переулке*).

¹Поросятам особенно понравились отруби, купленные на деньги от продажи «Братьев Карамазовых» Ф. Достоевского. Хоанг, как и сам Нгуен Суан Кхань, считал русского писателя символом настоящего гуманизма [Nguuyễn Xuân Khánh, 2021, с. 40].

²Зд. и далее перевод наш. – Е. М.

Местные жители предлагали Ти должность председателя общины, но он попросил для себя должность начальника местной полиции. По мнению Ти, именно начальник полиции имеет наибольшую власть:

...убийство ножом сложно, но убийство языком гораздо сложнее, потому что ... изощреннее и скрытнее (*Нгуен Суан Кхань. История, произошедшая в одном переулке*).

Земельная реформа – до сих пор чувствительная тема во Вьетнаме. Почему проект с благородным посылом устроить передел земель в пользу угнетенных обернулся террором и репрессиями? В романе как ответ на этот вопрос проскальзывает идея, пусть и не новая, о том, что власть, по сути своей, развращает, играя на темных желаниях человека. Писатель не просто касается проблемы реформы, а прямо обличает тех, кто ее творил, таких как Ти: безграмотных, неприкаянных, выливших свои обиды на жизнь на более успешных соседей. Все они мясники. И неважно, доносили ли они на соседей, расстреливали ли приговоренных к смерти или просто закрывали им глаза и рот перед казнью. Как говорил один из призраков-жертв Ти, «нет белого и черного, есть только серое». Все виновны и сопричастны к трагедии¹. Да и сама реформа, на деле, не дала желаемых результатов. Ее цель состояла в том, чтобы сместить богачей-эксплуататоров. В действительности в произведении дядя, на которого донес Ти, ограничился лишением привилегий старосты, а спустя какое-то время они объединились, чтобы поставить на важные места в органах управления своих родственников. Главное для дяди, как практически любого другого человека – престиж и статус семьи. Так было до революции, так осталось и после. Образ индивида, презревшего блага для себя единолично, ради благополучия коллектива, как следует из книги, не стал реальностью.

АЛЛЮЗИИ И РЕМИНИСЦЕНЦИИ В РОМАНЕ НГУЕН СУАН КХАНЯ

Проблема власти и оценка народно-демократического строя иносказательно разбираются в романе через аллюзии на другие литературные произведения. Одна из наиболее явных – антиутопия Оруэлла «Скотный двор». Это видится в антропоморфизме животных. Возня свиней в загоне за власть

¹Рефреном этой мысли является эпизод, когда в одном из снов Хоанга появляются Гоголь, Толстой и Достоевский в даосских одеждах, вопрошающие небо: «Неужели только кровью можно смыть грехи этого мира?» (Нгуен Суан Кхань. История, произошедшая в одном переулке). Русские писатели часто возникают во снах Хоанга.

перерастает в революцию, войну и очень напоминает борьбу людей в жизни. Свинобык, главный поросенок в загоне Хоанга, как и Наполеон в «Скотном дворе», возглавил коллектив животных. Оба обнаруживают способность общаться с людьми. В конце обоих произведений становится сложно различить, кто человек, а кто – животное.

В романе проскальзывают сходства с «1984» Оруэлла и «Мы» Замятина. В одном из снов Хоанг попал в некое место Тхиентхай (Thiên Thai), что значит «Край небожителей»², где большой громкоговоритель вещал, что слезы – грех. От жительницы Тхиентхая по имени Ми он узнал, что это «место, где люди воплощают в жизнь лучшие мечты человечества». По ходу сна обнаружилось, что это работа не на счастье каждого, а на счастье государства как института, на счастье общества как единого организма. Как и в антиутопиях европейских авторов, в романе налицо критика коммунистических режимов. Ми пояснила, что у большинства жителей Тхиентхая вместо имен – код, состоящий из букв и цифр, как, например, у профессора Z25, который для повышения трудоспособности рабочих на заводе дал им лекарство, лишаящее голоса на время действия препарата. Ведь разговоры снижали эффективность производства в разы. Но с другой стороны, речь и связанная с ней способность мыслить – естественные свойства человека. Свобода слова должна быть его неотъемлемым правом. Лишаясь на время возможности общаться, люди будто бы сами становились сложными машинами на заводе ради ускорения выполнения заказов. Для власти, по мнению писателя, люди лишены человеческих качеств, представляются только функциями.

В Тхиентхае покусились и на институт традиционной семьи. Под одной крышей проживали, как в коммуне, много бабушек и дедушек, родителей, подрастающее поколение. Считалось, что зачатие естественным путем приводит к рождению больных детей. Вопрос деторождения стал частью демографического проекта в Тхиентхае. Правительство стало строить планы:

Например, в этом году необходимо создать дополнительно десять тысяч человек, в том числе девять тысяч рабочих, десять ученых, девятьсот инженеров и девяносто человек, работающих в сфере искусства.

Женщины должны обратиться в родильный дом по

²Thiên Thai – вьетнамское название горы Тяньтай, где обитали феи в китайской сказке эпохи династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.). Сказка повествует о двух ученых: Лю Чэнь и Жуань Чжао, которые собирали лекарственные травы на горе, заблудились и встретились с феями. Они прожили в гостях полгода, а когда вернулись домой, оказалось, что прошло несколько веков. См. подробнее: Hải Đà, Vương Ngọc Long. Thiên Thai (Хай Да, Вьонг Нгок Лонг. Тхиентхай) // URL: <https://www.vuonghaida.com/VAN/ThienThai.htm>

месту жительства, чтобы зарегистрироваться для выполнения своих обязанностей по родам (Нгуен Суан Кхань. *История, произошедшая в одном переулке*).

Далее в них помещали биоматериал, подходящий для рождения ученого, рабочего или представителя иной профессии. Женщины могли дополнительно заказать для своего будущего ребенка цвет глаз, волос, рост, телосложение и др. Ученые искали соответствующие генетические материалы и выращивали детей по заказу. Здесь всё, даже глубоко личное, было поставлено под контроль. Дух Большого брата видится и в особых кирпичах, которые могли передавать звук и изображение. По всему Тхиентхаю были «глаза и уши, чтобы видеть и слышать то, что необходимо узнать и понять». Здесь Нгуен Суан Кхань представляет природу власти (по крайней мере тоталитарного режима) как способность навязывать свою волю гражданам и осуществлять повсеместный контроль за их действиями.

Как отмечает вьетнамский поэт и литератор Чинь И Тхы, сцена поиска Хоангом зала для допроса в храме, где он получил обвинение в антиправительственном преступлении, напоминает «Процесс» Кафки, где Йозеф К. искал зал судебного заседания в старом доходном доме [Trjnh Y Thu, 2017]. Действительно, сходство наблюдается в туманности обвинения, непонятной роли и личности обвинителя, ощущении нереальности происходящего. Оба главных героя надеются на рациональный исход, но его нет. К. даже режут, «как собаку», что перекликается с идеей Нгуен Суан Кханя о власти предрержащих и стражах порядка, как мясниках.

Неоднократно встречаются аллюзии на китайский роман «Путешествие на Запад» и одного из его героев – Чжу Ба Цзе (*вьет. Trư Bát Giới*). В «Энциклопедии по свиньям» Чжу Ба Цзе – это образец человека-свиньи. Прямое определение понятия отсутствует, но в отрывке перечислены примеры, помогающие понять, что имеется в виду. Получается человек-свинья – образ предателя и волокиты, властителя / управленца, извращенного почти безграничным авторитетом и возможностями своего положения.

Возвращаясь к Чжу Ба Цзе, в оригинале – это положительный комический персонаж, который из-за своей лени, чрезмерной любви к еде, выпивке и женщинам создавал неприятности спутникам. В «Истории, произошедшей в одном переулке» комическая составляющая отброшена и сделан акцент на аморальной стороне такого поведения, негативные последствия доведены до крайности. И в первом названии романа «Сумасшедшая

свинья» автор использует китаизм – *trư củong*, а не вьетнамский эквивалент *lợn đìen*, что, вероятно, также отсылает нас к персонажу «Путешествия на Запад».

Череду кошмарных снов Хоанга прекратил его старший сын Линь. Чтобы найти средства на лекарства для отца, он хотел зарезать всех свиней, но только Свинобык годился для этих целей. Остальные были слишком маленькие, поэтому он отдал их соседям на докорм. Кажется, смерть Свинобыка означала конец безумного увлечения свиноводством в ущерб себе и близким, смерть «правителя» загоня принесла мир другим свиньям и людям. Но в действительности Линь сам стал мясником. Он не только зарезал Свинобыка, но и решил заниматься этим профессионально, пойти в ученики к соседу, на дочке которого хотел жениться. Жизнь после этого убийства не вернулась в прежнее русло. Разум покинул друга Хоанга, Тама. Свинобыки, люди-свиньи не исчезли:

Там меня не слышал, потому что он всё еще держал руки у лба, сосредоточенно ища кого-то глазами... Ты охотишься? Нашел еще несколько коварных Свинобыков? Много их или мало? Где они? Ты видишь, как они прячутся в разрушенных хижинах или они уже укрылись в роскошных замках? (Нгуен Суан Кхань. *История, произошедшая в одном переулке*).

Произведение кончается словами:

Свиномания! Свиномания! Свиномания! (Нгуен Суан Кхань. *История, произошедшая в одном переулке*).

Ничто не закончилось. Получается, что, несмотря на очевидный вред стремления к свиноводству (богатству, власти), люди по-прежнему хотят этим заниматься, т. е. суть власти также в мнимой привлекательности даруемых ею привилегий, прав, ощущения собственной значимости. Ее ответственность и обязательства многие в романе, иногда включая самих правителей (свиноводов) не осознают.

История Свинобыка уподобляется в романе становлению коммунистического режима. Сначала несчастный и всеми гонимый, вечно голодный, он вызывал жалость Хоанга. Набравшись сил, Свинобык в какой-то момент устроил ожесточенную борьбу и занял главную позицию в загоне. Другие свиньи сдались. После каждого приема пищи они стали показательно и подобострастно вылизывать своего «предводителя». Тогда тот окончательно разъялся и подчинил себе своего условного хозяина, который будто сам стал служить аппетитам и благополучию животного в ущерб себе.

Свинобык похож на сверхчеловека Ницше, радикального эгоцентрика, тяготеющего к абсолютному господству и свободе, который отбрасывает «рабские добродетели» христианства и творит историю. Неслучайно Свинобыку очень понравился корм, купленный от продажи книг Достоевского – писателя-гуманиста. Произошла смена идеалов: от человеколюбия и моральной ответственности к материализму, необдуманному копированию того, что делают соседи (выращивание свиней или в широком контексте заимствование идеологии, претворение в жизнь чужой политической программы), работе на счастье коллектива, который при коммунистическом режиме реально ограничивается правительственной верхушкой в центре и на местах, состоящей из людей-свиней.

ВЫВОДЫ

Таким образом, роман «История, произошедшая в одном переулке» – это отражение действительных событий, случившихся в Северном Вьетнаме и лично с Нгуен Суан Кханем, но изображением реальности не ограниченное. Аллегорически и гротескно показанная погоня за деньгами и властью, порочность, в той или иной мере присущая людям, подчеркивают трагизм свершившейся революции 1945 года. Роман изобилует аллюзиями

и реминисценциями на произведения-антиутопии мировой литературы XX века, китайскую классику, выделяя нужную мысль. Писатель рассматривает вопрос природы власти, и приходит к выводу о том, что власть (при тоталитарном режиме) – это способность навязывать свою волю, осуществлять повсеместный контроль. Попадающая не в те руки она развращает, и управленец стремится извлечь из своего положения максимум выгоды. Тогда он наделяется высшей властью, суть которой в праве убивать. Отсюда сходство политика и мясника – оба этим правом активно пользуются. Их политика тем успешнее, чем больше поблизости людей-свиней, жаждущих хотя бы минимальной власти и ее привилегий. При этом Нгуен Суан Кхань признает, что нельзя делить людей на хороших и плохих. В каждом заложена возможность стать мясником или человеком-свиньей. Выход он видит в постоянном обращении к внутренней гуманности, поиску в себе человечности:

Революция будет красивой и привлекательной только тогда, когда будет гуманнее, демократичнее и человечнее, чем любой другой идеал... Совесть, красота, нравственность, сострадание к людям, любовь... вот что должно быть возведено в абсолют (Нгуен Суан Кхань. *История, произошедшая в одном переулке*).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ngô Thị Hợp. Ngôn ngữ trần thuật trong tiểu thuyết “Chuyện ngõ nghèo” của Nguyễn Xuân Khánh: luận văn thạc sĩ ngữ văn. Nghệ An, 2018. = Нго Тхи Хоп. Язык повествования в романе Нгуен Суан Кханя «История, произошедшая в одном переулке»: маг. дисс. по филологии. Нгеан, 2018.
2. Филимонова Т. Н. Трагедия реформатора в романе Нгуен Суан Кханя «Хо Куи Ли» // Вьетнамские исследования. Т. 2. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 370–387.
3. Lại Nguyên Ân. Mấy nét về đường văn Nguyễn Xuân Khánh. 2012 // Nguyễn Xuân Khánh. Một nụ cười mỉm, một nghiệp văn xuôi. / Đoàn Ánh Dương bs. Hà Nội: NXB phụ nữ, 2021. Tr. 48-64. = Лай Нгуен Ан. Некоторые особенности творческого пути Нгуен Суан Кханя. 2012 // Нгуен Суан Кхань. Одна улыбка, одно дело прозаика / под ред. Доан Ань Зьонга. Ханой: Фу ны, 2021. С. 48–64.
4. Nguyễn Xuân Khánh. Tiếng người trong văn. Hà Nội: NXB phụ nữ, 2021. = Нгуен Суан Кхань. Голос человека в литературе. Ханой: Фу ны, 2021.
5. Trịnh Y Thư. Nguyễn Xuân Khánh: chỉ là chuyện ngõ nghèo thôi ư? 2017 // Nguyễn Xuân Khánh. Một nụ cười mỉm, một nghiệp văn xuôi. / Đoàn Ánh Dương bs. Hà Nội: NXB phụ nữ, 2021. Tr. 132–147. = Чинь И Тхы. Нгуен Суан Кхань: только лишь история, произошедшая в одном переулке? 2017// Нгуен Суан Кхань. Одна улыбка, одно дело прозаика / под ред. Доан Ань Зьонга. Ханой: Фу ны, 2021. С. 132-147.

REFERENCES

1. Ngô Thị Hợp. Ngôn ngữ trần thuật trong tiểu thuyết “Chuyện ngõ nghèo” của Nguyễn Xuân Khánh: luận văn thạc sĩ ngữ văn. Nghệ An, 2018. = Ngo Thi Hop. (2018). Narrative language in Nguyen Xuan Khanh's novel “A Story That Happened in One Alley”: MA thesis in philology. Nghean. (In Vietn.)

2. Filimonova T. N. (2012). The tragedy of the reformer in Nguyen Xuan Khanh's novel "Ho Qui Ly" // Vietnamese Studies. T. 2. Moscow: IDV RAN, 370–387. (In Russ.)
3. Lại Nguyên Ân. Mấy nét về đường văn Nguyễn Xuân Khánh. 2012 // Nguyễn Xuân Khánh. Một nụ cười mỉm, một nghiệp văn xuôi. / Đoàn Ánh Dương bs. Hà Nội: NXB phụ nữ, 2021. Tr. 48–64. = Lai Nguyen An. (2021). Some features of Nguyen Xuan Khanh's creative path. // Nguyen Xuan Khanh. One smile and one work of a prose writer / ed. by Doan Anh Duong. Hanoi: NXB phu nu, 48–64. (In Vietn.)
4. Nguyễn Xuân Khánh. Tiếng người trong văn. Hà Nội: NXB phụ nữ, 2021. = Nguyen Xuan Khanh. (2021). The human voice in literature. Hanoi: NXB phu nu. (In Vietn.)
5. Trịnh Y Thư. Nguyễn Xuân Khánh: chỉ là chuyện ngõ nghèo thôi ư? 2017 // Nguyễn Xuân Khánh. Một nụ cười mỉm, một nghiệp văn xuôi. / Đoàn Ánh Dương bs. Hà Nội: NXB phụ nữ, 2021. Tr. 132–147. Trinh Y Thu. (2017) Nguyen Xuan Khanh: is it just a story that happened in one alley? 2017// Nguyen Xuan Khanh. (2021). One smile and one work of a prose writer / ed. by Doan Anh Duong. Hanoi: NXB phu nu, 132-147. (In Vietn.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Муралова Екатерина Олеговна

аспирант кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии

Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

INORMATION ABOUT THE AUTHOR

Muralova Ekaterina Olegovna

PhD student of the department of Philology of South-East Asia, Korea and Mongolia

Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

26.12.2023
24.01.2024
28.02.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 82-31

Историко-политический аспект русской темы в прозе М. Павича

М. Николич

*Московский государственный лингвистический университет, Москва
nikolitch.militsa@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется историко-политический аспект русской темы и сопряженного с ним образа русского народа на примере творчества Милорада Павича. В работе использованы метод пристального чтения, а также методы сравнительного, историко-культурного и интертекстуального анализа. В результате показано, что историко-политический аспект русской темы позволил писателю раскрыть личности героев и окружающие их обстоятельства, а также создать комплексный образ русского народа.

Ключевые слова: постмодернизм, М. Павич, Россия, историко-политический аспект, русский народ

Для цитирования: Николич М. Историко-политический аспект русской темы в прозе М. Павича // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 143–149.

Original article

Historical and Political Aspect of the Russian Theme in the Prose of M. Pavich

Militsa Nikolitch

*Moscow Linguistic State University, Moscow
nikolitch.militsa@yandex.ru*

Abstract. The paper is devoted to analysis of Russian historical-political context and the image of Russian people in the Milorad Pavich's work. The research methods are close reading, comparative and historical-cultural methods as well as intertextual analysis. As a result, it has been demonstrated that historical-political aspect of Russian theme served to put additional light on the identity of the characters and the surrounding circumstances, but also to create a complex image of Russian people.

Keywords: postmodernism, M. Pavich, Russia, historical-political context, Russian people

For citation: Nikolitch M. (2024). Historical and political aspect of the Russian theme in the prose of M. Pavich. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(885), 154–160.

ВВЕДЕНИЕ

Милорад Павич (1929–2009) оставил значительный след в истории мировой литературы не только как яркий представитель эпохи постмодернизма, но и как историк литературы и переводчик. Так, свой литературный путь Павич начал переводом «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. Кроме того, он интересовался взаимоотношениями славянских народов, особенно русско-сербскими связями в эпоху барокко в XVII и XVIII веках, исследуя «внезапное возникновение интереса к истории и судьбе славянских народов, особенно Южных Славян, которое появляется по всей Европе в XVII и XVIII веках и отразилось в южнославянской литературе»¹ [Павић, 1970, с. 329].

Павич нередко говорил о своем интересе к России, ее культуре и истории, что, несомненно, отразилось на его творчестве. Особое влияние на художественную картину мира писателя оказала русская культура, прежде всего русская литературная классика XIX века. Павич также уделял значительное внимание русской истории и традициям, в том числе истории Российского государства, русской эмиграции XX века и образу российского народа. Я. Михайлович в интервью о писателе отметила, что по ее «самому интимному ощущению, Павич – русский писатель. Его книги, правда, окутаны в атмосферу Балкан, Средиземноморья, Европы, Византии, но та широта взгляда, эмоциональность, глубина, множество слоев, юмор, метафизические плоскости, всё это мне напоминает Россию. Мы дома часто шутили, что он русский писатель сербско-хорватского происхождения!»²

Актуальность темы исследования обусловлена неубывающим в отечественном и зарубежном литературоведении интересом к изучению образа России в европейской литературе, а также к литературе постмодерна, видным представителем которой является М. Павич. В связи с возрастающей тенденцией негативного восприятия истории и политического устройства России в зарубежных художественных текстах необходимо обратить внимание на специфику изображения данного аспекта русской темы. Творчество Павича является репрезентативным, поскольку в нем автор придерживается многогранного подхода к изображению русской истории. При этом писатель обращается к разным периодам – к эпохе СССР и временам Российской империи.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые выделены и проанализированы

¹Эд. и далее перевод наш. – М. Н.

²Скрягина М. Милорад Павич – русский писатель сербскохорватского происхождения, 2014. URL: <https://svpressa.ru/culture/article/105122/> (дата обращения: 13.01.2024).

интертекстуальные отсылки к истории Российского государства, русской эмиграции XX века и образу российского народа в произведениях М. Павича.

Цель исследования заключается в том, чтобы определить специфику и роль историко-политического аспекта русской темы и образа русского народа в художественном мире писателя.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо выявить и проанализировать интертекстуальные связи с историей Российского государства, в том числе с темой русской эмиграции, а также изучить образ российского народа в творчестве М. Павича.

Работа осуществляется с опорой на метод пристального чтения, а также методы сравнительного, историко-культурного и интертекстуального анализа.

Материалом настоящего исследования выступают следующие произведения М. Павича: рассказ «Пароль» (1979), «Пейзаж, нарисованный чаем» (1988) и «Уникальный роман» (2004).

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ В «ПАРОЛЕ», «ПЕЙЗАЖЕ, НАРИСОВАННЫМ ЧАЕМ» И «УНИКАЛЬНОМ РОМАНЕ»

Историко-политический аспект русской темы в творчестве Павича подразумевает игровое отношение к определенным историческим фактам, событиям и личностям. История России становится предметом интертекстуального и пародийного изображения в исследуемых текстах.

В книге «Открытый лабиринт: Павич и Эко» Д. Живкович определяет интертекстуальный прием у Павича с помощью структуры лабиринта. Принцип лабиринта иллюстрирует механизм взаимодействия читателя с текстом, который должен выявить и понять смысл многочисленных интертекстуальных связей, заложенных в тексте [Живковић, 2016]. Диалогические отношения читателя с текстом и автором основываются на разных видах игр и нередко сопряжены с иронией и пародией. Принцип игры в творчестве Павича Й. Делич иллюстрирует с помощью метафоры «матрешки», подчеркивая ее сходство с метафорой «очищения лука от шелухи». На основе игры открытия матрешки ученый делает пессимистический вывод о природе человека, литературном тексте и герое: попытка найти что-то существенное (как в случае матрешки, когда из одной рождается новая, меньшая кукла), найти суть вещей оказывается, как в литературе, так и в мире, обманчивой игрой [Делић, 1991]. Однако сербский писатель не ограничивается принципом игры ради игры. Например, он внедряет определенные исторические факты как знаки в текст, и читатель должен искать спрятанные

смыслы и выявлять взаимосвязи с другими знаками, что нередко проливает дополнительный свет на произведение, сюжет и персонажи.

По словам Павича, самая главная способность писателя – это умение достичь той конкретной точки, в которой реальность и фантастика отражаются как один мир¹. Такой подход писателя к истории напоминает постмодернистский прием фабуляции, как «сознательное размывание границ между реальностью и вымыслом, творчеством и жизнью» [Ломакина, 2020, с. 324].

М. А. Слащева определяет творчество Павича как пример «строгой историчности». В большинстве произведений писателя описанные ситуации подкрепляются историческими справками, приводятся цитаты или отсылка к историческим документам, создавая «эффект истинности происходящего» [Слащева, 1997, с. 45]. «Отдельные исторические факты» у Павича приобретают новый смысл, поскольку они представлены фрагментарно и «рассказаны не в соответствии с хронологией событий» [Попович, 2014, с. 65].

В рассказе «Пароль», романах «Пейзаж, нарисованный чаем» и «Уникальный роман» история Российского государства раскрывается в периоды Российской империи и СССР. Данные произведения нельзя определить как примеры историографической метапрозы, поскольку в них история имеет второстепенную роль по сравнению с культурой и изображается фрагментарно. Тем не менее исторический аспект является неотъемлемой частью русской темы в анализируемых текстах и требует отдельного исследования.

В качестве пример приведем рассказ из «Пейзажа, нарисованного чаем» – «Потешная история о Федоре Алексеевиче Разине», действие которой происходит в сталинские времена. Текст начинается пародийным представлением Федора, биологического отца главного героя романа:

В сталинские времена жил-был в Москве один видный математик. <...> Когда-то он был красавцем и прекрасно пел... (М. Павич. *Пейзаж, нарисованный чаем*).

Разина посещает «незнакомый ему человек», настоятельно предлагавший математику вступить в коммунистическую партию. Несмотря на его попытки отказаться, в меру своей занятости, Федора Алексеевича «вступают» в партию и присылают приглашение на первое собрание.

¹Lallas T. A conversation with Milorad Pavić // *The Review of Contemporary Fiction*. Vol. 18.2, 1998. URL: <https://www.dalkeyarchive.com/2013/08/02/a-conversation-with-milorad-pavic-by-thanassis-lallas/> (дата обращения: 13.01.2024).

В повести отражено стереотипное видение периода сталинизма, характерное для европейского общества, такое как сталинские репрессии, преследование русских интеллектуалов, ограничение свободы и ссылка в Сибирь. Писатель, при этом, использует приемы пародии и намеков. Так, незнакомый посетитель намекает математику на возможные последствия его отказа повиноваться требованиям нового режима:

– Мы тебе это припомним, – добавил он, – мы ничье время не убиваем. У нас и так хватает чего убивать (М. Павич. *Пейзаж, нарисованный чаем*).

Однако Разин «до такой степени погружен в математику», что не понял правила нового режима и намеки гостя. На первом заседании он выступил со слишком откровенной речью о том, как можно улучшить работу партии. Математик лишь по совету швейцара, который вовремя прерывает его выступление, немедленно покидает Москву.

Пародия сталинских времен заключается, с одной стороны, в неспособности математика осознать реальную картину мироустройства вокруг себя. С другой стороны, в абсурдности ситуаций, в которых герой оказался. Разин уезжает на первом поезде и прибывает в Сибирь. В неизвестном сибирском городе он скоро становится лучшим чистильщиком снега и таким образом обращает вновь внимание партии на себя. В результате чего повторяется ситуация начала повести, когда математику настоятельно предлагают вступить в партию. Оправдания Разина, что он неграмотный, заканчиваются тем, что его присоединяют к классу, в котором учатся такие, как он:

Таких, как вы, у нас много. Наша Наталья Филипповна Скаргина показывает им буквы, ведет, значит, ликбез, вот мы вас туда и определим, к прочим неграмотным. Как научишься грамоте, начнешь и на собрания приходить, а до тех пор, примерно с месяц, мы тебя беспокоить не будем (М. Павич. *Пейзаж, нарисованный чаем*).

Однако читатель понимает, что ученики Натальи Филипповны не простые дворники, а русские интеллектуалы, которые прячутся от действующего режима:

В ту же минуту весь класс, все двадцать четыре дворника, все, кроме учительницы Натальи Филипповны Скаргинной, стали громко подсказывать ему решение: – Постоянная Планка! Постоянная Планка! (М. Павич. *Пейзаж, нарисованный чаем*).

Речь идет о сторонниках царской империи. Например, когда Разина угостили чаем, он

...немало изумился <...> Это был знаменитый белый чай [водка – прим. наше *М. Н.*], тот самый, что в царской России продавался по десяти рублей серебром за фунт (*М. Павич. Пейзаж, нарисованный чаем*).

Тему коммунистического режима в романе нельзя рассматривать вне контекста личности и мировоззрения Афанасия. Судьба математика в сталинские времена дополняет образ главного героя и объясняет причину того, что он не знал, кто его биологический отец. Так, решение автора поменять национальность Афанасия в его позднем возрасте становится мотивированным и проливает дополнительный свет на характер героя. Как и Разин, Афанасий является одиночкой, неспособным действовать в обществе. Кроме того, сам герой неоднозначно относится к коммунистическому режиму в Югославии. С одной стороны, он разочаровался в работе партии, которая, по его словам, была одним – матерью, а другим – мачехой. С другой стороны, во второй части романа Афанасий начал увлекаться личностью Иосипа Броза Тита, исследуя места, в которых президент жил и работал.

Тема освобождения Белграда в рассказе «Пароль» открывает иной, положительный аспект изображения периода Советского Союза сквозь призму образа Советской армии. В рассказе читатель одновременно следит за судьбой главного героя – Николы Биляра и освобождением Европы, в том числе Белграда. Освободительное движение Советской армии иллюстрировано с помощью распространения русской песни о нагайке, кольце и балалайке в освобожденных местах: «Сохрани меня нагайка, колечко да балалайка...» (*М. Павич. Лозинка*). Текст «Пароля» начинается описанием советского солдата, который уже тридцать лет появляется во сне рассказчика. Вид у солдата на первый взгляд страшный и гротескный: у него шрам на лице, он носит огромную советскую шапку, курит не ртом, а левой ноздрей, тащит с собой печку с посудой и поет песню о нагайке, кольце и балалайке. На печке солдат жарит пирог для маршала Толбухина. Рассказчик не раскрывает личность маршала, рассчитывая на эрудицию читателя и на его активное участие в изучении исторических фактов. Речь идет о Федоре Ивановиче Толбухине, Герое Советского Союза, принимавшем активное участие в освобождении Югославии во Второй мировой войне.

К образу советского солдата и теме освобождения Белграда Павич возвращается в «Пейзаже, нарисованном чаем». В романе делается акцент на юность советского солдата, чье молодое лицо, еще

не обросшее бородой, уже покалечено шрамом. Также, в отличие от первоначального образа в рассказе, он тащит не печку, а пушку. Характерно, что как в «Пароле», так и в «Пейзаже, нарисованном чаем» Красная армия представлена в образе одного солдата, который возникает на фоне воспоминаний: рассказчик «Пароля» вспоминает трагическую судьбу своего юного друга, а главный герой романа о том, как их отцы и отцы союзников возвращались домой следом за Советской армией. Страшный, внешний вид обоих солдат, особенно юность танкиста из «Пейзажа, нарисованного чаем», подчеркивают масштабность потерь и жертв, которые армия претерпела на войне. Павич указывает на ключевую роль Советской армии в освобождении Белграда и на последствия любой войны, заключающиеся в случайных, невинных жертвах и трагедии каждого человека. Одиночество солдат подтверждают слова Е. В. Шатько о том, что писатель стремился изобразить народ, представленный в образе определенного героя, действующего как в интересах личного, так и в интересах своей общины [Шатько, 2014, с. 525].

В «Уникальном романе» Павич обращается к периоду Российской империи. В романе можно выделить две основных сюжетных линии. Первая, это история об оперном певце Дистели и его желании узнать время и причины своей смерти. Вторая сюжетная линия, происходящая в сновидении главного героя, пронизана интертекстуальными отсылками к периоду Российской империи.

Ответ на вопрос о дате своей смерти оперный певец получает у андрогинного существа АлекСандры – продавца снов. Дистели снятся несколько снов и в каждом из них как его двойник появляется А. С. Пушкин. В реальности оперный певец играл главную роль в опере «Борис Годунов». Во сне героя, русский поэт также пытается узнать дату своей смерти с помощью магического обряда. Законы пространства сновидений дают возможность создавать связь между двойниками, принадлежащими разным эпохам, и «рассматривать определенные явления и процессы в их непрерывности» [Шатько, 2020, с. 78]. Историческое время подвергается свободной интерпретации автора и нередко события, происходящие на протяжении нескольких лет или веков, могут уместиться в один день.

Так, в «Уникальном романе» упоминаются эпоха Петра I, Смутное время и правление Бориса Годунова, а также правление императора Николая I. История Российской империи в романе служит контекстом, на основе которого строится сюжет и дополняется образ героя. Исторические события и личности из разных эпох объединяются жизнью и творческой биографией Пушкина.

Т. Попович отмечает, что Павича особо интересовал «сербский вопрос» в биографии русского писателя [Попович, 2014]. Например, герой вспоминает историю о своем прадедушке А. П. Ганнибале, которого выкупил сербский граф Савва Рагузинский и подарил Петру I. Иглы прадедушки африканского происхождения и монетки сербского графа должны помочь герою начать обряд. Однако для проведения ритуала понадобятся куклы, которые необходимо поставить в определенный исторический контекст, чтобы их оживить:

Итак, вы здесь, – пробормотал Александр Сергеевич и повернулся к полке с книгами. – Сейчас узнаем вашу судьбу. Нам нужно какое-нибудь историческое событие, куда можно было бы вас поместить (М. Павич. *Уникальный роман*).

Поэт открывает книгу и начинает читать отрывок из истории Смутного времени. События, происходящие вокруг появления лжецаря Дмитрия и царствование Бориса Годунова. Три кухонные куклы путем обряда превращаются в монаха Пимена, Гришку Отрепьева (Лжедмитрия) и Мариону Мнишек-Сандомирскую.

Исторический подтекст магического ритуала в результате приведет не только к получению ответов на вопросы, заданные героями, но также и к созданию известного художественного произведения Пушкина. Павич ссылается на известные факты, что пьесе «Борис Годунов» русский классик писал, опираясь на книги Н. М. Карамзина «История государства Российского» и «венецианского историка» «Житие и славные дела государя императора Петра Великого самодержца Всероссийского». В разговоре Пушкина с Мариной Сандомирской упоминается царь Николай I:

– Это же спросить и царь.
– Какой царь?
– Как – какой? Царь Николай Первый... (М. Павич. *Уникальный роман*).

Упоминание царя должно напомнить читателю историю отношений Николая I и поэта, царь приказал вернуть Пушкина из ссылки и освободил его от цензуры.

Кроме того, в диалоге с героиней своей будущей пьесы поэт узнает, что автором ценной книги из его библиотеки является сербский, барочный писатель З. Орфелин:

– Кто не из Венеции?
– Да этот твой венецианский историк. Его звали Захарий Орфелин.

– Откуда ты знаешь? – ошеломленно уставился на нее Александр Сергеевич.
– Есть подписанное издание его книги, которое запрещено... (М. Павич. *Уникальный роман*).

Исследуя взаимоотношения славянских народов в эпоху барокко, Павич обнаружил влияние книги «Житие и славные дела Петра Великого» Захария Орфелина на русского классика. Внимание сербского писателя привлек тот факт, что Пушкин не знал о личности венецианского историка, произведение которого было запрещено австро-венгерской властью в оккупированной Сербии.

Если русская история в «Пейзаже, нарисованном чаем» представлена преимущественно сквозь призму политического режима СССР, то в «Уникальном романе» делается акцент на исторические факты, сопряженные с русским культурным контекстом, в том числе с творчеством и личностью А. С. Пушкина.

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ XX ВЕКА

Тема русской эмиграции в творчестве Павича непосредственно сопряжена с периодом Советского Союза и судьбой русской интеллигенции. Причины возникновения массовой эмиграции русского народа в начале XX века Павич видит в политическом режиме СССР, поскольку его персонажами-эмигрантами являются интеллектуалы и сторонники царской России.

В «Пейзаже, нарисованном чаем» тема русской эмиграции изображена в образе русского учителя, бывшего белого офицера и его жены. Молодые люди, в том числе и Афанасий с друзьями, ходили к русским эмигрантам учить русский язык, запрещенный в Белграде, который находился под нацистской оккупацией:

Такие учителя обычно любили петь под балалайку, успевая глотнуть водки между двумя словами так стремительно, что на песне это вообще не отражалось (М. Павич. *Пейзаж, нарисованный чаем*).

Павич, изображая конкретную семью русского учителя, делает универсальные выводы. Рассказчик отмечает, что у белых эмигрантов были «красивые жены, они держали собак и носили жесткие усы», подчеркивая их аристократическое происхождение и манеры.

Не случайно Павич выбрал учителя в образе русского эмигранта. Исследуя значение русской эмиграции в Сербии в начале XX века, М. Сибинович пишет, что русскую эмиграцию составляли прежде всего образованные люди, которые внесли

значительный вклад в развитие сербской культуры. Между ними сыграли важную роль учителя и ученые из России, работавшие в сербских школах, университетах и других культурных учреждениях. Однако Сибинович подчеркивает, что русские эмигранты, приехавшие в Сербию после Революции 1917 года не адаптировались в новой, культурной среде. Они создали «государство в государстве», надеясь на скорое возвращение на родину [Сибинович, 1996]. Например, жена русского офицера в «Пейзаже, нарисованном чаем» не говорила по-сербски и «сохраняла в шелковом чулке пряди волос, которые успела остричь с тех пор, как уехала из России». Русские эмигранты продолжают соблюдать свои традиции, пьют водку, играют на балалайке и хранят свои конные плащи на стенах, как напоминание о временах, когда их руки держали сабли.

Стоит отметить, что Афанасий из «Пейзажа, нарисованного чаем» парадоксальным образом также станет русским эмигрантом. Парадокс заключается в том, что герой уезжает за рубеж как неудавшийся архитектор сербского происхождения Атанасий Свилар, а возвращается владельцем *двух процентов мирового дохода от применения ядерной энергии в мирных целях* русской национальности – Афанасий Федорович Разин. Тем не менее меня национальность, герой не воспринимает черты русского менталитета. Русская национальность Афанасия отразилась прежде всего на художественном мире, который после трансформации героя становится более насыщенным интертекстуальными связями с русской культурой и историей.

ОБРАЗ РУССКОГО НАРОДА

На основе изложенного анализа русского историко-политического контекста и темы русской эмиграции можно сделать несколько выводов об образе русского народа и русского человека, воспринятых Павичем.

С одной стороны, Павич представляет русский народ как сильный и патриотический, который сыграл важную роль в освобождении Европы от нацистской оккупации. При этом, находясь на чужбине, он мечтает о возвращении на родину и не адаптируется в новой среде. Стоит отметить, что критика коммунистического режима не влияет на формировавшийся образ русского народа. Так, представители партии изображены довольно близко и однотипно: не упоминаются их имена (кроме учительницы Скаргиной) и им не приписываются определенные черты, характерные для

русского человека. С другой стороны, все русские персонажи у Павича образованные и интеллектуальные. Е. В. Шатько отмечает, что они «склонны к философствованию, но при этом несколько далеки от жизни» [Шатько, 2014, с. 529].

Также наряду с русскими персонажами упоминается либо водка и песня, либо чай, что создает впечатление у читателя о народе, который любит выпить и весело проводит время. Способность выпивать, не прерывая песню, приписывается как учителю русского языка, так и отцу Афанасия, при этом делается акцент на их склонность к разным видам искусства. Описывая характер математика Разина, рассказчик отмечает, что,

выпив водку, он надевал рюмку на язык и держал ее языком. Настоящим же его призванием был чай. Он даже разрисовывал чаем матрешек и деревянные ложки (*М. Павич. Пейзаж, нарисованный чаем*).

Таким образом, русский человек, с точки зрения Павича, всегда стремится к высшей форме проявления творчества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в результате исследования мы можем сделать некоторые выводы. Специфика изображения русского историко-политического контекста заключается в интертекстуальной игре с историческими фактами, событиями и личностями из истории России. При изображении периодов СССР и Российской империи Павич использовал приемы игры, пародии, намеки, гротеск, стирая четкую границу между историческим и вымышленным мирами. Важную роль играет читатель как активный участник раскрытия отсылок к русской истории, заложенных в тексте.

Писателя прежде всего интересовал народ – его история, культура и традиция. Русский народ в исследуемых текстах представлен сквозь призму героев и их судеб. Судьба математика Разина, русских эмигрантов в Сербии, образы советских солдат и личность А. С. Пушкина создают впечатление о великом народе, привязанном к своей родине, иногда жестокого и отстраненного от реального мира, но образованного и склонного к философствованию и искусству.

Таким образом русский историко-политический контекст позволил Павичу, с одной стороны, раскрыть личности героев и обстоятельства, в которых они развивались, с другой – показать образ русского народа, воспринятого писателем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Павић М. Историја српске књижевности барокног доба (XVII и XVIII век). Београд: НОЛИТ, 1970.
2. Живковић Д. Отворени лавиринт. Еко и Павић. Крагујевац: ФИЛУМ, 2016.
3. Делић Ј. Хазарска призма. Београд: Просвета, 1991.
4. Ломакина И. Н. Особенности историографической метапрозы (на материале романа Джулиана Барнса «Артур и Джордж») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. Т. 20. Вып. 3. 2020. С. 321–325.
5. Слащева М. А. Мифологическая модель мира в постмодернистской прозе Милорада Павича // Вестник Московского университета. Серия 9. № 3. «Филология». 1997. С. 43–53.
6. Попович Т. А. С. Пушкин – сокровенный герой прозы М. Павича // Болдинские чтения – 2014. Нижний Новгород: Бегемот, 2014. С. 62–71.
7. Шатько Е. В. Русские мотивы в прозе Милорада Павича // Россия и русский человек в восприятии славянских народов. М.: Центр книги Рудомино, 2014. С. 525–531.
8. Шатько Е. В. Художественная структура романов М. Павича (некоторые аспекты поэтики): дис. ... канд. филол. наук. М., 2020.
9. Сибинович М. Значение русской эмиграции в сербской культуре XX века: границы и перспективы исследования // Русская эмиграция в Югославии: сборник статей. М.: Индрик, 1996. С. 7–26

REFERENCES

1. Pavich, M. (1970). Istorija srpske knjizhevnosti baroknog doba (XVII i XVIII vek). = History of Serbian baroque literature. Beograd: NOLIT. (In Serb.)
2. Zhivkovich, D. (2016). Open Labyrints: Eco and Pavich. Kragujevats: FILUM. (In Serb.)
3. Delich, Y. (1991). Khazarska prizma = Khazar's prism. Beograd: Prosveta. (In Serb.)
4. Lomakina, I. N. (2020). The Peculiarities of the Historiographic Metafiction (Based on Julian Barnes's Novel Arthur & George. Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 20(3), 321–325. doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-321-325. (In Russ.)
5. Slashcheva, M. A. (1997). Mifologicheskaya model' mira v postmodernistskoi proze Milorada Pavicha = Mythological model of the world in Milorad Pavich's postmodern prose. Lomonosov Philology Journal, 9(3), 43–53.
6. Popovich, T. A. (2014) S. Pushkin – Sokrovennyi geroi prozy M. Pavicha = A. S. Pushkin – A Hidden Hero of the M. Pavich's Prose. Boldinskie chteniya – 2014 (pp. 62–71): The digest of articles of an international scientific conference. Nizhnii Novgorod: Begemot. (In Russ.)
7. Shat'ko, E. V. (2014). Russkie motivy v proze Milorada Pavicha = Russian Motives in the Prose of Milorad Pavich. In Rossiya i russkii chelovek v vospriyatii slavyanskikh narodov (pp. 525–531). Moscow: Tsentri knigi Rudomino. (In Russ.)
8. Shat'ko, E. (2020). Khudozhestvennaya struktura romanov M. Pavicha (nekotorye aspekty poehtiki) = Artistic Structure of the Novels by M. Pavich (some aspects of poetics): PhD in Philology. Moscow.
9. Sibirinovich M. Znachenie russkoi eh migratsii v serbskoi kul'ture KHKH veka: granitsy i perspektivy issledovaniya = The Meaning of Russian Emigration in Yugoslavia. Russkaya eh migratsiya v Yugoslavii (pp. 7–26): The digest of articles of an international scientific conference. Moscow: Indrik. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николич Милица

младший научный сотрудник
Лаборатории сравнительного литературоведения и креативных практик
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Nicolitch Militsa

Junior Researcher
Research Laboratory for Comparative Literature and Creative Practices
Moscow Linguistic State University

Статья поступила в редакцию	20.12.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	19.01.2024	approved after reviewing
принята к публикации	28.02.2024	accepted for publication

Социокультурная инклюзия в современной России: в поисках национальной модели

Д. А. Демина¹, Д. А. Фурсова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹dasha_k@mail.ru

²da_fursova@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрено инклюзивное образование в России в аспекте национальной идентичности. На основе сопоставительного анализа определений понятия «инклюзия» в русских, английских и немецких словарях, выявлен ряд противоречий между концептом «инклюзия» в русской и западной культурах. Проанализированы проблемы современного российского инклюзивного образования. Сделаны выводы о необходимости развития инклюзивного образования, соответствующего русскому культурному коду и специфике русской культуры.

Ключевые слова: инклюзивное образование, инклюзия, национальная и социокультурная идентичность, национальная модель, христианские ценности, высококонтекстная культура

Для цитирования: Демина Д. А., Фурсова Д. А. Социокультурная инклюзия в современной России: в поисках национальной модели // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 161–167.

Original article

Sociocultural Inclusion in Modern Russia: in Search for National Model

Darya A. Demina¹, Darya A. Fursova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹dasha_k@mail.ru

²da_fursova@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to inclusive education in Russia in the aspect of national identity. Basing on comparative analysis of the definition of the concept “inclusion” in Russian, English and German dictionaries, the authors reveal differences between the concepts of “inclusion” in Russian and Western cultures. The research also covers some modern inclusive education issues in Russia. The authors conclude that development of inclusive education should go in compliance with Russian cultural code and high-contextuality of Russian culture.

Keywords: inclusive education, inclusion, national and sociocultural identity, national model, Christian values, high-context culture

For citation: Demina, D. A., Fursova, D. A. (2024). Sociocultural Inclusion in Modern Russia: in Search for National Model. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(885), 161–167.

ВВЕДЕНИЕ

Инклюзивное образование в России регламентируется государственными документами и программами, во многом опирающимися на западные концепции инклюзивного общества и инклюзивного образования. Между тем содержание понятия «инклюзия» в либеральном и традиционном обществе имеет принципиальные различия. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработать концепцию инклюзивного российского образования, соответствующую специфике русской культуры. Цель исследования – описать текущее состояние инклюзивного образования в контексте слома парадигм социокультурной идентичности для выявления противоречий, мешающих её достижению в России. Для более глубокого понимания российской идентичности мы опирались на работы А. Н. Махиной, О. И. Генисаретского, а также на тексты основополагающих государственных законодательных документов^{1,2}. При исследовании специфики русской языковой картины мира мы использовали работы А. А. Зализняка, И. Б. Левонтиной, А. Д. Шмелева, А. Е. Бочкарева.

«ИНКЛЮЗИЯ» КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ КОНЦЕПТ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

При анализе словарных определений понятия «инклюзия» нами было отмечено отсутствие определения самого понятия «инклюзия»: зачастую даются определения терминов на основе этого понятия: *инклюзивное общество, инклюзивное образование, инклюзивный рынок труда*³. Поскольку концепт «инклюзия» был позаимствован в западном дискурсе, можно предположить, что российские исследователи опирались на определения, принятые в западном социокультурном и научном дискурсе.

Согласно определению, данному Кембриджским словарем, инклюзия основывается на идее равного доступа к благам и положительному социальному опыту⁴, однако полностью игнорируется факт негативного социального опыта, от которого пытаются ограждать людей с инвалидностью посредством мер социальной защиты. Объектом инклюзии называются люди с инвалидностью (*disabilities*) или «дру-

гим изъяном» (*disadvantage*), что говорит о специфическом восприятии людей с инвалидностью. В русской картине мира *изъяном* считается порок, несовершенство или недостаток, относящийся к нравственно-духовному развитию человека⁵, и не описывающий людей с инвалидностью.

Объектом инклюзии, согласно словарям «Oxford Dictionary»⁶ и «Merriam Webster»⁷, являются меньшинства. Можно отметить некоторые расхождения в содержании понятия «меньшинства» на законодательном уровне. Права этнических меньшинств защищены Конституцией РФ⁸, а также рядом законов по защите языка и культуры. Сексуальные меньшинства в Российской Федерации не выделяются в отдельную категорию граждан за отсутствием на то конституционных оснований.

Словарное определение, предлагаемое американским словарем «Merriam Webster» содержит также упоминание об исторически дискриминируемых социальных группах по принципу расы, гендера, сексуальной ориентации или возможностей⁹. Проблема расовой дискриминации никогда не стояла для нашей страны настолько остро, как для США, а проблема угнетаемых слоев населения была радикально решена в начале XX века [Ермалавичус, 2020]. Что касается гендерной дискриминации, то в первую очередь следует отметить наличие только двух гендеров, признаваемых в нашей традиционной культуре, соответствующих биологическому полу – мужскому и женскому; при этом в России законодательно запрещается менять пол¹⁰. Вопрос гендерной флюидности как части инклюзивной культуры и гендерно-флюидного человека как объекта инклюзии, таким образом, не является актуальным для нашей страны. Что касается корпоративной дискриминации в отношении представительниц женского пола и наличия так называемого стеклянного потолка, следует признать, что данная проблема существует [Рождественская, Воронкова, 2022], но выделять ее в отдельную категорию в рамках инклюзивной культуры представляется не вполне обоснованным: женщины в Российской Федерации имеют равные права на образование и трудоустройство, занимают руководящие посты,

¹<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>

²<http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512>

³Макарьев И.С. Краткий словарь системы понятий инклюзивного образования: терминологический словарь. СПб: СПб ГБ ПОУ «Охтинский колледж», 2015.

⁴<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/inclusion?ysclid=Iq5y4wdzb584156032>

⁵<https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D0%B8%D0%B7%D1%8A%D1%8F%D0%BD>

⁶<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/inclusion?ysclid=Iqe5zga5dw528180293>

⁷<https://www.merriam-webster.com/dictionary/inclusion>

⁸https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=Iqgdmw7htd522537633

⁹<https://www.merriam-webster.com/dictionary/inclusion>

¹⁰https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/902a58ee0b9a7017e3e5a77464c63deadaf6c5fc/?ysclid=Iqgdnmj3x878795614

имеют определенные социальные выплаты и льготы в связи с рождением детей.

Немецкие толковые словари¹ определяют «инклюзию» как включенность и равноправное участие всех в общественной жизни. Большинство словарных статей дают определение инклюзии именно в контексте педагогики: инклюзия – совместное воспитание детей с нарушениями здоровья и без нарушений здоровья в детских садах и школах.

Таким образом, можно сказать, что в российском обществе, придерживающемся традиционных культурных ценностей, под *инклюзией* понимается процесс включения людей с инвалидностью или ограничениями возможностей здоровья в общество на равных правах и с равными обязанностями. Однако *равенство прав* и *равенство обязанностей* носит весьма условный характер. Так, например, *равенство прав* подразумевает наличие права на первое бесплатное высшее образование, однако люди с инвалидностью в РФ имеют право также и на второе бесплатное высшее образование. Иными словами, идея равенства в определении, очевидно, создает предпосылки для ложного понимания инклюзии, инклюзивного общества и инклюзивной культуры.

АНАЛИЗ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ ДОКУМЕНТОВ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РФ

Даже ограничиваясь при определении инклюзивного общества степенью включенности людей с инвалидностью в социум, отечественные ученые и законодатели руководствуются в основном западными документами. Так, например, инклюзивное образование или этика общения с инвалидами основываются на Конвенции о правах инвалидов, утвержденной Генеральной Ассамблеей ООН². Постулируемые в данном документе идеи лишь частично соответствуют российской государственной идеологии и социокультурным реалиям. Так, например, не нарушает российской социокультурной идентичности определение понятия «язык», включающее в себя жестовые формы языка, или принцип «разумного приспособления».

Некоторые части данной Конвенции противоречат друг другу, и, как минимум, по этой причине не могут быть использованы как руководство к действию. Так, например, *принцип полного и эффективного включения людей с инвалидностью* в общество противоречит *принципу уважения к личности*

индивида и праву на выбор, в том случае, если индивид с инвалидностью предпочитает не быть включенным в общество.

Также некоторые статьи рассматриваемой Конвенции не соответствуют российским реалиям. Так, женщины с инвалидностью не подвергаются в нашей стране большей дискриминации, чем мужчины с инвалидностью. С другой стороны, в Конвенции отсутствует упоминание важной категории, а именно – людей, получивших инвалидность при исполнении гражданского / воинского долга.

Состояние инклюзивного образования в России, очевидно, отражает общую зависимость от западного опыта, хотя в целом в сфере образования предпринимаются попытки получить концептуальную и структурную автономность. В 2012 году был принят Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», который, в частности, регламентирует процесс внедрения модели совместного образования нормотипичных детей и детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). В этом документе отражен ряд принципиальных отличий российской системы образования от западных, в частности, раскрыто понятие «образование» как взаимосвязь воспитания и обучения³.

В части организации инклюзивного образования законом «Об образовании» предусмотрены следующие специальные условия: адаптированная образовательная программа, индивидуальная программа реабилитации, специальные технические устройства, пособия или дидактические материалы, а также методы обучения и воспитания, предоставления услуг ассистента для оказания технической помощи. Всё это – разумный комплекс мер социальной заботы, направленной на устранение барьеров, вызванных ограничениями возможностей здоровья. Некоторые меры – такие как обеспечение бесплатным питанием обучающегося с инвалидностью и денежная компенсация стоимости питания в случае обучения на дому или право на получение бесплатного второго высшего образования, обеспечение бесплатными учебниками или услугами переводчика русского жестового языка (РЖЯ) – являются отражением христианской идеи милосердия и национальной культуры социальной заботы – характерной части русской культуры. Однако часто подобная забота приводит к определенным перекосам как со стороны оказывающего эту заботу (гиперопека, отношение к человеку с инвалидностью, как к недееспособному, псевдожалость), так и со стороны объекта заботы (потребительская позиция, завышенные ожидания, псевдостеснительность).

¹<https://www.duden.de/rechtschreibung/Inklusion>, <https://www.duden.de/rechtschreibung/Inklusion>

²https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml

³https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/?ysclid=qgdq7q4sb211252019

Характерным свидетельством подобного перекоса является тематика исследований в области организации развития инклюзивного образования, которые в большей степени затрагивают проблему неготовности как системы, так и педагогического коллектива к работе с обучающимися с особыми образовательными потребностями [Сорокин, Луковенко, 2018; Хитрюк, 2015; Афанасьев и др., 2019; Ямбург, 2017]. Иными словами, ответственность возлагается исключительно на образовательное учреждение, что в конечном счете означает – на конкретного педагога.

Данная практика приводит к проблеме «имитационного инклюзивного образования» [Создание инклюзивной образовательной среды..., 2022], характерной как для среднего, так и для высшего образования. Проблема имитации инклюзии обусловлена, на наш взгляд, прежде всего отсутствием четкой концепции инклюзии, соответствующей русской культуре, а также учитывающей уникальный опыт советской педагогики и дефектологии. Кроме того, любой выход из рамок официальных регламентов к построению инклюзивного общества сопряжен с социальными конфликтами: каждому участнику образовательного процесса необходимо адаптироваться под работу в инклюзивной группе.

Педагогу нужно перестроить процесс обучения с учетом изменившихся условий, при этом учесть интересы всех обучающихся, а не только обучающегося с ОВЗ. В зависимости от нозологии это могут быть самые разные изменения в образовательном процессе – от подключения дополнительного специалиста до изменения формата презентации материала. Однако в любом случае нагрузка на педагога, работающего в инклюзивной группе, возрастает.

Нормотипичным обучающимся необходимо научиться общаться со своим одноклассником / одноклассником с ОВЗ с уважением и со вниманием к его возможным особым потребностям: это соответствует содержанию воспитательной компоненты образования в России. Однако за ними должно оставаться право личного выбора – дружить или оставаться нейтральным по отношению к участнику группы с инвалидностью. Инвалидность не может быть индикатором духовно-нравственного портрета человека, как не может быть таким индикатором любой другой антропометрический параметр.

Обучающемуся с ОВЗ необходимо научиться брать на себя ответственность за отношения с другими, а также за сам образовательный процесс. На обучающихся с особыми потребностями должно в равной мере распространяться действие ФЗ «Об образовании» в части воспитания: они должны соблюдать нормы поведения в обществе, уважать других, быть трудолюбивыми и т. д.

В системе дошкольного и школьного образования есть различные образовательные траектории для детей с ОВЗ, в том числе инклюзивное образование для тех детей, которые могут освоить образовательную программу обычной школы. Однако ошибочным, на наш взгляд, является полный отказ от советской системы особых «коррекционных» школ для реализации специальных программ для тех детей, которые не могут по тем или иным причинам освоить обычную образовательную программу. Принцип ближайшей зоны развития, открытый Л. С. Выготским, является основополагающим в равной мере для инклюзивного, общего и коррекционного образования [Выготский, 1999]. В то же время важной характеристикой по-настоящему инклюзивного общества является умение обозначить проблему и решить ее, вместо того чтобы пытаться ее завуалировать, вовлекая в мучительный и безрезультатный процесс всех участников.

В отличие от общего среднего образования, в системе высшего образования предусмотрена только модель инклюзивного обучения, когда студенты с ОВЗ обучаются вместе с остальными. При этом задача вузов – подготовить профессионалов, которые в дальнейшем станут равноценными и равноправными участниками рынка, конкурентноспособными профессионалами, что соответствует ФЗ «Об образовании» и концепции инклюзивного общества¹. Логично предположить, что будет мало желающих получать услуги специалиста с инвалидностью, если его образование будет априори качественно ниже образования специалиста без инвалидности. Поэтому, когда речь ведется о создании особых условий обучения в высшей школе, имеется в виду устранение тех барьеров, которые мешают получать информацию и обучаться людям с ОВЗ, но не разработка облегченных требований для таких обучающихся.

В условиях внедрения модели инклюзивного образования помимо обеспечения архитектурной и технической доступности перед вузами стоят задачи подготовки педагогических кадров к работе в новых условиях, а также создание здоровой психологической атмосферы. Педагоги высшей школы оказались не готовы к приходу в вузы обучающихся с ОВЗ: как с психологической, так и с профессиональной точек зрения. В первую очередь это обусловлено практически полным отсутствием подобной практики ранее.

Современные преподаватели вузов часто выражают отсутствие желания учитывать особые потребности студентов. Даже если аудитория идеально оборудована для обучающегося с ОВЗ, всё

¹https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/?ysclid=lgdq7q4sb211252019

равно ему требуется отдельное внимание со стороны преподавателя. Обучающимся с ДЦП часто требуется немного больше времени для выполнения заданий просто в силу заболевания, а для обучающихся с нарушениями слуха необходимо создавать условия, в которых они смогут реализовать свое право на доступ к образованию (это и визуализация учебного материала, и необходимость следить за тем, что обучающийся может видеть лицо лектора, что ему не мешают посторонние шумы. Также необходимо учитывать, что для многих людей с нарушением слуха родным языком является русский жестовый язык, что также может стать фактором, затрудняющим усвоение учебного материала). Большинство преподавателей высшей школы не осведомлены, с какими объективными трудностями приходится сталкиваться в процессе обучения людям с различными нозологиями. Кроме того, преподаватели могут демонстрировать псевдожалость, при которой обучающемуся с инвалидностью будет необоснованно облегчена учебная задача, а также снижены критерии оценивания. Последствия псевдожалости для обучающегося с инвалидностью исключительно негативные: его конкурентоспособность на рынке по сравнению с другими снижается.

Между тем игнорировать концепты «жалость», «сострадание», «сочувствие» – одни из определяющих в русской культуре – также нельзя [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005; Бочкарев, 2017]. Инклюзивная культура в России должна строиться именно на основе сострадания и сочувствия, в христианской, евангельской интерпретации этого концепта, не оскорбительного для человека с инвалидностью: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лк. 6:31) и «будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» (Лк. 6:36).

Такая жалость не имеет ничего общего с социальной псевдожалостью, которая на данный момент исходит и от органов государственной власти, и от социума, от профессионального педагогического сообщества и от семьи. Социальная псевдожалость не является инклюзивным подходом и не позволяет обучающимся с ОВЗ полноценно развиваться, учиться, реализовывать себя. Участие в социальной жизни даст обучающимся возможность как развиваться самим, почувствовать свою востребованность, так и мотивировать других людей.

Для преодоления этого дефицита системы образования необходимо разрабатывать и проводить повышения квалификации для преподавателей, развивать их мотивацию и ценностные ориентиры для того, чтобы они стали активными

участниками построения системы инклюзивного образования. Однако одной мотивации преподавателей недостаточно. Как уже было сказано ранее, работа в инклюзивной группе зачастую влечет за собой повышенную нагрузку на преподавателя, что должно учитываться при организации образовательного процесса: повышение оплаты труда, сокращение аудиторных часов, выделение дополнительного специалиста, работающего в паре с преподавателем – решения могут быть различными.

Обучающиеся с ОВЗ, поступающие в университеты, в свою очередь, также оказывались неготовыми к высоким требованиям, которые российская система высшего образования предъявляет к студентам. Нередко наблюдается парадоксальная ситуация, при которой обучающиеся с инвалидностью, с одной стороны, проявляют псевдостеснительность и замалчивают объективные сложности (например, не сообщают преподавателю, что у них есть нарушения слуха), с другой – могут предъявлять необоснованные требования облегчить им образовательный процесс. Последствия описанных стратегий поведения обычно делятся на две категории: неуспеваемость или даже неоконченное высшее образование в первом случае и конфликты с профессорско-преподавательским составом и другими студентами во втором.

Между тем построение инклюзивной системы образования невозможно без открытого диалога между всеми участниками образовательного процесса. Нормой поведения и проявлением вежливости в по-настоящему инклюзивном обществе должно стать, с одной стороны, своевременное информирование о наличии особых потребностей, вызванных ограничением возможностей здоровья, с другой стороны, учет этой информации людьми без ОВЗ. При построении диалога следует, однако, учитывать, что русская традиционная культура является высококонтекстной культурой [Hall, 1989]: большая часть информации является недосказанной, поскольку содержится в самой культуре. Проговаривание, открытое обсуждение зачастую является достаточно болезненным, неестественным и любая излишняя открытость и вербализованность может вызывать избегание проблемы. Возможно, именно отсутствием учета специфики высокой контекстности русской культуры обусловлено выделение людей с инвалидностью в отдельную группу при открытой общественной дискуссии на тему инклюзивной культуры и вниманию государства к социальной поддержке людей с инвалидностью. На сегодняшний день на фоне разговоров о создании инклюзивной среды и проведения

множества направленных на реализацию данной задачи мероприятий часто обучающихся с ОВЗ и с инвалидностью выделяют в отдельную группу и неверно обозначают ее как инклюзивную.

Очевидным и уже реализуемым решением, учитывающим специфику русской культуры, является активное развитие волонтерства, в том числе и инклюзивного. Развитие данного направления можно представить на примере модели профессионально ориентированного социально-инклюзивного волонтерства, когда студенты в процессе обучения оказывают услуги в рамках своей будущей профессиональной деятельности. Такие задачи часто предполагают разработку проекта, что будет означать работу в команде и выполнение различных ролей. Если в аудитории все студенты должны выдавать некий норматив, то в проектной работе студент с ОВЗ может почувствовать свои силы, выбрать роль, которая максимально раскроет его потенциал и создаст ситуацию успеха. Также волонтерство как деятельность, направленная на помощь другому, позволит обучающимся с ОВЗ выйти из позиции потребителя и увидеть, что и другому может быть нужна помощь, милосердие – а это в их силах. Обучающиеся с ОВЗ могут стать амбассадорами инклюзивного образования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог нашему исследованию, мы можем сделать следующие выводы:

- при изучении зарубежного опыта в области инклюзивного образования с целью его масштабирования в России, следует обращать внимание на концепцию инклюзии и соотносить данную концепцию с российской социокультурной идентичностью;
- инклюзивную среду невозможно одномоментно насадить с помощью административного ресурса, инклюзивная среда – это процесс, а не результат;
- как часть социокультурной среды, инклюзивная среда должна соответствовать русскому культурному коду; как часть образования – соответствовать концепции русского образования;
- создание российской инклюзивной среды должно выстраиваться в формате диалога между всеми участниками процесса с учетом специфики высокой контекстности русской культуры, а также на основе фундаментальных христианских ценностей, таких как милосердие, сострадание, как части российской социокультурной идентичности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ермаевичус Ю. Ю. Всемирная социалистическая революция. М.: РА Ильф, 2020.
2. Рождественская Е. Ю., Воронкова А. И. Достижительная женственность: медийная репрезентация успешной профессиональной карьеры // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20. №1. С. 37-52.
3. Сорокин Н. Ю., Луковенко Т. Г. Готовность профессорско-преподавательского состава к обучению инвалидов в вузе // Психологическая наука и образование. 2018. Том 23. № 2. С. 68–76.
4. Хитрюк В. В. Инклюзивная готовность педагогов: генезис, феноменология, концепция формирования: монография. Беларусь, Барановичи: БарГУ, 2015.
5. Афанасьев Д. В. [и др.]. Готовность преподавателей высшей школы к инклюзивному образованию / Д. В. Афанасьев, О. А. Денисова, О. Л. Леханова, В. Н. Поникарова // Психолого-педагогические исследования, 2019. Т. 11, № 3. С. 128–142.
6. Ямбург Е. Ш. Профессиональный рост учителя: оценка и ответственность // Психологическая наука и образование. 2017. Том 22. № 4. С. 5–6.
7. Создание инклюзивной образовательной среды в образовательных организациях: методические рекомендации для руководящих и педагогических работников общеобразовательных организаций / Алехина С. В. и др. М.: МГППУ, 2022.
8. Выготский Л. С. Динамика умственного развития школьника в связи с обучением // Педагогическая психология / Под ред. В. В. Давыдова. М.: Педагогика, 1999.
9. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005.
10. Бочкарев А. Е. О жалости и смежных понятиях в русском языковом сознании // Slavica Slovaca, 2017. Т. 52, № 2. С. 110-121.
11. Hall E.T. Beyond Culture. Anchor Books, 1989.

REFERENCES

1. Ermalevichyus, Yu. Yu. (2020). Vsemirnaya socialisticheskaya revolyuciya. = The World Socialist Revolution. Moscow. (In Russ.)
2. Rozhdestvenskaya, E. YU., Voronkova, A. I. (2022). Achievement femininity: media representation of the professional careers of women top managers and entrepreneurs. The Journal of Social Policy Studies. Vol.20, № 1, 37–52. (In Russ.)
3. Sorokin, N. Yu., Lukovenko, T. G. (2018). Readiness for Training Disabled Students in Academic Staff of Universities. Psychological Science and Education. Vol. 23, № 2, 68–76. (In Russ.)
4. Hitryuk, V. V. (2018). Inklyuzivnaya gotovnost' pedagogov: genezis, fenomenologiya, koncepciya formirovaniya = Inclusive readiness of teachers: genesis, phenomenology, concept of formation. Belarus', Baranovichi: BarGU, (In Russ.)
5. Afanasiev D. V., Denisova O. A., Lekhanova O. L., Ponikarova V. N. (2019). Higher Education Teacher Readiness for Inclusive Education. Psychological-Educational Studies. Vol. 11, № 3, 128–142. (In Russ.)
6. Yamburg Ye. S. (2017). Teacher Professional Development: Evaluation and Responsibility. Psychological Science and Education. Vol. 22, № 4, 5–6. (In Russ.)
7. Sozдание inklyuzivnoj obrazovatel'noj sredy v obrazovatel'nyh organizacijah: metodicheskie rekomendacii dlya rukovodyashchih i pedagogicheskikh rabotnikov obshcheobrazovatel'nyh organizacij = reating an inclusive educational environment in educational organizations: methodological recommendations for managers and teaching staff of educational organizations / Alekhina, S. V. et all. Moscow: MGPPU. (In Russ.)
8. Vygotskij, L. S. (1999). Dinamika umstvennogo razvitiya shkol'nika v svyazi s obucheniem = The dynamics of a student's mental development in connection with learning // Educational psychology. / In V. V. Davydova. Moscow: Pedagog. (In Russ.)
9. Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2005). Klyuchevye idei russkojazykovoj kartiny mira = Key ideas of the Russian language picture of the world: collection of articles. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.)
10. Bochkarev, A. E. (2017). On sense of zhalost' ('pity') and related concepts in the Russian linguistic consciousness. Slavica Slovaca. Vol. 52, № 2, 110–121. (In Russ.)
11. Hall, E.T. (1989). Beyond Culture. Anchor Books.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Демина Дарья Аркадьевна

кандидат педагогических наук, доцент
директор центра поддержки инклюзивного образования
Московского государственного лингвистического университета

Фурсова Дарья Аветисовна

кандидат культурологи
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Demina Darya Arkad'evna

PhD (Pedagogy)
Assistant Professor, Head of Inclusive Education Support Center, Moscow State Linguistic University

Fursova Darya Avetisovna

PhD (Culturology)
Assistant Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in Humanities and Applied Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

25.12.2023
25.01.2024
28.02.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 75.017.4

Цвет и фабула в изображении: символизм, эмоциональное воздействие и возможность вербализации

Д. А. Севостьянов

*Новосибирский государственный медицинский университет, Новосибирск, Россия
dmitry.sevostyanov1964@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматривается структура фабулы в произведениях живописи. Показано, что цветовое решение картины (колорит) представляет собой глубинный слой ее фабулы. Обсуждается, каким образом может быть вербализована фабула картины. Анализируется символическое значение цвета в картине, и представлены данные о символическом значении цветов в разных культурах. Анализируется также роль выразительной моторики художника, воздействие которой не подлежит вербализации.

Ключевые слова: живопись, фабула, выразительная моторика, колорит, вербализация фабулы

Для цитирования: Севостьянов Д. А. Цвет и фабула в изображении: символизм, эмоциональное воздействие и возможность вербализации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 4 (885), С. 168–174.

Original article

Color and Narrative Theme in the Picture: Symbolism, Emotional Impact and the Possibility of Verbalization

Dmitry A. Sevostyanov

*Novosibirsk State Medical University, Novosibirsk, Russia
dmitry.sevostyanov1964@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the structure of the narrative theme in the works of painting. It is shown that the color scheme of the painting (color) is a deep layer of the narrative theme of the painting. The symbolic meaning of color in the painting is analyzed. The data on the different symbolic meaning of flowers in different cultures are presented. The problem of how the narrative theme of the picture can be verbalized is discussed. The role of expressive motor skills of the artist, the impact of which is not subject to verbalization, is also analyzed.

Keywords: painting, narrative theme, expressive motor skills, color, verbalization of the narrative theme

For citation: Sevostyanov, D. A. (2024). Color and narrative theme in the picture: symbolism, emotional impact and the possibility of verbalization. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(885), 168–174.

ВВЕДЕНИЕ

Одна из основных функций искусства, как известно, заключается в пробуждении у реципиента (зрителя, слушателя) некоторого комплекса эстетических эмоций. Применительно к живописи одним из важнейших факторов, вызывающих эмоциональную реакцию, является колорит изображения, его цветовой решение. Этот фактор эксплуатируется столько, сколько существует живопись, а в современном искусстве разнообразным экспериментам с цветовым эмоциональным воздействием поистине нет числа. С теоретических и практических позиций чрезвычайно важно знать, к какому именно каналу передачи эмоциональной информации может быть отнесен колорит изображения, а следовательно, как он может себя в этом отношении проявить. Особую роль приобретает возможность (или принципиальная невозможность) вербализации эмоциональных воздействий, оказываемых на зрителя посредством произведения искусства.

ПУТИ ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

В разных видах искусств, которые принято относить к изобразительным (в широком смысле этого слова), представлены как минимум два канала, передающих эмоциональную информацию от художника к реципиенту (зрителю, слушателю, читателю): это неспецифический канал, общий для всех искусств (фабула данного произведения), и специфический канал (у каждого вида искусства он свой). Специфические каналы имеются и в чисто пространственных искусствах, и в пространственно-временных искусствах, и в чисто временных. Так, в художественной литературе таким специфическим каналом является неповторимый лексикон писателя, в балете – собственная телесная пластика исполнителей, подчиненная музыкальному ритму, но значимая прежде всего сама по себе, а в живописи и в графике для этого служит изобразительная моторика художника, которая тоже неповторима (как, скажем, почерк при письме). В живописи это преимущественно выразительные мазки, а в графике – линии, хотя четких границ здесь нет, поскольку выразительные линии не в редкость и в живописи; впрочем, индивидуальная моторика художника представляет собой более широкое понятие и к этим простым выразительным формам, разумеется, не сводима.

Фабула обладает важнейшим общим свойством во всех изобразительных искусствах: она

вполне доступна вербализации. Так, например, фабула художественного изображения (выполненного любыми средствами и на любой изобразительной поверхности) находит свое выражение в экфрасисе данного произведения, применительно к литературному произведению фабула может принять форму синопсиса, а в балете она представляется в виде либретто. В любом случае, отображенная в вербальной форме фабула допускает синонимию; она может быть без утраты смысла изложена другими словами, а также переведена на другой язык или же изначально изложена на любом языке. Специфический канал передачи эмоциональной информации не таков. Его содержание в принципе не может быть вербализовано, если вербальная форма (как это бывает в изящной словесности) не присуща ему изначально; а если и присуща, то и тут мы столкнемся, в частности, с недопустимостью синонимии. Перевод же на другой язык создает здесь фактически другое произведение, хотя и с прежней фабулой.

Словесная передача не позволяет воспроизвести воздействие специфического эмоционального канала, в чем бы он ни состоял. Если мы попытаемся вербальными средствами создать ту же эстетическую эмоцию, которую вызывает, например, восприятие двигательных актов художника, запечатленных на холсте, или движение танцовщицы в балете, то самое большее, чего мы, в принципе, можем достичь – это вызвать *похожую* эмоцию, но никогда не точно такую. В живописи это проявляется особенно наглядно.

В отношении специфических и неспецифических информационных каналов существует и такое правило: если специфические каналы создают прямое (непосредственное) эмоциональное воздействие на реципиента, то фабула воздействует на него лишь косвенно, опосредованно, через столкновение двух ситуаций: в одной ситуации пребывает реципиент, другую он воспринимает из фабулы произведения. Жизненный опыт, апперцепция реципиента, его социокультурная принадлежность, присущая ему система ценностей приходит в этот момент в соприкосновение с фабулой; и потому не стоит удивляться, если одна и та же фабула у разных субъектов может порой вызвать явно различающиеся (а иногда и диаметрально противоположные) эмоциональные реакции.

При этом невозможно утверждать, что эти эмоциональные каналы (специфический и неспецифический) в каждом из искусств разобщены не только функционально, но и структурно. Они замыкаются в области символических операций, которая представляет собой высший уровень в иерархической системе активности человека. Именно

здесь рождается фабула произведения, и здесь же формируются команды к нижележащим уровням активности, которые, в свою очередь, производят контент, присущий уже специфическим эмоциональным каналам. Однако низшие уровни активности у человека способны проявлять известный уровень самостоятельности и в результате такой системной инверсии приобретают самодовлеющее значение; это и порождает описанную выше форму системных отношений.

Однако в этой картине (не вызывающей, в принципе, теоретических трудностей) присутствует как минимум один неясный момент. Проявляется он преимущественно в отношении живописи и состоит в оценке того, какова реальная роль цвета (цветового решения, колорита данной картины) применительно к передаче эмоциональной информации в произведении искусства.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ЦВЕТА И ЦВЕТОВЫЕ АССОЦИАЦИИ

Цвет, примененный в изображении¹, безусловно, оказывает эмоциональное воздействие на реципиента. Требуется, однако, определиться с тем, какова природа этого воздействия. Если оно целиком пребывает в сфере символических операций, его можно рассматривать как часть фабулы изображения. Если же восприятие тех или иных цветов и их сочетаний вызывает непосредственную эмоциональную реакцию, минуя символические отношения, то тогда тему цвета в изображении требовалось бы выделить и рассматривать цветовой канал эмоционального воздействия как самостоятельный.

Прежде всего необходимо выяснить, что нам следует понимать под символическими операциями. Символ есть объект, наделенный самостоятельным бытием (в действительной или вымышленной реальности), и обладающий, кроме этого, каким-либо дополнительным значением, т. е. выполняющий функции означаемого при каком-то означаемом. Именно операции с символами, как уже говорилось, возглавляют систему человеческой активности; именно на этом ее уровне рождается фабула произведения.

Обладают ли символическим значением цвета? Да, это безусловно так; каждый из нас сталкивается с этим фактом ежедневно, переходя улицу на зеленый («разрешающий») цвет светофора, но

¹ Сюда относятся также использование «теплых» и «холодных» цветовых тонов, их сочетаний, передача цветовой среды – всё то, что образует в рамках данного произведения целостную систему и обозначается как колорит изображения

останавливаясь на красном его сигнале. Известны также, например, «синий», «желтый» и «красный» уровни террористической опасности. Однако такого рода условные значения цветов появляются не сами по себе; они, в свою очередь, строятся на определенном воздействии данных цветов на психику. И мы снова возвращаемся к вопросу: является ли это воздействие непосредственным (когда световое излучение определенной длины волны закономерно порождает некоторую предсказуемую реакцию), или же эта реакция порождается цветовыми ассоциациями, имеющими выученный (культурно обусловленный) характер?

Экспериментально доказано, что воздействие красного, желтого и белого цветов усиливают активность симпатической нервной системы человека, что необходимо для мобилизации сил организма при выполнении каких-либо активных действий. В свою очередь, воздействие синего, зеленого и черного цветов активизируют парасимпатическую нервную систему, действие которой направлено на поддержание гомеостаза, восстановление внутренней среды организма (в частности, парасимпатическая нервная система ответственна за функционирование пищеварения). Парасимпатическая нервная система уравнивает действие симпатической; так, симпатическая нервная система при ее возбуждении учащает сердечный ритм, парасимпатическая, напротив, снижает частоту сердечных сокращений.

Примечательно также, что при возбуждении симпатической нервной системы у данного субъекта повышается чувствительность к синему и зеленому цветам, а к красному и желтому – снижается (например, при прямом введении в глаз адреналина). И, наоборот, при возбуждении парасимпатической нервной системы чувствительность к зеленому и синему цвету снижается, а к красному и синему повышается [Базыма, 2007]. Здесь действует система с отрицательной обратной связью, не позволяющая допустить неконтролируемый рост возбуждения того или иного отдела вегетативной нервной системы.

Эти сведения как будто дают возможность утверждать, что цвет оказывает непосредственное влияние на психику реципиента, без участия выученных (символических) цветовых реакций. Чтобы доказать это положение, пришлось бы привлечь к такому эксперименту испытуемого, у которого совершенно отсутствовала бы цветовая апперцепция и который не имел бы никаких культурно обусловленных представлений о символических функциях цвета. Очевидно, что это невозможно. Таких людей, если не брать в расчет новорожденных младенцев, по-видимому, вообще нет. Даже дальтоник, цветов

не различающий, но выросший в определенной культуре, всё равно имеет представление о наличии предметных цветов и не может не знать об их символическом значении.

Известно множество культурно обусловленных цветовых ассоциаций. Перечислить все такие ассоциации не позволяет формат статьи; представим лишь несколько примеров. Так, Т. А. Буймистру, воспользовавшись рядом источников, приводит такие эмоциональные цветовые ассоциации¹:

- красный цвет – гнев, стыд, активность, радость, любовь, энергия
- оранжевый цвет – веселье, наслаждение, бодрость, крик
- желтый цвет – оптимизм, радость, возвышенность
- зеленый цвет – надежда, спокойствие, уверенность, тоска
- голубой цвет – спокойствие, нежность, мечта, неустойчивость
- синий цвет – покой, стабильность, вера, печаль
- фиолетовый цвет – достоинство, мрачность, таинственность
- белый цвет – чистота, романтизм, невинность, благородство
- серый цвет – грусть, пассивность, будничность, скука
- черный цвет – таинственность, смерть, независимость, трагизм

Существуют исследования, в которых суммируются цветовые ассоциации, получившие применение, например, в иконописи (т. е. в таком виде изобразительного искусства, в котором соблюдение традиций и канонов, по-видимому, важнее, чем что-либо другое). Здесь цвета составляют своеобразный язык:

Белый цвет изображает святыню, Божественные энергии, возводящие создание к своему Создателю; золотой – вечность; зеленый – жизнь; синий – тайну; красный – жертвенность; голубой – чистоту. Желтый цвет – цвет тепла и любви; сиреневый обозначает печаль или далекую перспективу; пурпур – победу; багряный цвет – величие; фиолетовый цвет используется в одеяниях, когда хотят подчеркнуть особенность служения или индивидуальность святого. Бирюзовый цвет – молодость; розовый – детство; черный цвет означает иногда пустоту, отсутствие благодати, а иногда грех и преступление. Черный цвет, соединенный с синим, – глубокую тайну; черный цвет, соединенный с зеленым, – старость. Серый цвет – мертвенность (скалы изображены на иконе серым цветом, четкими условными линиями). Оранжевый цвет – благодать Божию, преодолевающую материальность. Стальной цвет – человеческие силы

и энергии, в которых есть нечто холодное. Лиловый цвет – завершение. Янтарный цвет – гармонию, согласие, дружбу. Но это вовсе не таблица цветов как символических знаков, это скорее определенная тенденция использования цветов. В иконе говорят не цвета, а созвучия цветов. Из одних и тех же звуков создаются не похожие друг на друга мелодии: так, в меняющихся композициях цвета могут иметь различное символическое значение и эмоциональное воздействие» [Исаева, 2011, с. 101–102]¹.

Подобные перечни цветовых ассоциаций представлены в различных трудах. Из наиболее известных исследователей, каждый из которых составил свой тезаурус таких ассоциаций, можно назвать Макса Люшера (1996), Василия Кандинского (1992), а также Генриха Фрилинга и Ксавера Ауэра (1973). Уделяя данному вопросу внимание и Рудольф Арнхейм (1974). Короче говоря, попыток установить характерные цветовые ассоциации и как-либо систематизировать их очень много.

Косвенным доказательством справедливости вышеназванной гипотезы о непосредственном воздействии цвета на психику человека могли бы служить цветовые эмоциональные реакции у представителей разных народов и носителей разных культур.

Но так ли это на самом деле?

Есть ассоциации, присущие, казалось бы, всем народам Земли. Так, например, красный цвет всюду ассоциируется с огнем, кровью и Солнцем, а синий явственно связан с холодом и ночью. Данные цветовые ассоциации давно стали, что называется, общим местом. Так, Ли Фугуй и С. П. Ломов отмечают по этому поводу следующее: «Различные цвета порождают разные психологические эффекты, красный дает ощущение тепла, полной жизненной силы и жизненной энергии, ощущения счастья, подобно оде. Иногда этот цвет ассоциируется с кровью. Зеленый и фиолетовый – холодные тона, дают ощущение темной прохлады, выражают грусть, подобны печальному стихотворению. Цвета в художественных произведениях полны эмоций и чувств их создателей. Это общий инструмент всех художников, которые передают идеи и эмоции» [Ли Фугуй, Ломов, 2018, с. 316].

Действительно, казалось бы, кровь красная у всех людей. Смена дня и ночи знакома всем народам мира, и, следовательно, должна порождать общие для всех особенности эмоциональной реакции на цвет. Однако и здесь не всё просто: в умеренных широтах между ночью и днем бывают сумерки, в экваториальной зоне их практически нет, а в

¹http://www.elitarium.ru/2013/03/29/cvetovye_associacii_kachestva_cveta.html

приполярных областях день и ночь продолжаются по полгода. Так что даже и тут не может наблюдаться абсолютного тождества таких ассоциаций.

Известно деление цветов и цветовых тонов на «теплые» и «холодные». Конечно, красный цвет мы отнесем к «теплым», а голубой – к «холодным». Кажется, что здесь дело заключается в близости того или иного цвета к красному или фиолетовому краям видимого спектра. На самом же деле источником таких представлений являются всё те же (выученные!) цветовые ассоциации. В действительности красный цвет относится к длинноволновой, а голубой – к коротковолновой части видимого спектра, а энергия, которую несут фотоны светового излучения, обратно пропорциональна длине волны. Так, красный цвет ассоциируется у нас с огнем, но ведь это низкотемпературное пламя; пламя с высокой температурой (как в газовой горелке) – голубое. Если обратить свой взгляд на ночное небо, то и там мы обнаружим сравнительно холодные (красные) звезды, а также горячие (голубые). Кроме того, и желтый цвет может стать «холодным», если придать ему зеленоватый оттенок. Отсюда видно, что ассоциации цвета с теплом и холодом вызваны не его собственными физическими свойствами, такими как длина волны, а исключительно выученными цветовыми реакциями.

Ни для кого не секрет, что в культуре разных народов представлено огромное количество весьма разнообразных цветовых ассоциаций. Чрезвычайно показателен пример, приведенный в исследованиях Виктора Тэрнера. Он изучал цветовые ассоциации у различных африканских племен и, в частности, выяснил, что у чернокожих жителей Африки может наблюдаться полярно противоположное отношение к черному цвету: для одних этнических групп он является «плохим», для других – «хорошим». Сам Тэрнер обосновывает эти различия так: «Можно предположить, что черный цвет воспринимается как благотворный в засушливых районах, где мало воды и черные тучи сулят плодородие и изобилие (по-видимому, как растений, так и волос!). В районах, где вода имеется в изобилии и пищи более или менее достаточно, черное может быть неблагоприятным знаком» [Тэрнер, 1983, с. 95]. Это лишь один пример из его обширных исследований; однако в них содержатся указания на такое количество цветовых ассоциаций, не совпадающих между собой у разных народов и племен (и совершенно не похожих на те, которые представлены в нашей культуре), что вопрос о якобы существующем всепланетном тождестве цветовых эмоциональных реакций отпадает сам собой.

В качестве еще одной подобной иллюстрации можно привести особенности цветовой символики,

принятой в исламе; она в значительной мере отличается, скажем, от традиционной европейской [Умарова, 2014]. Так, в исламской культуре особое (сакральное) значение придается зеленому цвету. Это вполне объяснимо: в аравийских пустынях, на родине ислама, каждая зеленая травинка, что называется, на вес золота; иное дело, например, средняя полоса России, где зелени (по крайней мере, летом) более чем достаточно. Таким образом, всё сказанное позволяет утверждать, что непосредственное воздействие цвета на эмоции субъекта остается не более чем гипотезой, причем такой гипотезой, в которой даже и нет особенной нужды. Все известные эффекты от эмоционального воздействия цвета получают вполне исчерпывающее объяснение, исходя из наличия выученных, культурно обусловленных цветовых реакций, имеющих символическую природу. Следовательно, мы вправе считать цветовое решение картины частью ее фабулы.

К ВОПРОСУ О ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОЛОРИТА КАРТИНЫ

Возможна ли вербализация цветового решения картины? Разумеется, передать в вербальной форме наличие (и описание) того или иного отдельного цвета достаточно легко. Гораздо труднее передать в словесной форме колорит картины. Одна из трудностей здесь заключается в том, что в колорите картины цвета выступают не отдельно; они в ней взаимодействуют, и эмоциональное воздействие того или иного цвета в большой мере зависит от соседствующих цветов. Но и это, в конце концов, не главное: такие цветовые сочетания тоже могут быть описаны (и представлены в воссоздающем воображении реципиента). Кроме того, количество цветовых фрагментов, представленных на картине и описанных в вербальной форме, зачастую превышает возможности актуального сознания по одновременному сохранению и переработке информации. Разглядывая картину своими глазами, мы постоянно переносим фокус нашего внимания с одного ее участка на другой, волей-неволей отвлекаясь от остального; при вербальном же описании, чтобы оно достигло того же эмоционального эффекта, нам требовалось бы единовременно представлять себе картину в целом. Соответственно, количество материала, единовременно подлежащего вербальному осмыслению, в этом случае резко возрастает. Это, разумеется, трудность, но трудность, в принципе, преодолимая; выработанный навык группировки элементов дает возможность так или

иначе справиться с ней. Главная проблема при вербализации колорита состоит в том, что цветовые элементы изображения (мазки в живописи) часто являются одновременно и протяженными элементами, так или иначе отображающими особенности выразительной моторики художника. Именно такое сочетание, весьма иллюстративно представленное, можно видеть, например, в работах Михаила Александровича Врубеля (1856–1910), Николая Ивановича Фешина (1881–1955) и многих других русских и зарубежных живописцев; а среди современных художников такая изобразительная манера представлена более чем широко. Здесь уместно назвать Геннадия Викторовича Алехновича (р. 1959), Дмитрия Александровича Кустановича (р. 1970), Александра Владимировича Кабина (р. 1978), пейзажиста Василия Павловича Куксу (р. 1964). Впрочем, перечислить всех прежних и нынешних живописцев, в работах которых экспрессивные свойства движений живописца запечатлены в протяженных изобразительных элементах, одновременно создающих колорит картины, попросту невозможно. Как уже говорилось ранее, эмоциональное воздействие таких элементов изображения, вызванное запечатленным в них движением, принципиально не поддается вербализации. И потому, как только речь заходит о том, чтобы дать описание цветового строя картины, достоверно передающее

ее эмоциональное воздействие, нам очередной раз приходится возвращаться к той банальной истине, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. В большей мере это касается тех работ, в которых достаточно полно представлены протяженные выразительные элементы, неразрывно соединенные с колоритом картины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из сказанного выше можно сделать вывод, что колорит картины должен рассматриваться как компонент фабулы, но, вероятно, как наиболее глубокий ее слой. Восприятие символического значения тех или иных цветов и цветовых сочетаний может происходить как осознанно, так и минуя актуальное сознание; однако и в том, и в другом случае воздействие колорита на эмоциональное состояние зрителя происходит по тем же закономерностям, что и воздействие фабулы изображения в целом, т. е. опосредованным путем. Реальное влияние колорита на реципиента связано прежде всего с тем, каким образом представленная на изображении цветовая гамма сочетается с культурно обусловленными цветовыми ассоциациями, составление и реализация которых являет собой одну из наиболее древних, можно даже сказать примитивных, но вместе с тем и всеобъемлющих и широко распространенных символических операций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Базыма Б. А. Психология цвета: теория и практика. СПб.: Речь, 2007.
2. Исаева М. В. Символика цвета в иконе // Вопросы культурологии. 2011. № 5. С. 101–104.
3. Ли Фугуй, Ломов С. П. Концепция цвета в западной живописи // Право и практика. 2018. № 1. С. 314–317.
4. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983.
5. Умарова Г. А. Символика цвета и цветовые предпочтения в costume мусульман (на примере Таджикистана) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 4–1. С. 131–136.

REFERENCES

1. Bazyma, B. A. (2007). *Psikhologiya tsveta: teoriya i praktika* = Psychology of color: theory and practice. St. Petersburg: Rech. (In Russ.)
2. Isaeva, M. V. (2011). *Simvolika tsveta v ikone* = Symbolism of color in an icon. *Issues of cultural studies*, 5, 101–104. (In Russ.)
3. Li, Fuguy, Lomov, S. P. (2018). The concept of color in Western painting. *Law and Practice*, 1, 314–317. (In Russ.)
4. Turner, V. (1983) *Simvol i ritual* = Symbol and Ritual. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Umarova, G. A. (2014). Color symbols and color preferences in the costume of Muslims (example of Tajikistan). *Bulletin of Kazan state university of culture and arts*, 4–1, 131–136. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Севостьянов Дмитрий Анатольевич

доктор философских наук, доцент

доцент кафедры педагогики и психологии

Новосибирского государственного медицинского университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sevostyanov Dmitry Anatolyevich

Doctor of Philosophy, Associate Professor

Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology

Novosibirsk State Medical University

Статья поступила в редакцию	20.12.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	19.01.2024	
принята к публикации	28.02.2024	

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 4 (885)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 4 (885)**

Ответственные за выпуск

Е. А. Попова
кандидат филологических наук, доцент
Е. А. Попова
кандидат филологических наук, доцент.

Executive editors

Ekaterina A. Popova
PhD (Philology), Associate Professor
Evgenia A. Popova
PhD (Philology), Associate Professor

Редактор: Н. Г. Павлова
Верстка: А. В. Алымов
Разработка макета: А. Алымов

Editor: N. G. Pavlova
Layout: A. V. Alymov
Layout design: A. Alymov

Подписано в печать 31.05.2024
Усл. печ. л. 21,9
Формат 60x90/8
Заказ № 36/24

Signed for print: 31.05.2024
Conventional printed sheets: 21,9
Layout format 60x90/8
Order 36/24

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:

Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024

© FSBEI HE MSLU, 2024

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, Эл № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.3. Теория литературы
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства
- 5.12.3. Междисциплинарные исследования

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».